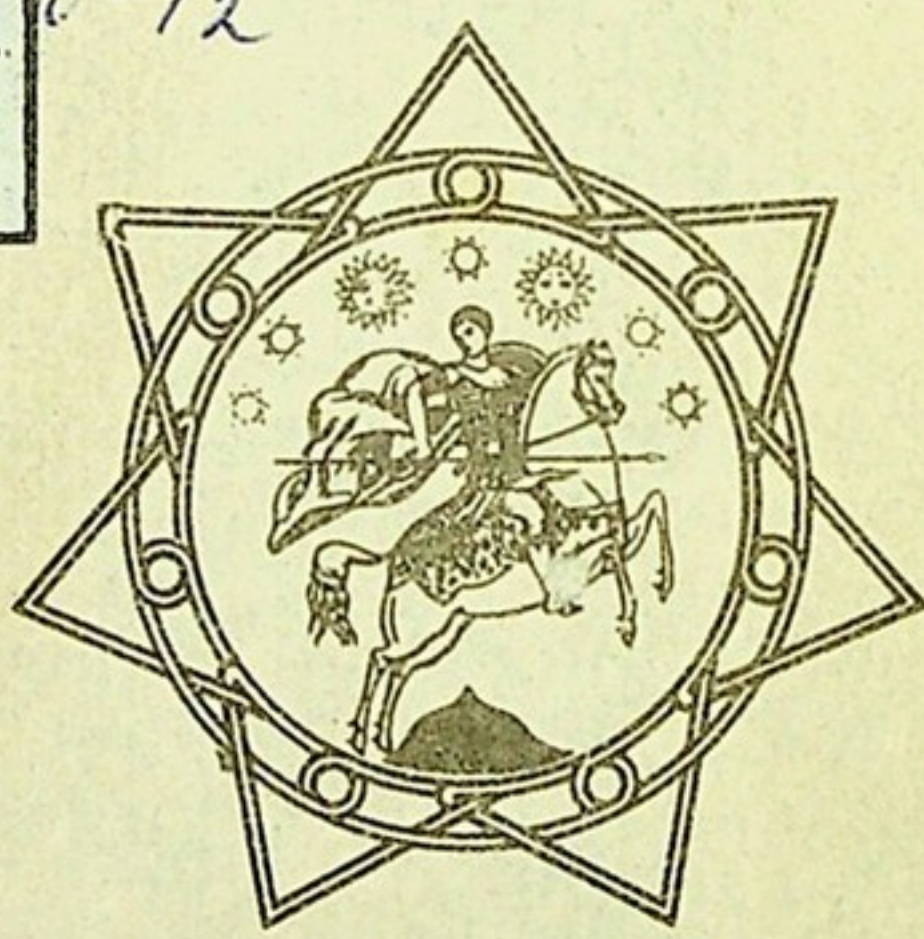

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1991

10.335 / 10-12
1991 / 4

9-10

საქართველოს
წიგნების კავშირი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1991

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Стихи. Переводы Генриха Варденги и Олега Боб- рова	3
СУЛХАН КЕТЕЛАУРИ. Здравнца. Рассказ. Перевод Левана Беджизати	5
ГЕОРГИЙ ЛОРДКИПАНИДЗЕ. В ожидании шедевра. Перевод Игоря Калашьяна и Юрия Чейшвили	27
МАНАНА БЕГАШВИЛИ. Стихи. Перевод Ганны Палагуты. Вводное слово Ев- гения Долматовского	65
ГЕНА СТОЙКОВ. Стихи	67
ДЖЕМАЛ КИРИА. Игра во взрослых. Роман. Продолжение. Перевод Нелли Солод	71

9-10

Издательство «Самшобло», Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- МАНАНА КВАЧАНТИРАДЗЕ. Обзор грузинской прозы (1990 г.) 146
- МИЛДРЕД КАЛАНДАРИШВИЛИ. П. Н. Берков о Руставели 172

ИСКУССТВО

- АЛЕКСАНДР ЧХЕИДЗЕ. Некоторые мысли и суждения... (О сегодняшнем дне грузинского изобразительного искусства) . . . 183

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- ТАМАЗ НАТРОШВИЛИ. Мудрец. Неугасимая свеча 192
- ДЖОНДО ГВАСАЛИА. Шида Картли. (Краткий экскурс в прошлое) 207

РЕЦЕНЗИЯ

- ГЕОРГИЙ НАДАРЕЙШВИЛИ. О единой с вельможами воле 221

Вечный поиск

Рядом стоим мы, вблизи друг от друга,
и все же друг друга мы ищем;
ищем на улицах и на дорогах,
в воздухе, в поле, в жилищах...

Наши глаза, что в другие вселились,
нас дополняя друг другом,
все-таки ищут касаний с иными
там — за очерченным кругом...

Это могучий и вечный наш поиск —
к лучшему, к высшему тяга;
и потому-то и нет нам покоя —
в каждом борец и бродяга...

Так вот — вблизи друг от друга и жить нам,
чтоб во вселенской округе —
в небе, на солнце, на горных вершинах
вечно искать нам друг друга...

Перевод Генриха ВАРДЕНГИ

Памятка живым

Не оскорбляйте
смерти, —
В свой черед
в ее постели
Вам лежать придется!

Библейское терпение

Человек
терпением
обделен, иначе
давно бы в раю
жил без печали
с богами вместе.

143.073

Плакальная

Сохнет, сохнет древо жизни,
Краткий миг отпущен гордым,
Если жил без укоризны, —
Все преодолеешь мертвым.

В бесконечной круговерти
Бытия забудь о малом,
Что тебе гримаса смерти —
Жизнь тебя не испугала!

Круговорот времени

Время течет без печали
Из прошлых в грядущие дали.
О чем мы, мечтая, страдали?
Зачем себе шею ломали?

Птица, что песней забылась, —
И та подневольна небу.
Божьи проклятье и милость
Нас настигают по следу.

Так же, как прежде, легки
Стрелы томительной ласки.
Время течет без тоски...
Слушаю старые сказки.

Перевод Олега БОБРОВА

З Д Р А В И Ц А

РАССКАЗ

Рассвело, и на заре в молчаливое ущелье с сопением въехал темно-зеленый «газик» с откинутым брезентовым верхом. Автомашина быстро побежала по тянущейся вдоль реки роще, окутанной сизой дымкой, наполняя ее резким запахом отработанного газа и взвивая вихри пыли, хотя спешить в такую рань, казалось, было некуда. Еще не зашумели птицы, не зависли в небе орлы, лишь поднявшийся из ущелья легкий туман медленно проплывал над покрытыми росой склонами гор.

Кроме шофера, в машине сидели еще четверо мужчин лет тридцати пяти-сорока. Одеты они были по-молодежному — туристские куртки цвета хаки, трикотажные синие спортивные штаны с белыми кантами, но в остальном от молодости и следа не осталось: животы, выкатившиеся чуть ли не до колен, лоснящиеся жирные щеки, двойные подбородки, облысевшие головы с тронутыми сединой висками — все говорило о том, что люди эти преуспели в тех радостях жизни, что попроще, и к тому же стремились выглядеть на свой лад по-солиднее как можно раньше, принеся в жертву этому стремлению не только бодрость, подтянутость тела, но и свежесть души. Отвалившись к спинке сиденья, все четверо равнодушно и лениво поглядывали вокруг — на голубую Арагви, хрустальные водопады, простершиеся до неба пастбища, покрытые изумрудной травой, и на прочно врытые в лесистые холмы, возвышавшиеся по обоим берегам реки, старинные крепостные стены и сторожевые башни.

— Удивительно, — нарушил тишину сидевший рядом с шофером, глядя влево, на красавицу-башню, сто-

ящую на краю высокой скалы. — Кто ее построил? И чего ради? Шутка сказать, поди заберись на такую высоту, а они еще и булыжники туда таскали! Прямо душа разрывается от жалости к ним, дуракам! Повернувшись к товарищам, он ухмыльнулся. — Ну, не дураки были, в самом деле?

— Нелепые были мужики, так же как нелепы возведенные ими стены! — заключил сидевший сзади справа; лицо его было испещрено оспинами и бугристыми морщинками. Упиваясь сказанным, он громко и самодовольно рассмеялся. Двое остальных — один смуглолицый брюнет, а другой рыжий, словно листья полевого пикульника, — тоже взглянули на башню и поддерживали приятелей:

— Во-во!

— Ну и ну, действительно, глупцы!..

Заговорил и шофер, — совсем еще молодой, безусый парнишка.

— Почему ж глупцы, может, надо было, вот и выстроили... — вставил он несмело.

— Да для чего надо было? Для чего предназначалось? — сосед шофера тотчас обратился к нему, изобразив преувеличенное внимание к его мнению и незаметно для него подмигнув приятелям.

— Для обороны. — Коротко ответив, парень переключил скорость.

— Да чего в этой глухомани оборонять-то было, потвоему?

— Дело не в глухомани, — все так же вежливо, но неуступчиво отвечал шофер. — Разве землю свою, страну защищать не надо было? Враг-то ведь вот по таким местам и проходил...

— Да будет тебе! — презрительно оборвал его сосед. — Страну защищать! Скажи лучше: просто в голову взбрело кому-то, а все потому, что возможности у него были, средства... сильным был, влиятельным, видно... Ну, и... Кто знает, может, не так уж ему это и нужно было, просто для забавы построил, для бахвальства — вот, мол, глядите, что я могу! — Положив руку на спинку сиденья, он повернулся к остальным. — Что, разве не потому пирамиды египетские возвели? А сейчас разве не так? У кого в руках сила, стало быть, и деньги... тот и сам частенько не знает, что делает, за-

чем, а вот делает, и все тут! — Он опять обратился к шоферу: — Видишь, парень, как дело-то обстоит? ты: землю свою, страну!..

Водитель не ответил. Согнувшись над рулем и на-супившись, он вглядывался в дорогу. Пассажиры же — назовем их Бывалый, Конопатый, Смуглый и Рыжий — продолжали начатый разговор, вскоре сойдясь на том, что нигде и никогда, безусловно, не было никаких дел на благо отечества, никакой заботы, самоотверженности — не говоря уж о самопожертвовании — во имя своей страны, своего народа; что все герои истории, бесспорно, придуманы для оболванивания простодушных людей, да и сама история — от начала до конца — конечно же, сплошная выдумка, в лучшем случае — сочинена ради чьей-то выгоды; и все, что ни делалось и ни делается испокон веков на земле, — несомненно, плод чьих-то личных желаний и возможностей. И значит, каждый разумный человек должен прежде всего печься о себе, об устройстве своих дел, об исполнении своих желаний. Вот наипервейшая цель нашей жизни, назначение нашего бытия, все прочее — глупость, ложь!

— Сплошная чушь!

— Конечно!

— Ведь и священное писание тому же учит: о завтра пусть завтрашний день и заботится!

— Это точно!

— Ну да!

Хотя дорога была трудной, машина летела вперед легко и неумоимо, обдавая пылью склонившиеся к самой земле ветви деревьев. Ровный гул мотора сливался с журчанием реки; так же плавно и нескончаемо тек разговор, а дорога между тем становилась уже, ущелье углублялось, Арагви с грохотом перекатывала свинцового цвета камни, вылизывая их холодным, пенным языком. Горы уходили все выше, и развалины вросших в крутые скалы крепостей виднелись все чаще. Но ничто больше не привлекало сидевших в машине, им было не до следов прошлого. Не видели они перед собой и дороги, что вилась по высокой, отвесной скале, не видели перекинувшиеся через пропасти, которые не охватит взгляд, железобетонные мосты — эти дивные творения эпохи, поражающие своим видом всех и словно громогласно возвещающие — вот мы, де-

тища наших дней! Нет, ничто тут не могло обратить на себя внимание наших пассажиров, и не хотели они попусту услаждать взор — ведь спешили по делу и, как все деловые люди, были поглощены размышлениями о нем.

Внезапно ущелье словно распахнулось; с одной стороны возвышались плосковерхая Карате и Нахальский пик, с другой выглянули церквушка у подъема в село Гудани, расщелина Санагеле и Бегенгорское взгорье. Здесь, между холмами, легендарный Мамука Калундаури наголову разбил грозного феодала Зураба Эристави и спас хевсуров от крепостного рабства. На месте его короткого привала и поныне высится каменный столб; надпись же, высеченная на этом столбе, гласит: «А который путник тут проедет да меня не помянет—с коня не соскочит, за упокой моей души не выпьет, — да падет на него погибель от моего клинка!».

А вот и Чормешавская скала — прибежище Мартии Мисураули, ненависть к которому не давала покоя Зурабу Эристави ни днем, ни ночью. Вот сторожевые башни граничащих друг с другом сел — Бисоси и Хахмати; вот нахлобучившая остроконечную ледовую шапку вершина Цубровани, а рядом — Датвисджварский перевал. Минувя его, машина стрелой пролетела по узкому срезу и заскользила по Лебаискарскому спуску, а через короткое время оставила позади и его и помчалась в долине по привольно расстилавшейся Кистанской роще, вдоль реки Аргуни.

— Вот здесь! — воскликнул восседавший рядом с водителем Бывалый и велел шоферу остановить машину в самом начале низины, у кустов можжевельника. — Ну, тут разве не лучше? — обернулся он к товарищам. — И река тут ничего, широка, и течение небыстрое.

— Правильно, — подхватили остальные и начали выбираться из машины: вялость вмиг исчезла, глаза, еще недавно полусонные, оживились, и на траве одна за другой стали появляться сумки с привезенной снедью, две рыболовные сети, белые полотняные мешки для рыбы и пара пакетов с хлором. Выше можжевеловых кустов, среди речных камней, была уложена кислородная подушка, наполненная вином. Мужчины стащили с себя куртки и джемперы, ополоснулись холодной

речной водой, снова оделись и, расстелив под кустами скатерть, начали раскладывать провизию — обильно смазанных чесноком кур, крутые яйца, цыплята, бака, сыр, копченую охотничью колбасу, охапки зелени и редиски. К этому добавилась бутылка виноградной водки — чачи. Приятели расселись вокруг скатерти на траве.

Солнце уже взошло, веером разметав по небу снопы золотых лучей, и перед его восходом шумевшая без присмотра светила природа притихла: замерли горы, угомонилась на время беспокойная Аргуни, все ущелье задремало, словно после бессонной ночи.

Тем временем у приятелей от свежего воздуха и хорошо очищенной водки разыгрался аппетит, и они жадно обгладывали цыплят, бросая за спину косточки, и время от времени деловито посматривали на прямую, прикрытую легкой пеленой мглы полосу реки. Лица их выражали глубокое удовлетворение, и было от чего: Аргуни явно обещала оправдать их ожидания. Ведь они приехали за рыбой — сюда, в места, где ее до сих пор не то что не усыпляли или тем более глушили — небось простой сетью или даже удочкой никогда не ловили. И вот этот богатейший кладезь рыбы — никем не тронутый, сберегавшийся столетиями — теперь принадлежит им, он в их руках! Этот отрезок — километра в три-четыре... Рыба, наверное, пойдет косяком!.. Интересно, сколько ее будет — килограммов сто? Двести? А может, и больше!.. А уж если лосось попадется, ох!.. Все это для жены управляющего, на ее день рождения! Дело это непростое, тонкое, ведь, если себя проявить, постараться как следует, на следующий же день авось и заведомом станешь, а то и сразу в кресло заместителя прыгнешь!..

Так примерно мнилось каждому, и каждый от сегодняшнего предприятия чего-то для себя ожидал. Ничто в окружавшей их молчаливой, покорной природе не предвещало неудачи. Так рано сюда никто не забредет, они в одночасье управятся с делом, ради которого приехали, быстренько погрузятся и уедут. Подыщут где-нибудь в окрестностях или в раскинувшихся по берегам Арагви рощах местечко поукромнее, разведут огонь, сварганят шашлык, и украсит их пир свежая

рыбка-цоцхали! А вечерком — с богатым уловом, довольные — вернутся домой.

Но — человек предполагает, а Бог располагает. Как раз в это время, как назло, послышался цокот копыт и зычные окрики.

Все четверо, наострив уши, перестали жевать и затаили дыхание. Да, уж лучше в таких случаях замолкнуть, и, может, опасность пройдет стороной. И в самом деле, незнакомый голос затих, но вскоре они услышали его совсем рядом, и в ту же минуту на пригорке по другую сторону реки показался верховой на белом коне — словно вдруг из-под земли вырос. Он натянул уздечку, придерживая ярого, нетерпеливого иноходца, приложил ко лбу ладонь ребром и требовательно прокричал:

— Эй, вы там, кто будете?

Застывший конь напряженно ждал команды. На всаднике были вышитая хевсурская рубаха и расписные вязаные ноговицы, сбоку в оправленных латунию ножнах висел кинжал. Возвышаясь на коне, он напоминал бронзовую статую античного воина и так гармонично сливался с раззолоченными солнцем величественными вершинами и синевой неба, что, казалось, глаз не оторвать. Но тех, кто укрылся в можжевельнике, это отнюдь не очаровало — наоборот, на их лицах обозначилось явное недовольство. Всадник, будто увидев это издалека, прокричал еще резче:

— Не слышите, что ли? Кто такие, спрашиваю?

— Иди, иди своей дорогой, — тихо пробурчал Рыжий, исподлобья глядя на пришельца.

— Отмолчимся, и уберется, — предложил Бывалый.

— И то верно. — Все повернулись к непрошеному гостю спинами. Но тот, раззадоренный этим еще больше и — ни дать ни взять — разгадав их намерение, пришпорил иноходца и пустился к ним напрямик через реку. Конь, не сворачивая, пересек поток — словно прямую прочертил, и весь в струях воды, фыркая и раздувая ноздри, вылетел на берег. Вновь легко осадив коня, всадник громко объявил:

— Вот он и я!

Компаньоны, кряхтя, неохотно подвинулись, давая место гостю.

ЭРМЭН
ЭРМЭН

— Присаживайтесь...

— Просим с нами...

— Выпейте, пожелайте удачи...

Будто не слыша их, всадник подъехал совсем близко, и брызги с коня и стремян полетели на сидевших. Раздалось возмущенное:

— Встаньте! Человек к вам пришел, а вы... Это где ж такое видано?!

— Да-да, конечно, сейчас! — поспешно поднимаясь, все четверо заговорили наперебой: — Пожалуйте к нам, отведайте, что Бог послал...

— С вами-то? Эге-ге... Отчего ж, сейчас можно, — уже не так резко сказал горец, спрыгивая с коня.

Бывалый подал ему стакан водки. Хевсур поднял стакан к свету, посмотрел на него: — Бог вам в помощь, — произнес коротко и залпом выпил. — Ого, виноградная! — с видимым удовольствием облизнув губы, он протянул пустой стакан Бывалому. — Налей-ка, коню дам, взмок весь...

Влив пахучую влагу в глотку иноходца, он снял с него узду, хлопнул по крупу, с которого поднимался пар, и повернулся к приезжим.

— Давайте-ка сядем! — предложил он и сам сел первым.

Те не заставили повторять приглашение — переглянулись, закивали и стали рассаживаться. Бывалый опять наполнил стакан и протянул его хевсуру:

— Новопришедшему!..

Подчиняясь обычаю, гость взял стакан, обхватив его толстыми, в буграх мозолей пальцами. Это был некрасивый, но рослый, дюжий мужик лет сорока с широкими, слегка приподнятыми плечами. На квадратном, покрытом бурой щетиной скуластом лице выделялся крючковатый, с горбинкой нос, челюсть чуть отвисала. Похоже, он был навеселе — глаза под крупной дугой сросшихся бровей были мутноваты. Давно не мытые жилистые запястья походили на шпалы хорошей пропитки, по высокому, морщинистому лбу пролегал глубокий косой шрам. Он напоминал выбравшегося из-под горы лешего. Поставив стакан, хевсур прикрыл его ладонью и по очереди пытливо оглядел приятелей.

— Видно, из города... Какая нужда привела?

— Да так...

Э. Р. 1353-20

— Просто прогуляться...
— Инженеры мы...
— Инженеры? Значит, рушите и опять строите так, что ли?

— Всяко бывает.

— Или больше все же рушите? — Гость расхохотался так, что на мгновение даже заглушил шум реки. — Хотя, — добавил он, — не разрушишь — не построишь. Так-то вот, одно рушится, другое строится, да только построенное должно быть лучше разрушенного. А у вас как? — опять захохотав, он взял стакан, но на этот раз, прежде чем выпить, представился. — Я-то кто, знаете? — и, наклонившись вперед, произнес внятно и со значением: — Токо Ганишаури, вот кто! Слыхали?

— Нет, не доводилось.

— Вот, это я, стало быть... Хевсура Токо слушайся, друг, нет ведь ровни ему вокруг! Это как раз обо мне и сказано! — Он снова опрокинул стакан в глотку и оторвал куриное крылышко.

— Ничего другого нету?

— Как же — вот колбаса, сыр, зелень...

— Мяса вареного нет?

— Нет...

— Э-эх, — он недовольно провел рукой по давно не чесаным, свалывшимся волосам, облепившим голову. — Что за застолье без мяса?

Приятель переглянулись, но ничего не сказали. Наполнив стаканы, они выпили за гостя и опять принялись за еду. Между тем лучи солнца заглянули в ущелье, и тень от можжевельниковых кустов мостом перекинулась через реку. Токо Ганишаури ел мало, отщипывал по кусочку и пренебрежительно оглядывал легкую закуску. Не елось и хозяевам застолья. Появление незваного гостя неотвязно заставляло думать: кто таков? что за человек? зачем разъезжает тут спозаранку? что ищет? уж не сторожить ли эти места ему поручено, не егерь ли? А может, он из общества охраны природы? Или нарочно подослан? Кто его знает, всякое может быть, лишняя осторожность не повредит. Бывалый закурил, многозначительно посмотрел на товарищей и, переходя по-приятельски на «ты», обратился к гостю:

— Э... братец, а что ты тут делаешь? — и жадно затаился.

Ганишаури поднял голову и удивленно вытара-
щился на него:

— Как что? Пашу, сею, жну, кошу... Живу!

— Да нет, я не об этом. Я хотел спросить... Вот в
этих местах ты зачем ходишь-то?

— Зачем? Да просто так, как и вы... Вон на до-
рогу смотрю...

— Сторож, значит?

— Чего сторож?

— Ну, не знаю, чего... Вот ты сказал, за дорогой
смотришь.

Ганишаури удивился еще больше.

— Ну да, смотрю, а что? Новая она, хорошая, и
глаз радуется. — Помолчав, он усмехнулся и, прищу-
рив один глаз, добавил веско: — И еще смотрю: кто
по ней едет, каких людей она к нам приведет...

— Это... это зачем тебе?

— Как зачем? — даже побледнел Ганишаури. —
Для чего ж мы живем? Да как же добра не увидеть или
зла? Как же их меж собой не различить?

— Так обязали тебя или как?

— Пресвятая Богородица, — вскричал гость, —
да кто же это меня обязывать должен?! Ведь жизнь-
то, она сама по себе обязывает и долг налагает!

— Выходит, никто другой?

— Да кому ж другому быть-то?

«Получается, просто любопытен парень, и опасно-
сти никакой нет», — немного успокоился Бывалый и
разлил водку по стаканам. Бутылка опустела, и Гани-
шаури вскочил:

— А ну, давайте теперь ко мне, с семьей моей по-
знакомитесь. Аккурат сегодня хотелось мне гостя,
вот я вас и нашел! Барана зарежу. Курдюк вон уж
сколько времени как отрастил! Я его в молоке выва-
рю, размякнет, то-то хорош будет! А пива и водки у
меня мно-ого! Пиво на праздник варили, черное да гу-
стое, как деготь. И хинкали приготовлю. Ну как, здо-
рово? А то — цыплята да травка! Что за еда для муж-
чины? Тут близехонько, внизу, раз-два — вот он и я!

Приятели взглянули на Бывалого, но тот, уставив-
шись сузившимися глазами на реку, о чем-то думал.

Терпение Токо иссякло.

— Давайте скорей! Не люблю, когда колеблются!

Мужчина должен враз сказать и сделать! И без всяких там...

— Да нет, спасибо, не надо, — повернувшись, сказал Бывалый и почесал облезлое темя. — Ты вот что скажи... Рыбы в этой речке много?

— Рыбы? Сколько угодно! Хотите, что ль?

— Да... кто же не захочет!..

— Так и рыбы вам наловлю! Пошлю ребятишек с удочками. И с собой возьмете!

— Неужели удочками они наловят столько, что и с собой взять хватит? — осторожно осведомился Рыжий.

— Да сколько захотите: двадцать штук, сорок, можно и больше... Ну, это уж сколько поймают!

При этих словах все четверо едва не прыснули. На день рождения жены управляющего одних только почетных гостей соберется человек двести, да еще сослуживцев, соседей и родственников столько же — если не больше. Хороши они были бы с сорока рыбешками, пусть даже с сотней!

Но Ганишаури, который, конечно, всего этого не знал, был обижен: так отнестись к его чистосердечному приглашению! Ведь он к ним со всей душой, всем рад поделиться! Не поверили, решил он и, прижав мозолистую ладонь к широкой груди, стал пуще прежнего горячо уговаривать пришельцев:

— Господи, да я со всей деревни ребятишек сгоню — раз крикну, все сбегутся! До самого устья ловить пошлю! Что поймают — все ваше будет!

— Нет-нет, мы пошутили... Зачем нам рыба? Итак, время не ждет! — подчеркнуто холодно произнес Бывалый и выразительно посмотрел на остальных. Те сразу же поддержали его:

— Да-да, времени у нас в обрез!

— Мы бы с радостью, но некогда...

— Посидим здесь еще пару минут, отдохнем, глотнем свежего воздуха — и в путь!

Огорчению Ганишаури не было границ. Лицо его потемнело, голова и плечи опустились. И все-таки хевсур постарался не выдать обиды. Отпустить заглянувших в его края людей, не оказав им гостеприимства, он никак не мог и решил, раз уж не удалось их накормить-напоить, позаботиться о них надо как-то иначе.

— Богом клянусь, всем сердцем хотел вас принять как лучше, — сказал он, — но, коли такое дело... Тогда уж и я с вами останусь, подожду вас, провожу до Датвисджвари... В Лебаискари у хевисбери пива выпьем, счастливого пути вам пожелаю. Пиво и у них доброе, вчера сам пил. — Повернувшись, он окликнул коня и, услышав его ржание из-за пригорка, снова присел рядом с компанией.

Эти слова повергли приятелей в отчаяние. Стало ясно, что от непрошеного гостя не избавиться никак. Хотя они убедились, что никаких полномочий он не имеет, специально ему поручено ничего не было, и, стало быть, вроде не опасен, однако приступать к делу было не с руки. Лишняя осторожность не помешает. Кто знает, чем это может обернуться, и иметь ненужного свидетеля незачем.

Беспомощно поглядывая друг на друга, все четверо напряженно раздумывали, как выйти из положения, но спасительная мысль никому не приходила в голову. Жаль, место хорошее, ну да черт с ним, придется, видно, его оставить и попытаться счастья где-нибудь поблизости.

Но где? Дороги вперед нет; ехать назад, к Арагви? Но разве среди бела дня в ее долине от посторонних глаз скроешься? И сумерек нельзя дожидаться: принесенный слишком поздно, их дар потеряет всю свою ценность, и тогда прощай все те мечты и надежды, которые они так долго вынашивали в душе! Оставалось либо махнуть рукой на замысел и возвращаться домой несолоно хлебавши, либо посвятить непрошеного гостя в свои планы. Может быть, удастся столкнуться с ним по-хорошему и уговорить его убраться. А если предложить денег? Рано они отчаиваются. В самом деле, ну что он им скажет? Какое ему дело? Сам же не понесет никакого урона, зачем же в бутылку лезть? Нет, определенно, надо попробовать — осторожно, потихонечку.

Все четверо одновременно пришли к этой, показавшейся им столь заманчивой, идее. Они переглянулись, и в мгновение ока появилась принесенная с камней кислородная подушка, холодная и мокрая.

Молчавший до сих пор водитель встал, извинился — пить, мол, все равно не могу — и направился к

«газику». Вытащив из багажника замасленную сумку с инструментами, он стал возиться с машиной. Подскочил было и Токо Ганишаури, заявив, что, раз приятели решили продолжить отдых, можно это сделать и у него дома! Бывалый успокоил его, обнадежив:

— Не торопись, дорогой, день велик. Глядишь, и к тебе успеется!

Ганишаури опустился на землю. В граненых чайных стаканах заиграла «Ахмета», приятно разнообразя импровизированное застолье цветом и тонким ароматом,

— Эх, а ведь живая форель была бы сейчас в самый раз, — в третий раз наполняя стаканы, обронил Бывалый и покосился на Ганишаури. Тот, по-своему поняв его, радостно заговорил опять:

— Во-во, давайте ко мне, я ж говорю! Как придем — сразу ребят на речку пошлю! Барана зарежу, курдюк сварю, а там и хинкали поспеют! Пива да водки — сколько захотите! — Он снова вскочил и гаркнул: — Ну, готовы? Вот он и я!

Бывалый испытующе посмотрел на него снизу и улыбнулся:

— Да нет, не нужно, мы не поедим. Понимаешь, рыбы мы могли бы наловить и здесь. Сами. И намного больше.

— Это как? Чем ловить-то будете? — Ганишаури растерянно поглядел на свои руки. — Удочек-то нет.

— Есть, — подмигнул Бывалый, — есть, да такие, что вся рыба, которая тут есть, к нам всплывет! А нам ее — только собрать да на берег!

— Да что ж это такое должно быть? — нетерпеливое любопытство хевсура усилилось. — Ну-ка покажите!

— Покажем, покажем, — добродушно отвечал Бывалый. — Что нам скрывать друг от друга, верно? Пока садись, выпьем еще и... — Вслед за стаканом вина он протянул Ганишаури кусок колбасы и большой пучок тархуна. — Я ведь что хочу сказать? Замечательный у нас, грузин, обычай; вот так, по-простому, не раздумывая, товарищами становимся — хлеб пополам разломим, поговорим, выпьем, душу друг другу откроем, и потом уж навек побратимы! Нет, родные братья, вот кто! Ни зависти там какой-нибудь, ни вражды, ни измены, ни обмана! — Краснобайству Бывалого не было

границ. О чем он только ни говорил! Перечислив лучшие черты грузинского характера, он перешел на красоту и щедрость родной земли, а воздав ей должное, пустился в рассуждения о неисчерпаемости ее богатств, подкрепив все это законами физики и даже сославшись на Важа Пшавела — в природе, мол, ничего бесследно не пропадает: потратился из одного кармана — а там, гляди, сразу же второй восполняет потерю. И все это неиссякаемое богатство, начиная с больших гор и кончая мелкими камешками, конечно же, принадлежит человеку, предназначено для его блага. И много ли для природы значит одна маленькая речка и тем более рыбка, которая в ней? Господи, да это капля в море, не будь ее, природа не обеднела бы! Ей бы это даже на пользу пошло — ведь подросшую рыбу надо время от времени отлавливать, и в больших количествах! Иначе тормозит она молодняк, не дает ему расти и развиваться. И природе от этого один вред! И кто же поможет ей, если не мы, то есть люди? Ведь природа принадлежит людям, и кому же, как не людям, заботиться о ней, беречь ее и очищать, если нужно?

Хевсур слушал внимательно, но так ничего из потока слов Бывалого и не понял. Не мог он взять в толк и того, почему говорящий так усердствовал — выговаривал каждое слово как-то по-особенному, значительно, да еще ласково улыбался, ерзал, вытягивал шею, мотал головой, часто двигал редкими бровями, напрягал лицо и размахивал руками. Ганишаури хотел только одного: поскорее увидеть необыкновенную удочку.

— И вот, мы пришли сюда! — подошел, наконец, к главному Бывалый. — Пришли, чтобы, э-э... выполнить, стало быть, перед матерью-природой свой сыновний долг — освободить эту речку от лишней, бесполезной и, прямо скажу, вредной рыбешки, чтобы не переставала свежая рыба в этой воде водиться, чтобы не захирело это дивное место, чтобы...

— Удочка где, покажите! — закричал потерявший терпение Ганишаури.

— Что, удочка? А, да она тут... Значит... Вот она... — Бывалый на мгновение сник, затем привстал, потянулся к кустам можжевельника и вытащил пакеты с хлором. — Вот.

При виде похожего на отсеивную муку бледно-желтого порошка Ганишаури остолбенел.

— Да как же этим рыбу поймает? — наивно воскликнул он. — А удилице где? А леска? А приманку куда насадите?

Приятели, переглянувшись, заулыбались. Улыбнулся и шофер, продолжавший возиться у машины. Но Бывалый терпеливо объяснял:

— Это совсем просто. Вот это, значит, высыплем в реку, и вся рыба поднимется на поверхность. Косяками всплывет! Так-то! — Он выбросил одну руку вперед и сделал ею движение — как бы рассекал воду, а другой похлопал Ганишаури по плечу и с улыбкой заглянул ему в лицо: — Знаешь, как здорово?! Одно удовольствие смотреть! Погоди, сначала надо засыпать, а потом сам увидишь... А может, и сам умеешь, а?.. Давай-ка, знаешь... Давай, сыпь сам!..

— Я? — Токо Ганишаури сдвинул брови, и шрам на его лбу пересекла глубокая морщина. Он никогда не видел хлора, но слышал, есть какой-то чертов яд, которым травят реки, и за это, если поймают, строго наказывают — сажают в тюрьму да еще убыток возмещать заставляют. — Э, нет, это никак нельзя! Что нет, то нет! Закон не велит! — сказал он спокойно и твердо и с упреком посмотрел на Бывалого.

Компаньоны встревожились — они не ожидали, что Ганишаури, на которого законом никаких обязанностей не возлагалось, так чтит его. Однако постарались скрыть тревогу и, не теряя надежды, решили придать тону уговоров безмятежность.

— Э, дорогой, — изобразив удивление, заговорили они разом, — что в этих горах закону делать-то? Да разве горы когда-нибудь подчинялись законам? Нет, они всегда непокорны были, вольные... потому такие огромные и великие! Да и не в этом дело! Разве есть тут сейчас кто-нибудь, кроме нас? А уж мы...

— А уж мы — что мы? — перебил его Ганишаури, и морщина на его лбу стала еще глубже. — А что есть закон? Мы, люди — я, ты, он, они — все!

— Во-во! — заявил Конопатый. — Значит, все в наших руках, нам принадлежит!

— Нам, да не только нам! Еще и другим людям, стране всей...

— Ну, раз так, то мы себе возьмем свою долю, а люди и страна...

— Какую долю? — с волнением вновь прервал хевсур. — Нет в законе никаких долей! Целый он! Или есть, или нет его!

— Подождите, — остановив товарищей взмахом руки, вмешался Бывалый и приблизился к Ганишаури. — Давайте сделаем так... В общем, ты получишь свое. Нас ведь пятеро, верно? С каждого получишь по десятке. С рекой этой ничего не случится, а полсотни — деньги немалые!

— Деньги мне давать будете?! — изумился Ганишаури, напрягая лоб, и кустистые брови его опять сдвинулись к переносице. — Это зачем? Для чего?

— Ну... уважим тебя, значит...

Одна щека Ганишаури дернулась в коротком смешке:

— Мне, стало быть, деньги, а Аргуни отравите? Так, что ли? Вот это да, уважите! А с народом как же? В деревне, во всей округе что говорить будут? Как же мне ответ перед людьми держать придется? Самого себя под монастырь подвести, выходит?

Смысл этих слов плохо доходил до Бывалого. Он недовольно спросил:

— Да при чем все это? С чего ты себя заживо хоронишь?

— Боком мне ваши денежки выйдут, вот с чего! При жизни для всей деревни мертвяк буду, коли меня эти деньги сманят! А такое всякой смерти хуже!

— Да откуда деревня узнает?

— Я-то знаю. Буду знать...

— Вот и не говори никому! — посоветовал Рыжий просто и удивленно: сам, дескать, сообразить не можешь, что ли?

— Не говорить? Ну-ну! — усмехнулся Ганишаури, злобно поглядев на Рыжего. — Зачем говорить-то! Сердцу да совести не прикажешь, сами все скажут.

Приятель дружно засмеялись:

— Кто же сейчас помнит о сердце и совести, а? Кто в них верит?

Хевсур не ответил. Бесплодные уговоры утомили его. Пробурчав что-то про себя, он шагнул к реке, но

сразу же повернулся к компании и отчеканил зло и коротко:

— Вы во что верите, во что нет, не знаю, а я вот верю и говорю вам — не бывать тому! И кснец! Токо Ганишаури сроду перед людьми не срамился и срамиться не будет! И на этом точка!

Выпалив это, он прошел на прежнее место и тяжело опустился на землю.

Всем четверым было ясно, что Ганишаури не пронять ничем. Исчерпав все доводы, они попытались напоить его, но и тут ничего не вышло. Ганишаури опрокидывал стакан за стаканом, но не пьянел — не расслаблялся, не клевал носом, наоборот, чем больше пил, тем становился бойче и непринужденнее в движениях. Вскокивая при каждом тосте, он смачно опорожнял стакан, произносил какой-нибудь стишок и добавлял свое неизменное:

— Вот он и я!

Наконец, чтобы избавиться от хевсура, его решили припугнуть, но не тут-то было. Ганишаури вмиг набычился, все его жилистое, упругое тело напряглось, заиграв буграми мышц. Понятно, хевсур не испугался — выросшего в горах, его никогда не заставляла врасплох любая опасность. Привстав на одно колено и натянувшись, как тетива, он быстро вытащил до середины клинок кинжала, затем легким ударом ладони по рукояти вогнал его обратно и, обведя всех заискрившимися глазами, глухим голосом произнес:

— Ну, выкусили? Вот он и я, здесь!

Было очевидно: Ганишаури и не думал пятиться назад. И притихшая компания сочла за лучшее отступить. Правда, вчетвером они, может, и справились бы как-нибудь пусть даже с вооруженным одиночкой, но больше всего в этот день они боялись поднимать шум.

— Ха-ха-ха! — заставил себя расхохотаться Бывалый и положил руку на плечо Ганишаури. — Шучу, парень, что нам с тобой делить? Ничего, кроме хлеба да доброго винца, верно?

Остальные тоже принялись заигрывать с хевсуром. Тот сел, но руку с рукояти кинжала убрал не сразу. Вытянув клинок еще раз, он похлопал по нему и хищным взглядом посмотрел на каждого:

— Ну, то-то же... А то, неровен час... Видали собачку? Ох, и здорово кусается!

Его успокоили. На короткое время воцарилась тишина. Солнце между тем, словно высмотрев наконец сидящих под кустами, тронуло лучами лысины компаньонов.

Те поспешно покрыли головы кто носовым платком, кто обрывками газет и закурили. Шофер, кончив возиться с мотором, вымыл у реки руки и прилег в тени за машиной.

Вдруг Бывалый что-то вспомнил. Быстро вскочив, он подбежал к «газику» и вытащил из-под сиденья изогнутый, как ятаган, турий рог. Еще утром он незаметно спрятал его там — хотел после удачного завершения дела, заслуженно кейфуя с приятелями, удивить их этим рогом. Но, видно, не судьба... Дальше держать рог в машине не имело смысла, а вина оставалась уже самая малость, и, прежде чем оно кончится, стоило поднять этот рог разик-другой, чтобы, черт побери, отвести душу, разрядиться, выплеснуть досаду на неудачу!

При виде рога все повеселели. Настроение вновь поднялось; прояснилось и нахмурившееся лицо Ганишаури, морщины на его лбу разгладились, и губы тронула улыбка.

Дав Рыжему наполнить рог, Бывалый поднял его, возглашая здравицу, — а в его красноречии мы уже убедились:

— За нашу благословенную родную землю! Мала Грузия, но богата и щедра, и всем нам ее богатств хватит! — с чувством произнес он, благоговейно взирая на высоко поднятый рог, точно именно в нем и была заключена вся Грузия и он сам держал ее. Ганишаури с умиротворенным лицом слушал его, но потом его охватило какое-то беспокойство. Сощурился один глаз, он заерзал, несколько раз недовольно шмыгнув носом. Когда же тамада перешел на неоченимые заслуги славных мужей прошлого и увлекся рассуждениями о том, что де и нам, дабы не опозорить память предков, надо выполнять свой долг — беречь, охранять дорогую отчизну, а случится надобность — живота своего для нее не пощадить, Ганишаури резко, словно задетый пулей медведь, подался вперед:

— Хвала родному очагу, и загинуть в нем врагу! — прокричал он и, довольный собой, подскочил к Бывалому. — Давай сюда! — Он нетерпеливо выхватил у него полный рог, отбежал в сторону и, широко расставив крепкие голени, обтянутые пестрыми ноговицами, поглядел на приятелей сверху вниз:

— Это что такое, знаете? — сурово спросил Ганишаури, высоко взметнув рог.

— Да турий рог, что же еще, — вновь встревожились компаньоны.

— А знаете ли, что племя туров нигде в мире — только здесь, в горах наших, и выжило? Нет? Ну, кто его спас, и подавно знать не будете... Ну, так я вам скажу, а вы — слушайте! Народ спас, простой народ! Как раз из-за этих рогов и охотились на него все, и были же сукины сыны ненасытны — десятками туров стреляли, мать их!.. Ух, стервецов-то сколько на земле еще! Ну, да хороших людей, слава Господу, поболее будет! Они-то и увидели: вот-вот переведут дочиста красавцев горных. Взяли и передали их иконе Божьей на попечение. Большая сила была тогда у иконы нашей, вот она всем руки и связала. И доселе тур священным считается. Наши, когда охотятся, ежели он вблизи, и в воздух не выстрелят. И спасли тура, живой, наш он, как и все здесь! — Ганишаури воодушевился. — Ведь родина — это что? Да считай, горы это, долины, лес, лужайки, камни, скалы, реки, звери всякие, птицы, а еще память людская, заветы дедовы, труд наш, урожай, старое, новое... Это тебе, брат, и вчерашний день, и завтрашний, и горе, и радость, и большое, и малое... Да не порознь, а вместе все, рядышком. А смотреть за всем одинаково надо. Вот ведь мелкая вещьца бывает, а свой смысл в ней есть, и побольше, может, будет, чем в твоей крупной. Так-то... Ну-ка, гляньте! — Заставив всех встать, Ганишаури указал на одиноко торчавший слева, на склоне горы куст. — Видите? Невелик, а под ним раз, как из Самзири возвращался, Тадиаури отдыхал. И стих есть: «Где же ты, Тадиаури, росой бурку замочил? — А поспать прилег, я, братцы, как вражине отомстил». Пшав был Тадиаури. Герой был!

— Это какой же герой? Виноградарь или, может, сборщик чая? — попробовал пошутить Бывалый.

— Всея волости честь защищал! — отрезал Гани-

шаури. Он посмотрел направо, в сторону Датвисджварского косогора, где в лучах солнца сияли луга. — А однажды зимой к Мамуке Бучукурели пристав и аж сорок стражников нагрянули, так он их в одиночку, ровно стадо коз, раскидал!

— Кем же был этот Мамука Бучукурели? — спросил Смуглый.

— А хевсуром был! Во-он у того камня это и случилось. А в прошлом году нашлись олухи, столкнули камень тот в овраг, так мы его после на быках втаскивали и на свое место положили. Пусть там лежит, хранит память о славном человеке! Без камня этого память наполовину меньше станет, а потом и имя само, подвиг забудутся! Может, и не такая уж важная история, конечно, да помнить тут есть о чем... Ну, как? Чего только на свете не случается, а? Чего только с людьми не бывает!.. А для родной земли всамделишная здравица — это радение, подвиг для нее! А так, просто рог опрокидывать... Пить — каждый молодец, только ту здравицу не каждому подымать дано... Такие вот дела. Это вам я говорю, Токо Ганишаури! Хевсура Токо слушайся, друг, нет ведь ровни ему вокруг, хо-хо! Вот он и я! — ухватив рог обеими руками, Ганишаури жадно приник к нему, в несколько глотков осушил его и вдруг швырнул через плечо в реку.

Приятели, оторопев, вытянули шеи.

— Ты... Ты что же это сделал, а? — задыхаясь, завопил Бывалый.

Ганишаури был невозмутим.

— А я так хотел! — грубо ответил он. — Здесь он на свет появился, здесь пусть и остается. — И, помолчав, добавил: — Грех был!

— Какой еще, черт подери, грех?!

— Был, говорю! — так же грубо и пренебрежительно повторил он и скривил губы в усмешке. — Кузнец коня кует, а жаба лапку и свою сует!

При этих словах Ганишаури, видно, вспомнил о своем иноходце, повернулся, отбежал к пригорку и громко кликнул его. Но конь на этот раз не ответил. Хевсур отбежал еще дальше и снова крикнул, напряженно вслушиваясь в тишину, и опять не дождался знакомого ржания. Тогда, не оборачиваясь, он бросил сгрудившимся у можжевельового куста компаньонам «Я

скоро!» и, пригнувшись, побежал вверх по скату, придерживая, чтобы не болтался, кинжал на боку.

Ганишаури быстро нашел коня — тот забрался в поросшую кустарником лощинку и щипал молодую траву у ручейка. Но, вернувшись, компанию не застал. На прежнем месте уже никого не было. Лишь под кустом были разбросаны остатки трапезы — обрезки колбасы, куски хлеба и куриные кости, да ветерок трепал увядшую зелень и газетные обрывки. И только вдали вверх, в сторону Лебаискари, торопливо карабкался автомобиль.

— Обманули... тайком от меня уйти хотели... — пробормотал Ганишаури и, приложив к глазам ладонь, всмотрелся в даль, где в клубах пыли бежала машина. Брезентовый верх ее был поднят. — Ишь, натянуть успели, — усмехнулся он, — прячутся... Да от кого прячутся? Посмотрим! — Ганишаури потрепал шею коня. — Ну, брат, небось хочешь ячменя да седла посеребряного? Тогда не подведи!

Поняв, что хозяина надо выручать, конь на миг вздыбился и помчал всадника быстрым галопом по узкой тропе, взвихряя за собой пыль и песок. Он несся, огибая выступы скал, слетая с крутых склонов, поскользываясь на выпрыгивавших из-под копыт камнях, и, взмыленный, подскакал к перевалу как раз в тот момент, когда «газик» уже вот-вот должен был показаться.

Ганишаури соскочил с коня, крепко поцеловал его в залепленные пеной глаза, быстро разнуздал и подтолкнул — отдохни и остынь, мол, а сам подбежал к дороге и, уперев руки в бедра, встал, дожидаясь машины.

На обратном пути компания расселась так же: впереди, рядом с водителем, вновь расположился Бывалый, сзади разместились остальные. От утренней самоуверенности не осталось и следа, и перепуганные лица приятелей напоминали мордочки зверьков, попавших в капкан и отчаянно старающихся выбраться оттуда. Ганишаури сразу же заметил этот страх и снисходительно усмехнулся. Обида на гостей, которые уехали по-воровски, не попрощавшись, прошла, однако, когда машина подъехала совсем близко, он спросил нарочито сердито и громко:

— Значит, предали меня вроде? Решили втихаря эти свои удочки смотать и деру дать, так, что ли? Компаньоны залепетали разом:

— Ну что ты!..

— Просто так получилось, понимаешь...

— Чего здесь понимать-то? На что похоже, а? — еще громче вопрошал Ганишаури, грозно супясь. — Ведь сказал я: вернусь, провожу вас. Сказал аль нет?

— Поверь, не стоило беспокоиться, не было в этом нужды, — бормотали все четверо. Но Ганишаури не унимался:

— Как так не было?! А обычай? Кто же гостя проводит, как не хозяин? Кто ему доброго пути пожелает, за его счастливое возвращение выпьет? Вот как надо-то! Ну-ка, доставайте вино!

— Сейчас, сейчас, — уже не дожидаясь Бывалого, засуетился Рыжий, вытаскивая знакомую нам подушку. — Вот, возьми! И ее себе оставь.

— Да зачем она мне?! — уже не на шутку рассви-репевший Ганишаури бросил уничтожающий взгляд на Рыжего. — Я не ее взять, а обычай соблюсти хочу! — Бесцеремонно сунув подушку Бывалому, он приказал: — Держи! — откупорил резиновую трубку и припал к ней губами. Разгоряченный и уже заметно уставший, он долго и с наслаждением, не переводя дыхания пил хранившую прохладу ароматную жидкость. Оторвавшись, он ткнул трубку Бывалому, выпрямился и выдохнул:

— За ваше здоровье!

— Может, еще выпьешь, дорогой? — осторожно спросил Бывалый.

— Нет, не выпью. Хватит с меня! — отрубил Ганишаури.

— Ну... тогда отпусти нас...

— Отпущу... Да только езжайте с умом, в дороге ничего не натворите, а то, неровен час... В Хахмати за вами Бачикоури присмотрит, в Бисо — Гораули. В Чормешави встретит вас Важия, в Чиэ — Чраки-Большеглазый, а уже в Гудани — Гадуа. В Барисахо за вас Баба в ответе будет, а в Корме — Тантре да Кукумаури. В Гвелети Датвиси и Моцмао вас Алдия ожи-

дает, он тамошних мест хозяин, а в Орцкали — Гадрида семья Джабанишвили... Ну, ниже еще и других людей повстречаете. А меня вот — Токо Ганишаури кличут, стало быть...

Дав машине дорогу, он подозвал коня, взнуздал его и, прежде чем вскочить в седло, еще раз взглянул на исчезающий вдали «газик», на котором сидевшие в нем словно вымещали злобное раздражение: машина уже не катилась мягко, как прежде, а ехала рывками, дергаясь из стороны в сторону, и звук мотора был иным — непрерывно и жалобно завывавшим. Ганишаури засмеялся, потом повернулся к коню и повел его за узды, радостно улыбаясь чему-то и приговаривая:

— Наша земля... Вовеки, выходит, нам за нее и ствет держать надо!..

Перевод Левана БЕДЖИЗАТИ

В ОЖИДАНИИ ШЕДЕВРА

Бродишь по раскаленным, плавящимся от зноя тротуарам в поисках красивого, неувядаемого сюжета. Или же: нежнейшего аромата вечности, что печальным отсветом озаряет грешную, безобразную повседневность и, не в силах победить неизбывную болезнь всеобщей затхлости, хотя бы стойко противостоит ей.

Сюжеты рассеяны по улицам, как одинокие проходные пешки на гигантской магической шахматной доске, и кто знает, которой из них суждено с триумфом превратиться в прекраснейшую, могущественнейшую фигуру — волшебного ферзя.

Первая, самая жаркая половина дня. Стонущие от зноя автомобили вялым потоком движутся по узкой многолюдной улице, скрытой за главной площадью города. Поглощенный мыслями о заветном сюжете, ты вздрагиваешь от резкого скрежета тормозов: увешанный восточными побрякушками «виллис» старого образца — рождественская мечта охотников, отставников и зажиточных колхозников — съехал со своей полосы, а теперь пытит, надрывается что есть силы, пытаюсь свернуть налево и проскользнуть в ворота знакомого двора, укрывшись в его тени от возмущенно ревуших автомобилей. Но, к сожалению, ничего у бедняги не получается. Согласно зародившемуся в недрах твоей души сюжету недалёковидный водитель запоздал, на мгновение отключившись от реальности, и тщетно старается укротить вышедший из повиновения руль и, таким образом, вновь овладеть безнадежной ситуацией. Тебе непременно бросятся в глаза пятна липкого пота на его безвкусно сшитой полосатой красно-желтой аляповатой рубашке, грязный воротничок, смешно взъерошенные жесткие волосы, усугубляющие растерянный

вид их хозяина, явно негрузинское, нехристианское выражение его простого смуглого лица. Но ты только послушай, как аппетитно и самозабвенно ругается он на правильном, хотя и слегка космополитично звучащем грузинском языке, как щедро срываются с его уст в пространство легковесные понятия, сдобренные похабщиной, и эта брань, незаконно рожденная криминальным слиянием изнуряющей жары и собственной беспомощности, обрушивается на все и вся, кроме собственной персоны, разумеется, безупречной: виновато небо, земля, нещадно палящее солнце, узкие вонючие улицы этого города, проклятый день, когда он, дурак, купил этот металлолом на колесах, но особенно — следующий за ним «фиат», водитель которого, тоже обалдевший от жары, вынужден не только затормозить, но даже немного попятиться назад, чтобы избежать столкновения с упрямым и нетерпеливым «виллисом». И ребенку ясно, что из создавшегося положения есть только один разумный выход: водитель «виллиса» должен окончательно отказаться от тщетных попыток повернуть налево и смиренно подчиниться жестко выраженной воле напирającego на него автомобильного потока. «Нехристь» водитель прекрасно обо всем догадывается и, разъяренный, еще свирепее бранит действительных и мнимых врагов, одного только не понимая, что раскаленный воздух пропускает стремительный град ругательств с такой же радостью, какая охватывает опытного и насквозь, с макушки до носков сапог, продажного таможенного чиновника при виде крадущегося через границу каравана контрабандистов. Изрыгаемая «басурманом» брань бумерангом летит в него обратно: безмерная наглость безмозглого чужака наполняет праведным гневом кроткую христианскую душу водителя «фиата». О, самолюбию его нанесен жестокий удар, он чувствует себя униженным в собственном доме, в сердце своей родины, и гордая его натура, помнящая многие обиды и бесчестья, не в силах снести это новое оскорбление. Вот и первый результат: водитель «фиата», багровый от ярости, выскакивает из машины и решительным шагом направляется к сквернослову. Палящее солнце и поруганный суверенитет родины, навалившиеся семейные невзгоды и расшатанное с годами здоровье, осточертевшие служебные распри и

нахлобучки, дороговизна цен на базаре, прошлое, изобилующее горькими ошибками, беспросветное настоящее, будущее, не сулящее никаких надежд — все это и многое еще отражается на веснушчатом, искаженном брезгливым отвращением лице. В сухом воздухе пахнет неудовлетворенной мстостью и автомобильным выхлопом, протяжно гудят клаксоны, а ты стоишь, любуясь зрелищем, и не знаешь еще, придется ли тебе — и если придется, то как, — вмешаться в неизбежный конфликт, а пока наслаждаешься безупречной композицией изящного сюжета. Жизнь — лучший и притом неангажированный художник.

Но обретение удачного сюжета — вовсе не самоцель, скорее средство. Ты осужден находиться в гуще народной, прислушиваться к невысказанным чаяниям, быть одновременно бунтарем и миротворцем, коварным и простодушным, трезвым коммерсантом и бескорыстным идеологом, слугой Сатаны и апостолом Христа. Люби пиво, и если не любишь, — должен полюбить, потому что пиво — простой, полезный, подлинно народный напиток, особенно вкусный в такую жаркую погоду, и пренебрегать его творческой потенцией было бы непростительной ошибкой. Где, как не в пивной, проявляется в мирное время так называемый «синдром свободного мужчины»? Где, как не в пивной, выбившийся из сил трудяга может хотя бы на короткое время освободиться от тяжкого бремени всяческих обязанностей и обязательств, разом сбросить с плеч несколько десятков лет, почувствовать себя вновь юношей, полным сил, наивно ждавшим и верившим, что голубые мечты непременно сбудутся, станут реальностью. И ты, воодушевленный взятой на себя миссией, надеясь утолить творческую жажду, бодрым шагом направляешься к гордо высящемуся на набережной Дворцу пива, по каменной лестнице осторожно прокладываешь себе путь на второй, более прохладный этаж, беспомощно и честно присоединяешься к недоверчивой и бурлящей очереди, чтобы как-нибудь добраться до жадного, пронырливого разжиревшего буфетчика и урвать две до краев наполненные «гвардейские» кружки пива, увенчанные великолепной шапкой пены. При этом ты ни на секунду не забываешь, что пожаловал сюда не развлекаться, а работать, и тебя охватывает неволь-

ный страх при мысли, что вот сейчас появится непро-
шенный щедрый знакомый, пригласит тебя к столу и
втянет в бессмысленный разговор, и ты, малодушно
поддавшись соблазну, примешься за третью, потом за
четвертую, а там и за пятую кружку — и кончено: из
твоей деловой командировки ничего путного не выйдет.
К счастью, вокруг никого, кроме увлеченно едящих и
пьющих сограждан, не видно, ты с трудом находишь
укромное местечко под дырявым тентом — жизнь бьет
ключом, и лучшие места, разумеется, заняты — и мед-
ленно, стараясь растянуть удовольствие, потягиваешь
ледяное пиво, щурясь, разглядываешь панораму рас-
кинувшегося за набережной города, и множество мыс-
лей — возможно, пустых, а может, пригодных для бу-
дущего сюжета — вспыхивает в мозгу. Например, о
демократии: как прекрасна демократия, описанная
пламенным публицистом, и какой опасной кажется она
здесь, в битком набитом жаждущими пива Дворце.
Невольно вспоминаешь различные отклонения от демо-
кратического идеала, мелкобуржуазные вопли «хайль»,
триумфальный старт Адольфа Гитлера, разного рода
мафии и, слегка захмелевший от первых глотков, вы-
нужден задуматься, что ближе к жизни: эйфория все-
общих, тайных и прямых выборов, многократно отре-
дактированное, взвешенное и восхитительное, как рож-
дественская сказка, повествование о возвышенных
чаяниях добрых людей или неустанный генератор низ-
менных инстинктов — пивная, сотрясаемая тысячеголо-
вым гомоном? Но чутье пока не изменяет тебе, и ты
очень скоро вспоминаешь и то, что псевдолирическая
поросль, поднявшаяся на худой почве, не даст спелых
литературных плодов, храм истины не воздвигнуть на
фундаменте мании величия, хотя бы и скрытой, а жем-
чуг, припрятанный скупой высшей силой в безбрежном
море мирского пепла, искать, тая в душе ложь и дву-
личие, — дело не только опасное, но и безнадежное.
Драгоценнейшие создания искусства всегда рожда-
лись из неких, до конца не познанных, и в то же время
наиболее общих и вольных человеческих устремлений,
и первейшее из них — любовь, и именно на поиски,
обнаружение и, разумеется, спасение этих скрытых от
глаз, но всегда чистых и неиссякаемых источников дол-
жна быть направлена кипучая энергия твоей мысли.

Так, томимый мечтой о заграничном путешествии, смотришь на лихо мчащиеся по набережной машины. Повеет легким дуновением ветерка, и сразу встрепенется твое лениво бьющееся сердце, а то вдруг вообразишь, как когда-то проезжали по этой улице фаэтоны, кареты, и вся жизнь вокруг была совсем другой. Потом, взволнованный внезапным звоном натянутой струны несбывшихся надежд, невольно предаешься беспокойным мыслям о движении, быстротечности и бесконечности, ибо смехотворно подвижны разноцветные автомобили — творения острого разума человеческого, неповторимо быстротечны, переходящи их самовлюбленные владельцы и бесконечно длинным кажется проложенное по набережной шоссе, которому столько смертных одновременно вверяют свою судьбу. Еще один большой глоток, искатель шедевров, и печальное изображение твое подернется новой дымкой, в голове возникнут новые думы о скорости как о незаменимом лекарстве от душевной ущербности, или, что то же самое, как о наилучшем техническом приеме и с моральной точки зрения неограниченном средстве овладения красотой. О, истина и проста, и сурова: если ты крепконогий волк и не растрачиваешь ум попусту, если всюду всегда и во всем поспеваешь, тогда красота — главная добыча на рыцарском турнире — будет твоей, если же ты медлишь и, плененный видом сверкающей награды, вяло плетешься по дороге, — разумеется, победа в состязании достанется другому, более ловкому, быстрому и смелому. О, эти большие глотки! С удовольствием поглощаешь приятный напиток, не обращая уж ни малейшего внимания на окружающих, и, слегка напрягши память, вспоминаешь навязчивую идею своих исчезнувших, недосыгаемых весен: девушек-недотрог, стройных и гибких, как джейран, нежных, как только что распутившаяся роза, — сейчас многие из них стали довольными судьбой и по достоинству оцененными обществом матронами, — которых когда-то мечтал похитить, но из-за внушенных тебе воспитателями качеств и природной робости не сумел осуществить желаемое. Ты не решился, а другой, тот, кто не отступился? Любил ли он сильнее, чем ты, или просто оказался более целеустремленным и бессовестным? Что представляет собой похититель как личность: отвратительный ли это

насильник или настоящий мужчина, львиное сердце, на которого с надеждой взирает не раз испытывавшая горечь разочарований нация? А женщина — героиня твоих грез, твоя святыня, твое сокровище, ангел, — на чьей она стороне: на стороне похитителя, самой себя или обоих одновременно? А может, она всего лишь мечтает качать колыбель? На чьей стороне Бог? Как доискаться до правды в этом мире, переполненном кислотным пивом и природным эгоцентризмом?

Все это еще не сюжет, а только намек на сюжет. Первая кружка уже испита, теперь легче подобно магу-волшебнику проникнуть в тайные, несбыточные желания человечества, убедить себя в том, что намек достоин развития. Расправить крылья, освободиться от земного притяжения, взмыть в небо, пролететь над городом и его окрестностями, лететь так высоко, чтобы вся Грузия была видна как на ладони, но и так низко, чтобы иметь возможность разглядеть любой нюанс. Паришь на этой странной, необычайной высоте и с осторожностью новоявленного святого начинаешь создавать легчайшую конституцию будущего шедевра. Когда же ты устремишься вслед за машинами, мчащимися по пыльному, прорезающему широкое поле, как бы зажатому в тиски шоссе, мерцающие в облаках печали контуры шедевра проступают четче, становятся легко различимыми. По пустынному шоссе мчатся лишь две машины на расстоянии всего каких-то десяти километров друг от друга, и так как водитель передней машины не подозревает о преследователе, расстояние между ними постепенно неумолимо сокращается, и, несмотря на то, что на дороге неожиданно, словно по специальному приказу злобного Люцифера, опустилась ночная мгла, душа твоя не поддается колдовским чарам князя тьмы, ты свободен и даже в мерцающем неверном свете луны безошибочно помещаешь в идущую впереди машину психическую девушку, а в догоняющую — разъяренных преследователей. Гибельным для твоего замысла было бы появление даже призрака государственной автоинспекции, но, к счастью, обойти эту западню сравнительно легко, ибо, во-первых, ты автор и имеешь право, нанеся незримый удар, убрать с дороги бесцеремонного инспектора, а во-вторых, участники конфликта не заинтересованы во вмешательстве компетент-

ных представителей власти, чревато, с большей долей вероятности, если не изъятием крупной суммы денег, то во всяком случае оглаской. Таким образом, оба водителя проявляют похвальную осмотрительность, а ты, генеральный архитектор сюжета, основным считаешь не довольно заурядный факт похищения красивой женщины, а мировоззрение и характерные особенности мчащихся к кульминации авантюристов.

Героев — участников этой «калифорнийской скачки» — ты рассадил в машинах поровну — по три человека в каждой. В передней машине, рядом с невестой, поначалу растерявшейся от столь бурного развития событий, но уже почти успокоившейся, расположился главный похититель-возлюбленный. Он с напряженным вниманием следит за каждым движением своей избранницы, хотя ясно, что девушка, по крайней мере частично, смирилась с неизбежным и больше уже не порывается, улучив момент, совершить какую-нибудь глупость, например, открыть дверцу и выпрыгнуть в ночную тьму. Ведет машину, вцепившись в руль, преданнейший и храбрейший друг главного похитителя. Машина направляется к семейной резиденции главного похитителя, где злоумышленники рассчитывают найти убежище на то время, какое потребуется, чтобы вырвать у невесты окончательное согласие. В передней машине господствует атмосфера животной страсти, влечения к женщине, желания безграничного счастья с ней, достижения поставленной цели, избавления от опасности или же, напротив, жертвоприношения языческому божееству, а в конечном итоге — это непреодолимое стремление к бессмертию. В эти минуты никто не думает о преследователях.

Во второй машине — все иначе. Если в первой машине чувства монолитны, то во второй — царит атмосфера кажущегося спокойствия и жесточайшей целеустремленности. За рулем — командир наспех собранного небольшого отряда преследователей, мужчина средних лет, коренастый, сильный, щекастый, усатый, на первый взгляд — добряк и кутила, жизненное ампула которого хорошо известно весьма влиятельной части нашего достославного общества. Рассказывают, что несколько месяцев тому назад, когда этот человек брился у знакомого цирюльника, в парикмахерскую вор-

валась вооруженная банда. Перепуганные парикмахеры и клиенты покорно вывернули карманы, но в этот критический момент наш выпивоха не растерялся и назвал обнаглевшим грабителем такие имена и фамилии, что те не только отказались от своих намерений, но и приказали цирюльнику отныне обслуживать столь уважаемого клиента бесплатно. Но это так, между прочим. Глава отряда — в самом деле непревзойденный тамада, друзей у него много, денег куры не клюют, при случае не откажется заступиться за слабого, собеседник он прекрасный и умом обладает острым и проницательным. Главным же обстоятельством (ну, если не главным, то очень важным) для раскручивающегося сюжета оказывается то, что этот человек приходится нашей рано лишившейся отца красавице родным дядей, любящим и заботливым. Именно к нему, как к ангелу-хранителю, кинулась за помощью обезумевшая от горя мать похищенной. Девушка была в гостях, откуда ее через некоторое время хитростью выманили и увезли. Хорошо еще, что ее бдительная подруга заподозрила неладное и, не растерявшись, предупредила родительницу девушки, мирно ожидавшую возвращения дочери. Узнав о случившемся, заботливый покровитель, пустив в ход одному ему доступные средства, тотчас разузнал все о личности похитителя, — представьте, им оказался сынок очень популярного и всемогущего служителя Фемиды! — и принял решительные меры: бросив в багажник своего резвого нольседьмого «жигуленка», приобретенного на черном рынке, много раз испытанное в деле охотничье ружье и патроны, кликнул двух ближайших надежных родичей и, положившись на свое чутье ищейки, никогда его не подводившее, направился к фамильному замку служителя Фемиды. И не дай Бог, чтобы обстоятельства толкнули командира отряда на крайние меры, потому что, можете не сомневаться, он не колеблясь пальнет из ружья и, если убить не убьет злодея, то уж ранит наверняка. И справедлив, и смел, и умен — вот каков этот человек и близких своих никому в обиду не даст. Однако, благодаря природной сообразительности, он берет в расчет и то, что породниться с богатым государственным чиновником, — разумеется, если обычай не нарушен и главный похититель не окажется мерзав-

цем, заслуживающим немедленной расправы, — было бы безмерным благом для любимейшей племянницы, да и для всей родни тоже. Поэтому пока что ружье будет скорее аргументом в предстоящих переговорах, нежели орудием наказания, — главное, как поведет себя, чего пожелает сама похищенная.

Второй член отряда — очень молод, по возрасту чуть старше пассажиров первой машины. Напряжен, всю дорогу сидит сжав губы и ждет, затаив дыхание, развязки этой запутанной истории. О, этот способный студент университета, отличник, по прихоти автора изучающий точные науки, полон внутренних противоречий. Он весьма двойственно относится к избранной специальности и глубоко в душе вынашивает надежду проявить себя совсем на другом поприще, так что судьба его как будущего героя исключительно важна для сюжета. Это человек, скрывающий под маской свое истинное лицо. Сомнительно, чтобы он имел представление — разве самое расплывчатое — о таких общечеловеческих ценностях, как честность и бескорыстие, хотя искренне уверен, что вправе решать, кто в мире честен и бескорыстен, а кто нет. Он люто, как пламенный революционер — царскую семью, ненавидит подрывающих государственный порядок должностных лиц, привыкших запускать руку в казну и вымогать взятки, поэтому у него свои счеты с главным похитителем, а тем более с его всемогущим папашей, и расквитаться с ними он собирается по-особому. С другой стороны, его участие в этой боевой компании — дань родственному долгу, не более, ибо сам по себе факт похищения не вызывает в нем возмущения, наоборот, он испытывает невольное уважение к смелым людям. Точные науки для него — всего лишь временное пристанище, обуреваемый честолюбивыми намерениями, он верит, что истинное его призвание — общественная деятельность. А что, может, он действительно обладает мудростью, недоступной простым смертным. Он прекрасно знает, в чем заключается польза для народа и отечества, а что следует отбросить как наносящее вред. Действующие в стране законы он считает слишком мягкими. Студент совершенно уверен, что вполне справится с обязанностями если не генерального секретаря правящей партии, то хотя бы министра иностранных

дел. Самое меньшее, на что он готов согласиться при неблагоприятном повороте судьбы — это верховное руководство наукой и техникой страны. Он, разумеется, сознает, что ему еще очень далеко до вершин власти, поэтому в повседневном обращении с друзьями и родственниками старается не «раскрыться», хотя эта понятная осторожность не мешает ему разрабатывать собственную политическую концепцию. Автор позволит себе заострить внимание на одном из основных положений этой концепции: искреннее деловое сотрудничество с Соединенными Штатами, признание цивилизаторской миссии Запада, отказ от революционного преобразования мира, отрицание или принижение роли «революционных вождей» — все это есть измена памяти погибших революционных поколений, предательство интересов миллиардов угнетенных, отступничество от великих идеалов равенства и справедливости. Богатство и роскошь развращают человека, национальная замкнутость подрывает братство народов. Неудивительно, что перспектива служить человечеству, погрязшему в благоденствии, представляется студенту делом недостойным, аморальным, наконец, просто неинтересным. Поэтому ни в коем случае не отступать перед американским империализмом; вывод войск из Афганистана — или тактический отход, или трагическая, непростительная ошибка: к сожалению, не имея доступа к элитарной информации, студент затрудняется сделать однозначный вывод по этому вопросу. В своих высказываниях он воздерживается от оправдания Сталина, неодобрительно отзывается о Мао Цзе-дуне и Пол Поте, а затем все же склоняется к необходимости насилия и пользе социальной разобщенности. Однако надо учитывать, что упомянутая концепция строго заключена в границах сознания этого странного студента и проглядывает разве что в абстрактных дискуссиях с друзьями. В личной жизни студент — обычный юноша: много читает, болеет за любимую футбольную команду, снисходителен к человеческим слабостям близких — например, хозяина машины, возглавляющего преследование, — легко мирится с порядками, царящими в университете, и по своей доброте, наверно, не смог бы, хотя и не доводилось ни разу, выстрелить из охотничьего ружья в беззащитную

птичку. Так что сегодня он почти никак не выделяется из остальных студентов-отличников.

Третий участник группы преследования — самый пожилой. Правда, из-за морщин и вечно удрученного выражения лица и печали в глазах он выглядит гораздо старше своих лет. И тому есть причины. Все близкие знают, какой это добрый человек, светлая личность. Но скажите ради Бога, что пользы ему от мягкого, уступчивого характера, за который его любят друзья и родственники, или от честности, которой он так гордился перед коллегами и человечеством? Наградила его жизнь за эти прекрасные качества? Как бы не так, не только не наградила, но и нанесла жестокий удар, и теперь он даже собственных детей не сможет напутствовать от чистого сердца: смотрите, сынки, когда окончите школу, возмужаете, начнете самостоятельную жизнь, то поступайте так, чтобы не опозорить доброе имя отца. Раньше он работал в одном крупном производственном объединении то ли главным бухгалтером, то ли экономистом, — к сожалению, автору не удалось это точно установить, — добросовестно исполнял служебные обязанности, не подозревая, что какие-то дельцы-толстосумы, ненасытные в своей алчности, нацелились на его кресло. Нет, сначала они попытались сломать его взяткой, но просчитались: бухгалтер не только не покорился злоумышленникам, но, несмотря на всю свою незлобивость, швырнул пачку денег прямо в лицо одному из негодяев. Тогда эти подонки стали бомбардировать все вышестоящие инстанции грязными анонимками. За анонимками, по тогдашнему обыкновению, последовали ревизии — первая, вторая, десятая. А у нас, если человек не пень и старается для пользы дела, то, как бы он ни был пунктуален и бескорыстен, непременно нарушит какую-нибудь инструкцию, сочиненную дураком или сумасшедшим. Ну и докопались у нашего честнейшего бухгалтера до какого-то, разумеется, пустячного, нарушения, и этого оказалось достаточно, чтобы состряпать уголовное дело. Не помогли никакие клятвы и заверения, сцепившись, со скрипом завертелись шестерни неповоротливой государственной бюрократической машины, был вынесен обвинительный приговор, и ни в чем неповинного человека отправили в общество воров и бандитов, разлучив с семьей

на пять лет. Он был осужден на восемь лет, кассационные жалобы не помогли, и если бы не хлопоты пробивного владельца «Жигулей», сидеть бы и сегодня в тюрьме или в колонии — точно установить сочинителю сюжета не удалось — третьему участнику отряда преследователей.

Мчатся по дороге, озаренной нежной улыбкой луны, два автомобиля, и рано или поздно не избежать богатырям схватки. Оросит ли вновь грузинскую землю грузинская кровь, сверкнет ли острый меч закона или твердое слово прекрасной девы остудит боевой пыл забияк — кто может предсказать? Все же как мимолетно каждое мгновение нашего бытия, как стремительно изменчив, по-женски капризен и своенравен этот мир, пусть даже порой он предстает величественным и неизменным! В его власти уничтожить тебя или вознести, приковать, как Амирани, к ледяным вершинам Кавказа или вновь вернуть на залитую палящим солнцем набережную, в пивной бар, наполненный шумным говором в меру выпивших людей, под дырявый тент, где ты наконец-то осушишь налитую до половины последнюю кружку теплого уже пива. О, как напрасны, как бесплодны были твои старания, искатель шедевра! Ни с чем возвратился ты из дальних странствий, бессильно сложив еще недавно гордо расправленные крылья. Что за умопомрачение, как ты мог подумать, что шедевр — плод счастливого, высокого вдохновения созреет из родившегося в твоём вздорном воображении низменного, грубого, безвкусного сюжета. Скажите, какое неслыханное дело — женщину похитили! Не первый это случай и не последний. И пристойно ли, уместно ли в великий храм искусства, блаженную обитель посвященных, тащить анонимку, производственное объединение, американский империализм и прочую дребедень? Убедился, что в этой грязной пивной, которую ты, озабоченный физиологическим ощущением жажды, почему-то называл «Дворцом», ничего, кроме бледных зарисовок местного быта, создать не удастся, а этот уродливый, злой эскиз — вовсе не шедевр, а всего лишь копия или отражение твоей потаенной сердечной боли. Не ясно ли было с самого начала, что этот забитый машинами и интригами город — неподходящее место для свободного полета мысли, что здесь ускоренное

биение возвышенного сердца давно уже не питают эфемерным дыханием вечности, а усмиряют приобретенными в аптеке каплями? К чему все твои труды и муки, если ты забыл, что величественное, гордое, неизменное полотно — шедевр, — который ты, оказывается, стремишься создать, вовсе не батистовый платочек, вышитый нежными пальчиками хрупкой фрейлины; что неотъемлемые компоненты этого полотна — пространство, время и национальное чувство и искать их надо не в усталом и облаченном в саван стыдливых желаний городе, а бежать вдаль, вырваться на лоно природы, хотя бы приблизиться к ней, туда, где климат сам по себе первый врачеватель и целитель скорбящей души. Хотя бы... ну хотя бы туда, где, как принято писать в газетах, рубежи наших южных границ — особая зона, куда без специального пропуска посторонний не смеет ступить ногой; туда, где сияет неугасимым светом вечная святыня нашей седой древности — Вардзиа. Вы бывали в Вардзиа? Туда лучше отправиться летом, когда великолепные зеленеющие луга не оставят равнодушным самого надменного туриста. Не секрет, что в нашей могучей федерации не перевелись еще ни олухи, ни невежды. Присоединитесь к какой-нибудь любознательной группе, проследуйте вместе с ней к обнаженным роковым землетрясением пещерам, благоговейно вслушайтесь в дошедшие до нас из глубины археологической древности песнопения, с рукотворной террасы окиньте взглядом цветущие склоны и изумрудно-зеленые пастбища, перенеситесь мыслями к дорогим вашему сердцу далеким горам и перевалам, насладитесь их дивной красотой, и тогда, быть может, у вас, махнувшего рукой на поиски смысла жизни, на глаза навернутся слезы, в сердце разгорится огонь, и вы всей душой почувствуете, чем могла бы быть, какой могла бы быть наша обожаемая, светлейшая и блаженнейшая обитель — Грузия, если бы... Какой-нибудь местный патриот непременно напомним собравшейся на террасе многонациональной орде истинное положение дел: эх, сумасброд Хрущев во всем виноват, смертельно ненавидел Сталина, потому и не жаловал грузин, не доверял им, вот и уступил эту прекрасную, обильно политую грузинской кровью землю Турции. Поверьте, величественная природа этого края, самый его воздух настроят

слушателей на миролюбивый лад, и они терпимо отнесутся к столь наивному объяснению, сочтя неуместным затевать спор, так зачем же тебе смущать рассказчика, указывая ему на допущенные неточности и нарушение дипломатического этикета, тем более, что дело касается покрытых мраком страниц нашей истории. И все же у тебя промелькнет мысль, что нынешняя историческая действительность — во многом результат переплетения множества случайностей, и стоит вынуть или хотя бы повернуть под другим углом какое-нибудь из предыдущих звеньев, как привычное, прочное настоящее изменит и вкус, и цвет. Представьте, например, если бы два с половиной столетия тому назад, в частности летом и осенью 1721 года, царь Вахтанг пренебрег указанием «покровителя» шаха и сперва занял бы Чар-Белоканы и изгнал лезгин, а затем, осуществив с железной твердостью необходимые внутренние мероприятия, всеми силами обрушился на Исфаган, то, захватив и уничтожив столицу Персии, разом изменил бы будущее Грузии и ее историческую судьбу. Не сочтите эту, высказанную и ранее, хотя и весьма спорную, версию дешевой фантасмагорией. Отметьте только в своей записной книжке, что победоносное грузинское войско ведет в бой не романтически настроенный Вахтанг VI, а Давид Строитель или, если угодно, Чингисхан, то есть талантливый, храбрый, удачливый, коварный, жестокий и беззаветно преданный вере и своему отечеству повелитель, — и, трезво поразмыслив, вы поймете, в каком плачевном положении могла в то время оказаться некогда могучая Персия. Разве в 1722 году вместо грузин Исфаган неизбежно должны были захватить восставшие афганцы, а в 1723 году Тбилиси неизбежно должен был стать добычей свирепых лезгин? Нет и еще раз нет! Но возникает естественный вопрос: достаточно было бы политического искусства и патриотических устремлений тогдашнего грузинского царя для такого возрождения Грузии, чтобы к концу двадцатого века эта страна предстала перед потомством сильным, развитым государством, с которым пришлось бы считаться всему миру?

Не будем наивны: увенчавшийся блестящим успехом марш на Исфаган и укрепление Тбилисской крепости сами по себе не могли бы обеспечить такое возвы-

шение. Но именно эти бесценные военные победы подготовили исторические предпосылки — пресечение набегов Турции на Западную Грузию, образование прочной коалиции Картли—Кахети—Имерети, предотвращение похода Ага-Магомед-хана на Тбилиси — того чуда, которое в девятнадцатом веке радикально изменило судьбу Картли. Хотя основные политические тенденции предыдущего столетия продолжали развиваться по-прежнему и духовная ориентация грузинских царей и грузинской церкви на православную Россию оставалась в силе, — в условиях новой реальности подписание трактата между Россией и Грузией, подобного Георгиевскому, запоздало, и аналогичное соглашение было заключено лишь в 1809 году в Астрахани между русским императором Александром Первым и царем Картли и Кахети Юлоном Первым, а в 1810 году к этому договору присоединился царь Имерети Соломон Второй. Это соглашение, несмотря на то, что полностью учитывало интересы России в Закавказье, практически не было реализовано, — началась русско-французская война, и император Александр не решился направить в Грузию значительные военные силы. Насчитывавший триста человек отряд под командованием полковника Тутолмина был принят при дворе царя Юлона с большим почетом, но он служил скорее целям дипломатического сближения и не представлял какой-либо опасности для правящей династии. Вскоре события, разыгравшиеся на европейском театре политических битв, неожиданно и на редкость благоприятно для Грузии изменили ее настоящее и будущее.

Общеизвестно, что в июне 1812 года огромная армия Наполеона, меньшую часть которой составляли французы, а большую — представители поработанных и униженных ими наций, переправилась через Неман и продолжила быстрое, хотя и утомительное продвижение на восток. Позволю себе напомнить, что 7 сентября, именно в тот день, когда на поле Бородина уснули вечным сном 50 тысяч наполеоновских и 58 тысяч кутузовских воинов, в Париже молниеносно вспыхнул и увенчался победой изумительный по дерзости государственный переворот, который возглавили министр иностранных дел герцог Талейран и министр полиции Фуше. До штаб-квартиры Наполеона это оше-

ломляющее известие дошло только через восемь дней, когда свергнутый император вступил в Москву, оставленную ее жителями, и расположился со своей свитой в Кремле. Даже неуместно на этих страницах еще раз описывать гнев Наполеона, тем более, что поведение императора в этой исполненной драматизма обстановке прекрасно изображено в романе великого Виктора Гюго «Исповедь наследника престола». Не стану я также утомлять вас рассуждением о причинах реставрации Бурбонов во Франции, замечу только, что эту измену честолюбивый и самоуверенный корсиканец должен был воспринять как историческое вероломство с особой остротой именно тогда, когда он, по общему признанию, гордо и бесстрашно вознесся на вечный пьедестал славы и величия. Не случайно станет пословицей вырвавшаяся у Наполеона в разговоре с верным адъютантом в эти тяжелые для него часы горькая максима: «От вершины славы до бездны забвения — один шаг». Некоторое время полководец оставался в Кремле в ожидании чуда, тем более, что его закаленные в боях военачальники, как и прежде, курили фимиам поверженному императору: как, неужели найдется в мире проходимец, который посмеет усомниться, что именно его величество возродил национальную честь и достоинство Франции? Не император ли совсем недавно нагнал страху на смиренно коленопреклоненных перед ним некогда чванливых европейских государей, повергнув их в прах? Разве не боготворит своего повелителя каждый истинный француз, будь то маршал или солдат, рабочий или крестьянин, священник или купец? Может, изменила и переметнулась на сторону этих негодяев, Талейрана и Фуше, непобедимая, любимейшая гвардия — благороднейшее украшение прославленной армии императора? Никогда этого не будет, что бы ни случилось! Справедливость требует признать, что ошеломленная неслыханным предательством сановников свита говорила так для поддержания духа попавшего в беду Наполеона, и вообще неожиданные испытания и ненависть к изменникам теснее сплотили вторгшееся в бескрайние просторы России войско. Поначалу Бонапарт, даже и без мужественной поддержки ближайших советников, не расценивал создавшееся положение как безвыходное для себя, напротив, он с надеждой ожидал

устных и письменных вестей от прибывавших гонцов: он ведь не только удерживал в своих руках древнюю столицу побежденного врага, его боготворила огромная армия, а главное, самоотверженно преданная ему прекрасно вооруженная гвардия. Кроме того, не надо забывать об оставленных на пути укрепленных гарнизонах, резервах в Европе, двухсоттысячной армии в Испании, населении больших и малых королевств, которые он щедро раздал своим родственникам, пусть даже о той гениальной бутафории, «карманном» государственном совете, в заседаниях, или созвучных эпохе театральных представлениях которого с энтузиазмом участвуют актеры комедийного жанра, извлеченные им из ничтожества. Неужели его бесчисленные сторонники так покорно и безгласно склонятся перед бессовестными шпионами, фактически подкупленными Англией сановниками? Неужели Франция так сразу, так позорно потеряла собственный облик, облик, созданный неустанными трудами и постоянными победами ее императора? Но все оказалось тщетным, свежие вести, доставляемые все новыми гонцами, вскоре отняли надежду у реалистически мыслящего Бонапарта: выяснилось, что государственный совет почти единогласно поддержал новых властителей; что в Вестфалии и Ольденбурге, в Пруссии и Саксонии, в Голландии и Пьемонте пылает костер восстания; что его тесть и смиренный раб император Франц, для которого Наполеон — всего лишь вознесшийся по воле стихии узурпатор, воспользовался благоприятным моментом, и Мария-Луиза — высшая награда, отвоеванная Бонапартом у австрийского императорского двора, — уже готовится к отъезду в Вену; что находящиеся в Испании войска блокированы англичанами и местными партизанами; что оставленные на произвол судьбы в занятых городах гарнизоны испытывают острый недостаток в провианте и боеприпасах; что европейские резервы не приведены в состояние готовности и, следовательно, беспомощны; что в нескольких десятках километров от Москвы притаился в засаде хитрая лиса Кутузов с многочисленным войском, в самой Москве вспыхнула непонятная эпидемия бессмысленных пожаров, а тревожнее всего то, что надвигается студеной русская зима. В намерения искателя шедевра не вхо-

дит исчерпывающий исторический анализ сентябрьского переворота и реставрации династии Бурбонов, но он считает совершенно необходимым напомнить читателю, какое решение принял великий корсиканец в этой критической ситуации. Ввиду политических и военных обстоятельств Наполеон счел бесперспективным возвращение в Европу и сделал парадоксальный и, несомненно, гениальный ход, благодаря которому он исключил из своего будущего, во-первых, кровопролитную гражданскую войну, далее Ватерлоо и, наконец, беспросветное заточение на острове Святой Елены: задержавшись на три недели в охваченной огнем Москве, он, неожиданно для всех, двинул свою почти сотысячную армию на юг, через не тронутые войной Рязанскую и Тамбовскую губернии в направлении, как вскоре выяснилось, сравнительно плохо защищенного Закавказья. Кутузов, все сделавший для того, чтобы перекрыть французам якобы самую удобную для отступления калужскую дорогу, не успел вовремя пресечь фантастический марш Наполеона. Великий русский полководец никак не ожидал столь блестящего маневра достойного противника.

Наскоро составленный план южной экспедиции вовсе не был порождением помутившегося разума попавшего в безвыходное положение авантюриста. Наполеону было отлично известно, как велика в Закавказье напряженность между христианским и мусульманским миром, тем более что не так давно, в 1807 году, по его указанию, французское правительство заключило с падишахом договор, во втором и третьем пунктах которого признавались полные суверенные права Персии на непокорную северную провинцию — Грузию. К тому же у Наполеона был и предлог и причина наказать падишаха: чуть позднее Фатх Али-Шах наладил стратегические связи со злейшим врагом императора — Англией. Бонапарт ясно представлял себе всю трудность предпринимаемого поздней осенью вторжения в Закавказье через бескрайние российские степи, да еще в условиях постоянных стычек с преследовавшим его Кутузовым, но даже большой риск считал оправданным. Во-первых, он располагал хорошими картами, так как с самого начала в случае успешного завершения русской кампании не исключал возможности дальнейшего по-

хода в Индию, во-вторых, он возлагал огромную надежду на преданную ему, прекрасно обученную и опытную гвардию. Наполеон готов был обречь на гибель значительную часть регулярной армии, лишь бы сохранить ее закаленное в жестоких войнах ядро — гвардию, особенно прославленную сердцевину этого ядра — старую гвардию. Я не стану здесь описывать боевой путь южной экспедиции, замечу только, что основной стратегический замысел Наполеона в конце концов блестяще оправдался, и в конце ноября 1812 года значительно поредевшая, но пока еще полностью сохранившая боеспособность армия недавнего властелина Европы через Каспийское побережье проникла на территорию Грузии и расположилась лагерем близ Тифлиса, на месте нынешнего города Рустави.

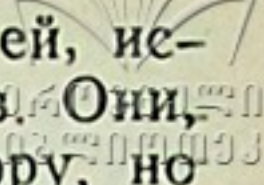
В этот переломный для истории Грузии момент и Наполеон, и Юлон Первый встали перед ответственным выбором — война или мир. Бескровное решение казалось более привлекательным. С одной стороны, Бонапарт в глубине души признавал, что продолжение военных действий — полнейшее безумие, так как он более уже не держит в руках бразды правления государством и политически уже не в состоянии закрепить мирными средствами результаты отдельных побед, одержанных на чужой земле. Поэтому, если бы он хоть на время обуздал свои честолюбивые амбиции и, представившись доброжелателем, изъявил желание вместе со всей армией встать под знамена христианнейшего царя грузин, — скорее всего, Юлон в ответ на столь миролюбивое предложение согласился бы предоставить убежище гонимому императору, а высшим слоям вооруженной иммиграции даровал бы определенные привилегии. С другой стороны, прямое столкновение с лучшим в мире полководцем не сулило Юлону никаких выгод. Напротив, возможность такого радикального и, главное, предлагаемого безвозмездно увеличения военной мощи Грузии он мог расценить как небесное знамение, как единственный исторический шанс для находящейся в отчаянном положении, почти обреченной страны сохранить независимость. Юлону, как и всем более или менее осведомленным дипломатам, было совершенно ясно, что астраханский договор, несмотря на щедро вкрапленные в его текст высокопарные выражения, оз-

начал фактический протекторат России как над Восточной, так и над Западной Грузией, а с помощью французских штыков и пушек и военного таланта Наполеона, Грузии, возможно, удалось бы сбросить бремя обязательств, навязанных унижительным договором, и вырваться на свободу. Одним словом, если Наполеону, изнуренному походом, необходима была, как воздух, благосклонность Юлона, то и Юлон не отказался бы от представившейся возможности склонить на свою сторону Наполеона, если только последний представил бы достаточно убедительные доказательства верности грузинскому царю и дворянству.

Сегодня искусствоведам всего просвещенного мира известна картина Давида Какабадзе «Преображение Кесаря», отличающаяся масштабностью и одновременно легкостью и непринужденной свободой письма. Она выставлена в главном зале Музея искусств Грузии, и я почти уверен, что вы не раз наслаждались изображенной на картине эпической сценой: Наполеон Бонапарт стоит перед Юлоном, преклонив колено, и с волнением ожидает окончательного, впрочем, predetermined результатами первого тура переговоров, милостивого решения Юлона. Давид Какабадзе посвятил человечеству это свое произведение на хронологическом и идейном переломе нашего бурного столетия, в пятидесятых годах. Формально художник искажил историческую действительность, так как даже в школьных учебниках говорится, что церемониал коленопреклонения и, таким образом, зачисления Наполеона и его высшего офицерства в свиту царя Юлона состоялся в самом Сионском соборе, а не перед ним. На картине же главные действующие лица — Наполеон, царь Юлон и католикос изображены на фоне молча опустивших головы коленопреклоненных гвардейцев, вознесшегося к небу бледного силуэта Сиони и воспроизведенной нарочито грубыми мазками панорамы города; темно-синий в фиолетовых пятнах, пламенеющий багровым отсветом облаков купол неба создает тревожное настроение. Лица изображены в профиль: слева — смелый, решительный статный царь Юлон и худощавый, бодрый, седовласый католикос с золотым крестом в поднятой руке, справа — коленопреклоненный Бонапарт. Пергаментно-бледное, не выражающее никаких человеческих

чувств лицо Наполеона, простое темно-серое платье, в которое он специально переоделся, вся его жалкая, невзрачная фигура, смиренно склонившаяся перед царем Юлоном, является воплощением жестокого, беспощадного самоунижения. Кажется даже, что Наполеон лобызает сапоги Юлона. Но достаточно убрать с глаз пелену невежества и безразличия повседневной жизни, хотя бы слегка напрячь ум, уставший от семейных забот, и попытаться проникнуть в суть пленительного замысла художника, как тотчас становится ясно, что гениальный полководец принес эту беспримерную личную жертву, смирившись с тяжким унижением звания императора, исключительно ради своих верных солдат, поступившись самолюбием во имя спасения их жизней и воинской чести. Благодаря этому его гвардия, хотя и сдавшаяся в плен в чужой стране, избежала позора разоружения и, разумеется, в глазах своих соратников Наполеон предстал в ореоле святого великомученика, добившись политического реванша ценой одного коленопреклонения. На картине он, пусть и коленопреклоненный, готов к созиданию нового блестящего будущего, ибо прочный фундамент возводимого здания только что заложен, а Юлон... О, опьяненный легкой, не стоившей ни малейших усилий и жертв победой, грузинский царь полон самодовольства. Его жадные, плотоядные глаза сияют неземным блаженством, багровый румянец щек испускает флюиды детски наивного удовольствия. Он упрямо убежден, что его новый военный советник никогда не посмеет восстать против законного, правоверного государя. Однако сегодня у нас есть общее представление о том, по какому пути пошла история нашей родины, хотя пока еще не уяснен окончательно вклад Юлона, его место в пантеоне грузинских царей. С одной стороны, политическая недалёковидность и даже глупость, чрезмерная любовь к плотским наслаждениям, с другой — большой личный вклад в сохранение Грузии независимости. Со временем выяснилось, что изображенная на картине радость Юлона была неоправданной. Во-первых, надежда на то, что французские воины удовольствуются на поле брани ролью бессловесных исполнителей приказов грузин, была развеяна самой логикой войны: оказалось, что современная армия не может существовать без опытных, имеющих во-

енное образование командиров, пользующихся доверием солдат. Поэтому постепенно грузинское верховное командование было вынуждено взять курс на массовое использование французских офицеров, так как армия испытывала острый недостаток в хорошо подготовленных национальных кадрах, а превосходство французских частей над грузинскими при проведении наступательных или оборонительных операций было совершенно очевидным. К сказанному следует добавить, что фактическим предводителем и стратегом грузинского войска был, разумеется, Бонапарт, и главным образом благодаря его несравненному военному гению Грузия добилась столь блестящих результатов в кампании 1813—1816 годов. За неполные четыре года удалось решить грандиозную историческую задачу: слияние Восточной и Западной Грузии в одно государство. Конечно, за осуществление вековой мечты — объединение грузинского народа — отдали жизнь многие славные герои. В сражениях погибли и, таким образом, сошли с политической арены такие грозные конкуренты Юлона, как царь Имерети Соломон Второй и правитель Мингрелии князь Григол Дадиани, такая же участь постигла их опасное в политическом отношении потомство. Больших успехов добилась Грузия в короткой войне с Россией. В качестве предлога для объявления войны разгневанный Александр Первый использовал нарушение Юлоном Астраханского договора, предоставление убежища авантюристу Бонапарту и разоружение и пленение отряда Тутолмина, хотя этот отряд, после церемониала коленопреклонения Наполеона, был отпущен с миром на родину. Однако, несмотря на град проклятий и угроз, которые Александр слал из Петербурга, фельдмаршал Раевский после первых болезненных поражений не рискнул углубиться на территорию враждебно настроенной Грузии. Тем временем Наполеон частично разгромил, а частично, подкупив, сделал лояльными союзниками лезгин, то и дело совершавших набеги на южные склоны Кавкасиони. К тому же под влиянием большого числа поселившихся в Грузии неженатых французов постепенно, медленно, но все же менялся образ жизни грузинского общества. Следует учитывать, что в армии Наполеона, особенно среди офицеров высокого ранга, было немало высокообразован-

ных военных инженеров, строителей, изобретателей, историков, философов, даже несколько художников. Они, конечно, всегда верно служили своему императору, но не забыли те идеи, которые проникли во Францию еще до того, как Наполеон стал первым консулом. В частности, они имели определенное представление о Вольтере и Руссо, якобинцах и жирондистах, о республике и монархии, революции и контрреволюции. Некоторые из них, несмотря на тяжелые условия военных походов, завезли в Закавказье невиданные прежде книги. Грузинская культура необыкновенно богата, но и очень специфична, и естественно, что общественно-экономический строй тогдашней Грузии производил на французских эмигрантов впечатление крайней социальной отсталости местного населения. Между прочим, из исторических материалов известно, что Наполеон настойчиво внушал Юлону взгляд на крепостное право как на дикость, без преодоления и уничтожения которой нельзя говорить о каком-либо прогрессивном развитии, и требовал, хотя и безуспешно, искоренения из экономики страны феодальных методов ведения хозяйства. Со своей стороны, значительная часть грузинского дворянства (главным образом восхищенные деликатностью и изысканным красноречием французов незамужние и, в редких случаях, замужние женщины) проявляла понятную терпимость по отношению к одиноким офицерам-европейцам, блиставшим рыцарскими достоинствами. Такая тяга к иностранцам поначалу повлекла за собой некоторые недоразумения и даже что-то вроде дуэлей, но, к счастью, Наполеон вовремя пресек возникшую опасность, строго, под страхом расстрела, запретил всем своим воинам, без различия званий и дворянских титулов, пренебрегать национальными чувствами и обычаями гостеприимных хозяев. Само собой разумеется, со временем венчание молодых французов с грузинскими девушками стало довольно обычным явлением. Роль Наполеона и его свиты при дворе Юлона день ото дня возрастала, и к весне 1817 года, на фоне впечатляющих военных побед, в Грузии фактически возникло двоевластие. Правление предававшегося обжорству и пьянству Юлона становилось все более номинальным, и все более реальным, осязаемым — его прославленного военного советника. К тому же следует особо отметить

поистине безмерное доверие лично Юлона и членов его семьи к непобедимому полководцу. Разумеется, долго так не могло продолжаться. Государственный кризис разразился прекрасной, озаренной лунным сиянием, необычно теплой майской ночью, когда царь Юлон, насладившись охотой в живописных окрестностях Гори, мирно и безмятежно спал после устроенного в его честь пира в летнем дворце светлейшего князя Горийского. В страшном пожаре, стремительно охватившем погруженный в сон дворец, погибли сам царь Юлон, его младший брат Парнаоз, единственный прямой наследник престола царевич Зураб, светлейший князь Горийский с семьей, личная охрана царя и много знатных дворян — всего семьдесят человек. Согласно официальным сведениям, причиной пожара стала простая неосторожность одного из слуг, но возникает логичный вопрос: кто и как мог объявить ту или иную версию, если не был допрошен ни один свидетель ужасного события, да это было и невозможно, так как никому не удалось выйти живым из огня, а на месте деревянного дворца осталась только обугленная земля? Следует учесть одно существенное обстоятельство: у Юлона не было больше ни детей, ни братьев и сестер, так что в ту страшную ночь со смертью царевича окончательно прервалась славная династия Багратионов. Хотя историки до сих пор не располагают достоверными доказательствами того, что пожар был устроен по личному указанию Наполеона, и, следовательно, юридически не установлен факт его соучастия в этом злодеянии или трагедии, но последующее развитие событий показало, для кого открылся путь к высшей власти после того, как пламя поглотило несчастных Багратионов. Между прочим, этот загадочный пожар породил красивую легенду о чудесном спасении и бегстве за границу царевича Зураба. Возникновение легенды обусловлено тем, что среди обнаруженных на месте пожара обугленных трупов не удалось найти ни малейших останков трагически погибшего царевича, что придало некий мистический характер печальной церемонии погребения. Распространившиеся на некоторое время в различных слоях общества фантастические, хотя до конца не разъясненные и не опровергнутые, версии и спекуляции несколько осложнили обстановку и поме-

шали Наполеону немедленно завладеть осиротевшим грузинским тронem, но в конце концов произошло неизбежное. В Грузии тогда не было, кроме Наполеона, другой достойной личности, одинаково приемлемой как для высшего офицерства, так и для бесконечно соперничавшей и враждовавшей между собой феодальной знати, и благодатной осенью 1818 года Бонапарт официально вернул себе почти безнадежно утраченный титул императора, торжественно взодя на грузинский трон под именем кесаря Юлона Второго и оставаясь единоличным правителем Грузинской империи до своей кончины в 1841 году в возрасте семидесяти двух лет.

Прежде чем начать разговор о достижениях и бедствиях современной конституционной республики Грузии, окинем мысленным взором исторический путь, который завел нашу родину в один из тупиков двадцатого столетия, — по убеждению иных чересчур самобытно мыслящих и взбалмошных интеллигентов. Кесарь Юлон Второй с первых же дней царствования начал железной рукой расширять пределы единой Грузии в южном и восточном направлениях и осуществлять прогрессивные буржуазные реформы. Это был очень интересный, поистине уникальный, возможно, не имеющий аналогов пример революции сверху, унесшей жизни многих выдающихся противников и оказавшей огромное воздействие на политическое мышление многих государственных и общественных деятелей не только того времени, но и ряда последующих поколений. Достаточно сказать, что крепостное право в Грузии отменено декретом Юлона Второго в 1821 году, тогда как в соседней России — лишь в 1861 году. Вдохновляемые умным, дальновидным, стоящим во главе многочисленного войска императором, новые министры — члены правительства кесаря именовались министрами — стали управлять страной на европейский манер. Коренные капиталистические преобразования в городах и селах, строительство на первых порах простых мануфактур, а затем оснащенных машинами фабрик, интенсивная разработка месторождений полезных ископаемых, основание Академии наук, развитие банковского дела и торговли, самостоятельное производство большей части вооружений и многие другие хорошо продуманные мероприятия за несколько десятилетий совершенно изме-

нили судьбу Картли. Еще при жизни кесаря Юлона Грузия стала наиболее развитым и могущественным в военном отношении государством региона. В 1822 году в империи был введен ежегодный набор рекрутов, в тридцатых годах была проложена первая железнодорожная линия Тбилиси—Ахалцихе, обострения отношений с кесарем Юлоном старался избегать даже «русский медведь», а вооруженные силы других сопредельных стран не могли сравниться с грузинской армией в профессионализме, мобильности и уровне оснащенности. Естественным результатом роста военного и дипломатического престижа Грузии стало установление или восстановление дипломатических отношений с Россией и Францией, заключение с этими странами нового, выгодного торгового соглашения, развитие денежного и товарного обращения. Наряду с неуклонным ростом городов и созданием современной армии происходил процесс постепенной франкофикации высших слоев грузинского общества. Лица французской национальности часто назначались на важные гражданские должности, грузинские дворяне щеголяли перед женщинами знанием французских слов и французскими интонациями в разговоре, грузинки, благоухающие французскими духами, щеголяли сшитыми по парижской моде платьями, в открытых в Тифлисе и Кутаиси лицах французского типа было введено обязательное преподавание французского языка и истории, дети состоятельных родителей нередко отправлялись в лучшие университеты Европы для получения высшего образования, а отдельные грузинские дворянские фамилии даже украсились приставками «де» и «ле». Во время многочисленных походов выяснилось, что на парадах и при атаке на вражеские позиции грузинские воины не менее громко, чем французы, выкрикивают «вив ленперер» и так же хорошо выполняют ответственные и опасные задания командования. Наряду с другими причинами это обстоятельство также обусловило победу, одержанную Грузией в длительных войнах с Турцией и Персией и временное присоединение к Грузии восточных и северо-восточных вилайетов Турецкой Анатолии, а также Ширвана и Иранского Азербайджана. Опережая хронологический ход повествования, замечу, что, несмотря на непрерывные передвижения государственных границ

в регионе в последующие десятилетия, Грузия ценой небольших уступок сохранила большинство территориальных завоеваний, достигнутых во времена кесаря, и поэтому сегодня, на исходе двадцатого века, наша родина гордо раскинулась по Закавказью.

Падение монархии со смертью кесаря Юлона Второго и установление в Грузии передовых республиканских форм правления — одна из наиболее интересных и хорошо изученных страниц нашей новой истории, но ознакомление с нею требует особого внимания и труда, а сейчас, ввиду недостатка времени, позвольте ограничиться сообщением, что отличавшийся слабым здоровьем царевич Амиран, единственный сын кесаря Юлона и царицы Мзевинар, покорился выраженной в завещании последней воле державного родителя и безропотно сложил с себя знаки высшей власти. Взамен, согласно тому же завещанию, комиссия государственных советников единогласно избрала гражданина Амирана Бонапарта на пост президента национальной палаты. Специально собравшиеся в Тбилиси уполномоченные в течение одного месяца разработали и утвердили первую конституцию Грузии, положили начало многопартийному парламенту классического типа, заверив народ в неукоснительном соблюдении прав человека и объявив незаконным существование только тех союзов и группировок, которые требовали предоставления национальным меньшинствам ложно понятой независимости и всячески подрывали территориальную целостность страны. Несмотря на постоянную беззастенчивую антигосударственную деятельность неустойчивых и неблагонадежных элементов, парламентская система, обогащенная демократической практикой, с минимальными изменениями дошла до наших дней, предохранила Грузию от непосредственного участия в первой и второй мировых войнах и вручила нашему поколению страну прекрасную, как цветущий вертоград. Чего не узрят умудренные разумом глаза доброжелателя в Грузии, воссиявшей пресветлым изумрудом на нашей многокрасочной и всеобъемлющей планете! Широкие шестирядные автострады и величественный, как океанский лайнер, международный аэропорт «Кесарь Юлон», великолепные пятизвездные отели на Черноморском побережье и в столице и построенный в Хевсурети, вдоль

берега Арагви, изящный «Грузинский диснейленд», разнообразнейшая продукция современных заводов «Юлонины» «Юлон» и компьютеры «Наполеон», ракетные установки «Меч империи» и легкие танки «Бонапарт», безымянные атомные бомбы и начиненные электроникой игрушки, истребители «Небесный кесарь» и серийные атомные реакторы «Давид Строитель» — и еще много, много других достопримечательностей... Все сказанное выше — а также и невольно упущенное и неупомянутое, — непременно должен учесть искатель шедевра, если осмелится и попытается поведать добровольно погружившемуся в мерзости земного существования человечеству историю героической жизни и трагической гибели генерала Рамина Бакрадзе, чьи заслуги до сих пор еще не оценены по достоинству соотечественниками. Окончательное восстановление патриотической репутации генерала Бакрадзе — дело ближайшего будущего.

Приступая к описанию жизненного пути генерала Бакрадзе, искатель шедевра должен непременно так рассчитать кульминационную точку своего произведения, чтобы в полюсе повествования оказалась относительно искренняя беседа Рамина Бакрадзе с полковником Румянцевым — бывшим советским гражданином, а ныне сотрудником военного атташата посольства Великобритании в Грузии. Мы не станем здесь касаться сюжета произведения: сюжет — целиком предмет забот автора, и искатель шедевра, разумеется, совершенно свободен в выборе технических приемов. Он может предпочесть — и мы без колебаний одобрим его замысел, — чтобы такая встреча состоялась в один из ясных теплых вечеров ранней осени близ Гагра, в закрытом военном санатории, с его почти безлюдным золотым пляжем, тщательно ухоженными аллеями и легкими беседками, тем более что оба офицера имеют законное право именно здесь провести свой кратковременный отпуск. Повторяю, все это вопрос личного вкуса искателя шедевра, и такая встреча могла произойти где-нибудь в другом месте, например, на одном из приемов в английском посольстве, или в Цхнети, на вилле генерала Бакрадзе или в Месхет-Джавахети, на банкете по случаю окончания учений танковых войск Грузии, или в родовом имении президента д'Ава-

лиани — короче говоря, почти где угодно, это не имеет решающего значения, просто прибрежная полоса Гагра, особенно в начале «бархатного» сезона, представляется нам местом, где слегка благодушно настроенным военным, занимающим высокое положение, легче чистосердечно обменяться мнениями, где сама природа, умиротворяющая и возвышенная, располагает обессиленных и издерганных постоянным напряжением и чувством ответственности людей к необычным, свободным, раскованным поступкам.

«Тайной вечере» двух офицеров в неярко освещенном номере закрытого санатория — замечено, что задушевной беседе о положении страны лучше всего способствуют одна-две бутылки охлажденной водки, маринованные грибочки и добрый окорок, — предшествует краткая справка о личности и характере деятельности бежавшего из России полковника. Искатель шедевров, разумеется, учитывает, что командующему юго-восточным военным округом генералу Бакрадзе, благодаря высокой должности и служебным связям, хотя бы частично доступна засекреченная информация об истинной миссии гостя, и лишь для того, чтобы удовлетворить любопытство читателей, сообщает скудные сведения о внешности, возрасте и карьере полковника Румянцева. Черты лица и возраст этого человека для нас не представляют большого интереса, а что касается его карьеры — два года назад в составе делегации советского генерального штаба он прибыл в одну из западноевропейских стран, где, повергнув в изумление и друзей, и недругов, неожиданно для всех явился в американское посольство и попросил политического убежища. Вы, наверное, помните, какая буря разразилась тогда в западной прессе! На многочисленных допросах полковник особо подчеркивал, что никогда не был шпионом и не желал зла своему народу, что решился на такой шаг от отчаяния, овладевшего его душой и разумом, когда новое партийное руководство объявило основным курсом развития страны так называемое «очищение», развязало псевдодемократическую болтовню, лишило народные массы веры, оптимизма и четких ориентиров, отказалось и впредь твердо отстаивать исторически оправданные стратегические и военные интересы России. При этом полковник за-

верял новых патронов в своей преданности, в знак доброй воли готов был передать американцам целый ряд совершенно секретных сведений и взамен просил только одного: какой-нибудь службы в действующей армии. Румянцев решился даже оставить на родине жену и троих детей, лишь бы отмежеваться от катастрофического курса новых руководителей — так велика была его ненависть к политике «очищения». Более того, он обратился к влиятельным газетам и журналам с просьбой развернуть кампанию за разрешение на выезд в Америку членов его семьи, так как в противном случае, по заявлению полковника, они неизбежно подвергнутся жестоким гонениям, унижениям и издевательствам. Не буду утомлять вас рассказом о результатах данной кампании, это могло бы стать темой совсем другого произведения, скажу только, что после длительной, тщательнейшей и всесторонней проверки и на основании заключения разведывательного управления Пентагону было разрешено использовать профессиональные способности, мастерство и опыт полковника в интересах Соединенных Штатов Америки. Однако каким бы авторитетным ни было заключение разведывательного управления, военному ведомству требовались собственные гарантии, и заслужить его доверие было очень трудно, особенно человеку, изменившему — по каким угодно идейным соображениям — родине, поэтому временно, пока удастся подыскать для Румянцева должность, соответствующую его квалификации, его направили на стажировку в атташат посольства союзной Англии, разумеется, временно и, разумеется, исходя из общих интересов Англии и США, — хотя, как стало известно президенту д'Авалиани и некоторым высшим политическим и военным должностным лицам Грузии, в сферу деятельности Румянцева входило оперативное планирование радиоэлектронной разведки против его бывшей родины. По воле искателя шедевра полковник честно исполнял свои новые обязанности так, как это требовалось от сознательного антикоммуниста или специально подготовленного фанатика-агента, и нам просто запрещено усомниться в правомерности этой двусмысленной авторской концепции.

Итак: незримый наблюдатель, скромно присутствующий при тайной застольной беседе в полутемном

номере санатория, спустя некоторое время — после того, как была осушена первая бутылка, — непременно засек бы со злобной усмешкой невидимки, и не только засек, но и занес бы в также невидимое пухлое dossier, что и полковник, и генерал явно захмелели, и оживленно, перебивая друг друга, рассуждают о таких туманных вопросах нашего бытия, которые, учитывая воинские звания и должности, собеседникам даже упоминать не подобает, и все более проникаются чисто биологическим доверием друг к другу. «Так их мать, перетак, — сердито бормочет раскрасневшийся верзила Румянцев, — ни за что бы я не удрал, если бы имел дело с порядочными людьми! Но у нас нет больше порядочных людей». «Да, да, — соглашается высокий, представительный Бакрадзе. — Я сам отец пятерых детей, пятерых! Три сына, юные львы, и две дочери — школьницы. Шутка ли оставить семью в руках этих антихристов!» «Эх, семья, — двусмысленно цедит сквозь зубы Румянцев, — что семья? Разве главное семья? Знаете, о чем чаще всего спрашивали меня на допросах? Ладно, говорят, черт с ней, с женой, но дочерей-то как ты бросил? Психологи вонючие, а не солдаты! Хотя чего там, они не виноваты, так их обучают в этих проклятых американских школах. С трудом убедил их, что другого выхода у меня не было, а семью, говорю, все равно не оставлю там, с вашей и Божьей помощью вырву из лап этих чудовищ. Американцы, скажу я вам, домовитый народ, очень привержены семье, и в лицемерии, — так и знайте, генерал, — далеко превосходят грузин! Давайте выпьем за наших детей, но семья... Любовь — прекрасное чувство, все должны его испытать, но семейная жизнь, семья не только исключает истинную дружбу, она лишает тебя друзей твоей юности, — семья — это цепи для энергичной, сильной личности, для человека, стремящегося посвятить себя служению человечеству. Не с этого ли началась революция? Революция — единственный выход из любого загаженного положения, а доброй волей да миндальничаньем ничего не добьешься. Это «очищение» мне потому противно, что означает реабилитацию богатства и возрождение культа семьи на моей родине. Богатство — это хорошо для вас, капиталистов. Что, неужели я свою родину не люблю, но какая это родина? Хозяина у стра-

ны нет, у продавца магазина власти больше, чем у министра, а плевать он хотел и на правительство, и на любое постановление ЦК, всюду взяточники, да и это придуманное «очищение» тоже стяжатели, хапуги и подонки прибрали к рукам, как будто «Аврора» выстрелила для того, чтобы этим сволочам удобнее было карманы набивать, как будто зря мы завоевали пол-Европы ценой двадцати миллионов жизней, — я вас спрашиваю, генерал, можно жить в такой стране? Таким должно быть правительство, которому служишь?». «Невероятная история, — после секундной заминки отвечает Бакрадзе. — За здоровье наших детей, что нам недодано в жизни, пусть им добавится... Не может у продавца магазина быть больше власти, чем у министра, тут вы, безусловно, ошибаетесь. Напротив, в условиях тоталитарного режима правительство правит государством, как ему вздумается». «Какой еще тоталитарный, что за тоталитарный, генерал. Вы не очень-то верьте вашим газетам, они лгут, как продажные девки. Никакого тоталитаризма, все рушится и разваливается. Одно из двух: страну ожидает или реставрация капитализма, или новый тридцать седьмой год. Ни то, ни другое меня не устраивает, потому я и остался. И семью вытащу оттуда и увезу в Штаты, вы не думайте... Во всем виновато это «очищение», эта позорная авантюра. Зачем это было нужно? Что с того, что множество недостатков отравляет нам жизнь? И они разом все исправят? Как же, дождитесь! Был у нас в стране благодатный покой, и жили мы, не жаловались: никто никого не арестовывал, и завоеваниям социализма ничего не угрожало. Конечно, и трудностей хватало, но сейчас-то ведь куда хуже — кружку пива человеку не выпить в свое удовольствие. Боролись мы с вами и вам подобными и молодежи внушали веру в светлое будущее. Трудности имели оправдание, а жизнь — смысл, смысл, величие которого придавало особую ценность земному существованию и скромным устремлениям маленького человека. Давайте выпьем за смысл жизни, без него выдыхается, гибнет и личность, и государство — и никакой социализм тут не поможет. Боялись нас в мире, страх чувствовали — двукратный, троекратный страх. А теперь навязали нам это «очищение»... — Румянцев тяжело вздыхает и осушает свой

стакан. — Обрадовались, нашли виновного, благо мерт-
вый не страшен, ну и навалились на Хозяина. Видите
ли, по его приказу расстреляли и выслали множество
ни в чем не повинных людей, он творил беззакония, ра-
зорил крестьянство, уничтожил интеллигенцию, осме-
лившихся возражать ему — стирал в порошок. Да что
там, он, оказывается, и войну не хотел выиграть, его
чуть ли не вынудили победить. Бессовестные болваны,
место которым или в психушке, или в концлагере, —
потому что сами верят своей дурацкой болтовне! Мо-
жете себе представить, генерал, Чингис-хана, который
ни за что не хотел создавать собственную империю, но
пришлось — прогрессивно мыслящие рабы заставили.
Хозяин вручил этим ничтожествам могущественную им-
перию, завещал истерзанную и вновь возрожденную к
жизни страну, они же сперва промотали полученное бо-
гатство, а потом затывкали, как щенята, — есть хо-
тим, есть хотим, и наконец, — поскольку не нашлось в
стране твердой руки, чтобы скрутить их в бараний рог,
— подняли лай на весь свет: раньше мы были нера-
зумные дети и плохо себя вели, зато теперь мы испра-
вились и раскаялись и просим, ради Бога, простить нам
наши ошибки и вновь принять в ваше прекрасное об-
щество. Вот и все «очищение», ежедневно восхваляемое
вами в газетах и официальных выступлениях. И нетруд-
но понять, почему». «Естественно, оно нам нравится, —
улыбается Бакрадзе, — ведь и Грузия вздохнула с об-
легчением. Хотя и мы располагаем атомным оружием,
но в случае конфликта оно бы нам не помогло. Впро-
чем, не мне вас учить... Не только Грузия — весь ци-
вилизованный мир облегченно вздохнул. Откровенно
говоря, мне не совсем ясно, почему вы против «очи-
щения». По-моему, политика кремлевского руководст-
ва — единственный шанс для вашей родины». «Нет,
генерал, — раздается рокочущий бас Румянцева, —
вы говорите так только потому, что не знаете моей ро-
дины, а я ее знаю. Грузия мне нравится больше, чем
все другие страны, а я, как вам известно, немало пу-
тешествовал. Давайте теперь выпьем за вашу прекра-
сную родину, за это море, за этот воздух, за эту вели-
чественную природу, за ваших красавиц, за вашего
Юлона... Ух, хорошо пошла под грибочки. Мы долж-
ны были довольствоваться идеями Хозяина, это было

бы для нашего народа наилучшим выходом. Представьте на миг меня фанатичным сторонником «очищения» — ну и что? Эх, генерал, у моей родины есть одно очень специфическое свойство. Она бесследно поглощает любые сколь угодно возвышенные идеи и фантазии. Живя там, не следует ввязываться в общественную жизнь: чем более многообещающим будет задуманный вами план, тем более плачевными окажутся результаты его практического осуществления. Чем лучше — тем хуже, такова ее участь. Поэтому тот, кто действительно желает добра своему народу, должен смириться со всем, с любым злом, безобразием и глупостью, попытка принципиально изменить что-либо неизбежно приведет к губительным последствиям. Что касается лично меня... Знаете, хоть я и военный, но не хочу быть роботом. Один раз живем. Не желаю быть заодно с прохвостами, беззастенчиво обманывающими народ: прикидываются святыми, а втихомолку подлизываются к таким, как вы. Осточертело притворство. Кажется, и в американской контрразведке наконец догадались об этом, хотя их подозрения были не лишены основания: я ведь был членом коммунистической партии. Да, я нарушил присягу, доказав тем самым, что не являюсь бессловесным роботом. А теперь позвольте выпить за вас, генерал, за вас и за гордую и храбрую грузинскую армию... Приношу извинения за странный и, возможно, даже дерзкий вопрос, генерал, но наше застолье наполнило меня не только алкоголем, но и чрезмерной смелостью, поэтому прошу извинить, коли что не так... Если президент республики и ваш главнокомандующий отдадут незаконный приказ, исполните вы его или нет? Как обстоит дело в этом отношении в вашей демократической республике? Будете стрелять в детей и безоружных стариков, раздавите женщин, идущих с дубинками на танки, как это сделал ваш коллега д'Ишхнели шесть лет назад при подавлении восстания на юге?». «Тогда было другое время и другое правительство, — без энтузиазма отвечает Бакрадзе, сохранивший более ясную голову, чем его собеседник. — Президент д'Авалиани пользуется доверием всего населения и никогда не отдаст приказ, который мог бы запятнать честь его офицеров. Да и действия д'Ишхнели тоже не были незаконными. Он исчерпал все другие

средства, и у него не оставалось другого выхода». «И все же, если он отдаст такой приказ? — язвительно спрашивает Румянцев. — Ведь как раз на юге, именно там, где дислоцирована ваша танковая группа, по сведениям ваших же газет, создалось очень напряженное положение. Вообще, насколько мне известно, духовные лидеры негрузинских народов постоянно требуют независимости для своих наций. Быть может, их требования несправедливы? Современные англосаксы, знаете ли, с большой симпатией относятся к стремлению угнетенных народов добиться независимости. Даже не знаю, какую позицию займет в ООН правительство Ее Величества, если в Грузии опять будут иметь место массовые нарушения прав человека. Так будете вы стрелять или нет?». «Вот пристал, — подумал Бакрадзе, настроение у него сразу испортилось. — Все здешняя распушенность виновата. Это мне урок: не связываться с пьяницей, буяном и предателем. Безделье до добра не доводит: сел выпивать с первым встречным ослом-чужеземцем. — А вслух произнес: Я давал присягу и поступлю соответствующим образом. Грузинский офицер себя не опозорит, но неусыпные враги нашей родины и террористы пусть не надеются на пощаду, мы и впредь будем защищать конституцию и покой нашего населения. А теперь позвольте выпить за ваше здоровье, полковник, за ваши доблестные вооруженные силы». «Спасибо, генерал, за мои, конечно, за мои», — иронически соглашается Румянцев.

Не знаю, к каким художественным приемам должен обратиться искатель шедевра, чтобы вышеприведенный словесный поединок оказался в фокусе произведения и вечности, какой остроумный трюк изобретет он, чтобы преодолеть языковой барьер: если безупречный, изысканный французский генерала Бакрадзе не удивителен, то Румянцев — исходя из простых законов логики — должен все же лучше владеть английским. Хотя эта дилемма, разумеется, очень условна, и при разрешении ее лучше положиться на вкус автора. Тут для нас знаменательно совсем другое обстоятельство: не прошло и трех месяцев после «тайной вечери», как на южных территориях вспыхнуло хорошо подготовленное и разветвленное шиитское восстание, и подавить его удалось очень нескоро. Для временного усмирения

фанатично настроенного населения пришлось применить военную силу, а в жестоких массовых репрессиях вынуждены были принять участие войска юго-западного округа под командованием генерала Бакрадзе. За проявленную в борьбе с бунтовщиками твердость президент д'Авалиани собственноручно вручил генералу высокую правительственную награду и крупную денежную премию. В честь этого события генерал в тот же день устроил пир в самом фешенебельном ресторане Тбилиси — «Мтацминда», а на другое утро, когда жена, поднявшаяся наверх позвать мужа, который почему-то опаздывал к завтраку, нашла его на чердаке поспившего, с вывалившимся языком, в парадном мундире, украшенном всеми орденами, — было уже поздно: сердце гражданина Рамина Бакрадзе не билось. Голова его, продетая в веревочную петлю, надежно закрепленную к дубовой крепежной доске, подрагивала, как гигантский мыльный пузырь, от малейшего дуновения ветерка, проникавшего через открытое окно. Самоубийство — экстренно собравшийся консилиум пришел к заключению, что генерал добровольно расстался с жизнью, — вызвало большой переполох в правящих кругах столицы. Скандал казался почти неизбежным, шутка ли, национальный герой кончает жизнь самоубийством, и именно после того, как общество по достоинству оценило его заслуги. Такой поступок можно расценить как протест — поневоле возникнут недобрые мысли об угрызениях совести, мучивших морально безупречного полководца, о малодушном и преступном желании умыть руки, наконец, о скрыто протекавшей душевной болезни генерала. Естественно, что в связи с преданием земле тела самоубийцы возникли осложнения религиозного характера, так как погребение усопшего по христианскому обряду не представлялось возможным, а с другой стороны, неизбежная в этом случае огласка не только нанесла бы урон скорбящей семье Бакрадзе, но и отрицательно отразилась бы на моральной стойкости грузинского населения столицы. Власти нашли все же хитрый выход. Министерство внутренних дел, вопреки заключению врачебного консилиума, опубликовало краткое коммюнике, в котором сообщалось, что, по предварительным данным проводимого расследования, генерал Рамин Георгиевич Бакрадзе был

убит панисламистским фанатиком-одиночкой, который проник на чердак через открытое окно, подкараулил хозяина дома и, предварительно оглушив сильнейшим ударом дубинки по голове, повесил его с помощью специально приготовленной веревки. Созданная министерством экспертная комиссия подтвердила наличие ушиба в области затылочной кости убитого. В заключение следствие заверяло население в неизбежности задержания и предания суду преступника. Состряпанная таким образом официальная версия развязала руки светским и церковным властям и позволила провести церемонию погребения с соблюдением всех деталей ритуала. А сколько кахетинского было выпито на поминках!

Сюжет, или, если угодно, завуалированное слово скорби о еще невиданной Грузии, вероятно, можно считать определенным достижением искателя шедевра. Но в стиле, манере этого повествования все же чувствуется какая-то искусственность, недостаток истинного вдохновения, которое снисходит на наделенного даром светлой дедукции художника только в награду за бережное вглядывание в кипучую, бурно текущую жизнь. Видимо, искателю шедевра было совсем не обязательно отправляться в такую даль, погружаться в исторические реалии прошлых веков, достаточно было разбить вдребезги идол — отказаться от столь распространенного среди пестрого общества любителей и поклонников легковесных литературных сюжетов низменного осмысления понятий человеческой порядочности и благоразумия. Да, этого было бы вполне достаточно, только беспечному искателю невидимого шедевра следовало вовремя вспомнить, что он — невольно — принадлежит к необычной касте постоянно таящихся в засаде добрых инквизиторов, что для него смерти подобно и даже невозможно быть укрощенным невежественными и ложными ограничениями, что он всегда готов подвергнуться любым опасностям, чтобы еще раз разбить еще одни оковы распространенных обычаев, — и тогда без всяких искусственных уловок, а просто ценой сурового и бережного анализа повседневного существования близких людей он если и не создал бы бессмертный шедевр, то максимально приблизился бы к этой заветной, но недоступной, как линия горизонта, цели. Согласен, риск действительно велик: достаточно дру-

зьям, знакомым и близким искателя шедевра хоть слегка заподозрить, что вдобавок ко всем удовольствиям они еще и исполняют весьма унижительную роль его литературных прототипов, — и вполне возможно, что они не только отвернутся от него, разорвут с ним все деловые и — что особенно огорчительно — внеделовые отношения, но и станут его неусыпными врагами. Что поделаешь... Жаль, но такова была во все времена незавидная участь искателя шедевра. Он всегда зависит от душевной тонкости и терпимости других. Отпустите ему грехи! Представьте, что миллионы людей живут полноценной жизнью, они счастливы, несчастливы, голодны, сыты, танцуют, играют, обманывают, предаются, теряют, находят, крадут, убивают, строят, разрушают, творят уйму гадостей и злодейств и столько же добра и блага, а искатель шедевра только пытается не принимать участия во всеобщей суете и хлопотах, хотя и знает, что это невозможно, к тому же, насколько позволяют его возможности, стремится исполнить свой долг перед вечностью: рассказать вам веселую историю о легкомысленном молодом человеке, лишенном музыкального слуха, но все же обучавшемся игре на гитаре; или грустную — о людях, навсегда потерявших друг друга, так как не решились сказать друг другу единственные нужные слова в единственный, неповторимый, высший миг их жизни; или страшную — о человеке, который напился и совершил хамский поступок, закончившийся кровопролитием; или странную — о парочке, которая... о, нет, упоминать о парочке очень опасно, даже для искателя шедевра...

Хотите послушать сказку о продавце жары? Очень приятно. Итак... Но об этом лучше — в следующем рассказе.

Перевод Игоря КАЛАШЬЯНА и Юрия ЧЕЙШВИЛИ

Вечность

Своей рукой я написала слово,
но сердцем не смогла его согреть.
Я доброту на помощь призывала
и прогнала предательские мысли,
холодные, как ливень в ноябре.

Как почки распускаются весной,
как лепестки на дереве цветущем —
так в сердце загорелось две свечи:
любовь и родина.

А слово это — вечность —
осталось неприкаемым в душе.

Молитва

Довольно бед —
дай с силами собраться!
Хлеб отбери,
если сирот обижу,
но не лишай меня надежды — позови
и утоли мой печали.

«**Д**ай мне силы, чтоб родине служить!» — восклицает грузинская поэтесса Манана Бегашвили, и мы взволнованно прислушиваемся к ее голосу, убеждаемся, что исповедальная мелодия в новой поэзии Грузии подхвачена. Манана учится в Литературном институте, достойно представляя новую волну, новое исповедальное крыло лирики, столь нужной как читателю искушенному, так и тому, кто впервые черпает бодрость из этого родника.

Я знаю стихи Мананы по подстрочникам и поэтическим переводам, сделанным ее московскими сверстницами. Подкупает искренность, а ясность и прозрачность молодого голоса рождает больше, чем надежду — уверенность...

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Так стою
на высоте судьбы.
Уменьши горечь,
дай вечной жизни материнству; улететь
дай к небу радужной палитре счастья.
Веру в сердце
зажги и пламя поддержи.
Руками к небу
я снова потянулась.
Поддержи
неровный веры огонек,
дорогу музе,
летающей со стихами, освети.
Услышь мою молитву и свечу
прими как символ веры, образ сердца.

Ничего от любви

Не осталось твоих стихов,
посвящений твоих — не осталось.
Тонких линий проверенных слов,
кратких строк, фотографий, цветов,
пламенеющих лепестков —
не осталось...
Потому что стихи я сожгла,
еще раньше увяли гвоздики,
потому что все письма — зола,
фотографии все — безлики.
Вот тебе мой последний ответ:
ничего от любви не осталось.
Только в памяти теплится свет,
только грустно ты смотришь вослед —
или мне показалось?

* * *

В страшных сказках — слез моих начало,
я забыла сказки — слез не меньше.
В маминых руках — дорог начало,
выбрала свой путь — дорог не меньше.
А в моей любви — стихов начало,
ты уйдешь — стихов не станет меньше.

* * *

Сверкают звезды сквозь потоки слез,
произношу молитву: Ты один.
Открыла дверь страдания и грез,
но Ты не отвечаешь, Господин.
В который раз я не могу уснуть,
покой навеки канул в пустоту.
Любовь к отчизне обжигает грудь.
О, вознеси меня, как Джвари, в высоту!
Мне руку отруби, коль нечестна,
сожги и по ветру развей, коль изменю.
Свеча горит, как полная луна.
Дай, Господи, мне путь навстречу дню.
Дай силы мне, чтоб родине служить,
дай веру мне, чтобы могла я жить!

Перевод Ганны ПАЛАГУТЫ

Гена СТОЙКОВ

* * *

Смотри, у меня
 есть маленький камень —
Мой крошечный пламень,
 зажатый в руке.
В руке у меня —
 не искра из рая,
А глаз Соломона
 в моем кулаке.

* * *

Стоял июнь, и луг благоухал
Навязчивым и терпким ароматом.
Не тонко — незаметно, как сандал, —
А просто бил, как бьют из автомата.
И запах мощный полевых цветов,
Удушливый и солнцем подогретый,
Как майский дождь, сорвался с облаков
И заявил, что здесь весною лето.

Пейзаж, освещенный блистательным солнцем,
 Пейзаж, освященный Творцом,
 Как кубок серебряный с солнечным донцем,
 Как солнечный зайчик с соловым донцом,
 Пейзаж, освященный Всевышнего волей,
 Пейзаж, раскаленный, как гнев,
 Пейзаж, где мерзавцы по собственной воле
 Разрушили Храм и построили хлев.

Аллея роз

Достоинно роза на шиповнике цвела,
 И запах благовонный источала,
 Не сок шиповника, а кровь его пила...
 Но это проза —
 Кровью расцветала
 Аллея роз,
 Алее крови розы,
 Алей багрянца с запахом зари —
 Рубинов цвет, бездонного колодца,
 На диком корне зверя-первородца
 Аллеи роз цвели, цвели, цвели.

Итак, я жду...

Ты звал меня, и Я пришел.
 Так говори, Я буду слушать,
 — Кто ты?
 — Я тот, кого зовут дождем.
 Твой прошлый день.
 — Я тот, кого зовут дождем.
 И создает. Я — солнце, озеро,
ненастная погода.
 Твои надежды. Я — порог у входа
 В Храм.
 — Ты Бог?
 — И так меня зовут.
 Я тот, кому псалмы поют;
 И на кого все молча уповают;
 и тот, кого всегда ругают;
 и от кого все чуда ждут.
 Итак, я жду...

Старик

Под жидкой тенью саксаула
Сидел старик. Как высохший урюк,
Его лицо, и цвет такой же рук,
В халате драном, как облезлый пес,
Сидел старик и тихо, молча мерз.
Вблизи костра сидела тень,
Его сестра, и тоже мерзла,
И страдала — его душа вблизи летала.
Клонилось к вечеру. Закат
Тень растянул до ближнего бархана,
И в ней души совсем осталось мало,
День угасал и угасал старик.
И слышен был в застывшей тишине
Далекий птичий крик.

Спецназ

Бутылочка в помин души,
А миром можно скинуться на ящик.
Лежи спокойно. С миром. Не дыши.
Мне, может статься, очень подходяще.
А то меня таскают, бедолагу,
Давить угонщиков с блатного самолета.
Или стрелять киргизов по наряду.
А мне, друзья, винца попить охота,
И жизнь меня вот так всегда швыряет.
На поводке меня везут, как злого пса.
Сегодня он в меня стреляет,
И, может быть, свинцовая оса
Меня ужалит завтра, через год,
И кто меня там раньше приберет
К себе?
Возможно, Бог. А может быть,
Мне больше выпадает срок,
И я еще кого-то постреляю,
Ведь я уже почти не лаю,
А больше все хриплю,
Но никому не уступлю, пока я жив,
Сырую кость!
Меня собачили на злость —

Меня собачили на мясо.
Пусть патриоты точат ляды,
Но знайте, умники, для вас
В загоне держится «спецназ».

* * *

Полбутылки вина,
Полбутылки проблем,
Полбутылки дилемм,
Полбутылки ненастья,
Половина из тех не проделанных дел,
Половина остатков
Счастья.

* * *

В неказистом рассвете,
Как в дырявом холсте,
Пробиваются звезды,
Отражаясь в воде,
По спирали планируя,
Падают листья,
И рябины дрожат
Недозрелые кисти.

Игра во взрослых

РОМАН

Мамука Гиоргадзе рос балованным ребенком. Даже Мимя придумал ему отец—будто закрепил сына за собой*. Вначале семья была как семья, как у всех нормальных людей. Отец и мать двумя большими солнцами освещали жизнь ребенка, и в памяти у него так и осталось — светлые, солнечные комнаты, мягкое тепло, ласковые руки матери и небритая, колючая щека отца, носящего его на плечах. Было ли все это?.. И сколько времени прошло с тех пор?.. Однажды утром отец, как обычно, повел Мамуку в детский сад. Стояла зима, но снег так ни разу и не выпал, дул сырой ветер. Он распахнул на мальчике пальто, ворвался за пазуху. Отец засмеялся — «Ах, ты, такой-сякой!» — взял сына на руки, прижал к груди, прикрыл полый своего пальто. Мамука уткнулся носом ему в шею. Отец нес свою драгоценную ношу осторожно, стараясь не поскользнуться на обледенелом тротуаре... Мамука пригрелся, глаза у него начали слипаться... Многие годы спустя, как самое дорогое, он вспоминал это ощущение родного тепла и защищенности...

Глаза у Мамуки были отцовские, волосы — материнские, черные, слегка отдающие каштановым. С распущенными волосами мать становилась похожей на сказочную фею. Она была красива, и знала это. Часто подолгу крутилась у зеркала, примеряла свои дешевенькие пестрые платья и все вздыхала. Ее вздохи были понятны: есть же счастливые женщины — ни кожи, ни рожи, а разодеты так, что глаз не отвести.

Все в доме шло своим чередом, вот только иногда между родителями, без всякой вроде бы причины, вспыхивали ссоры, в которых поминались какие-то «жалкие

Начало см. в № 8.

* Мамука — производное от слова «мама» — «отец».

копейки». Со временем эти ссоры переросли в шумные перебранки, причина которых всегда была одна — деньги. Съежившемуся от страха Мамуке казалось, что эти непонятные деньги носятся в воздухе, заполняют пространство, душат его. В комнате от них меркло солнце, становилось темно, холодно и уныло.

Мамука был еще слишком мал, чтобы различать плохое и хорошее, правду и ложь, но своим маленьким сердечком безошибочно понимал, что мамины ласки — это хорошо, а ссоры — плохо.

Потом в доме откуда-то появился новый человек. По всем его повадкам чувствовалось, что он лицо важное, должностное и деньги у него водятся. Он покровительственно похлопывал отца по плечу и говорил всегда одно и то же: «Ну, как дела, парень? Смотри, согнет тебя жизнь в бараний рог. Она ведь, знаешь, — любит ловких!» Отец от этих слов весь как-то сникал, даже делался ниже ростом и вымученно улыбался. Мамуке — а он к этому времени был уже постарше — делалось ужасно жалко отца, но к жалости примешивалась брезгливость. В душе он умолял отца — ну же, врежь этому мешку с деньгами как следует! Но вслух ничего не говорил. А отец молча усаживался в черную «Волгу» друга дома. Возвращались они поздно, в обнимку, смеялись чему-то своему, у подъезда долго клялись друг другу в дружбе. Отец не держался на ногах. Мамука подставлял ему плечо, почти втаскивал по лестнице — молча, без упреков. Время от времени отец останавливался, обводил его бессмысленным взглядом, потом узнавал, бурно радовался — вот какой у меня взрослый сын! — ерошил Мамуке волосы, иногда стискивал так, что становилось больно.

Мать нашла себе новую службу. До этого она работала в булочной, и от нее всегда исходил аромат свежее испеченного хлеба. Белый халат шел ей, да она и носила его так, словно это королевская мантия. Теперь вместо белого халата она сшила себе синий. Зарплата на новом месте была меньше, зато денег, как она говорила, больше. До Мамуки не доходило, как так может быть. Постепенно в доме стали появляться новые дорогие вещи, но все это «добро» не приносило радости. Отец с каждым днем становился все мрачнее, легко раздражался. Может, потому, что мать приходила с

работы поздно и на домашние дела времени у нее не хватало. В квартире стало неухоженно и бесприютно. Мамука скучал по матери, а она в ответ на его жалобы совала ему десятку — на, купи себе жвачку! Будто жвачка могла заменить материнскую ласку, да и на кой ему было столько!

Однажды отец избил-таки друга дома — прямо на лестнице. Мамука стоял наверху и со злорадным удивлением наблюдал. До сих пор он думал, что отец вообще не умеет драться, оказалось — умеет, да еще как! Этот толстый боров с выпирающим брюхом, которого внизу дожидалась черная «Волга», согнувшись в три погибели, старался укрыть лицо. А отец, стоявший на две ступеньки выше, целил удары именно в эту ненавистную рожу. Потом пнул соперника ногой и грязно выругался. Друг дома подался назад и вдруг заплакал — визгливо, по-бабьи, потом, держась за перила, почти скатился с лестницы, захлебываясь слезами и слюной.

Мамука не испытывал к нему жалости — ни капельки, одно только отвращение — как будто наступил ногой на раздутую жабу.

Отец был пьян и на этот раз, с трудом узнал сына, разозлился — тебе что здесь надо? — и тычками погнался вперед.

Мамука не обиделся.

Войдя в комнату, отец подошел к крану, плеснул себе в лицо холодной водой, упал на кушетку и жалким голосом произнес: «Подождем, пока явится милиция!»

Но никто не явился. Отец приободрился — ага, не посмел жаловаться! — и Мамука вдруг понял, что он боится. Мать вернулась, как всегда, поздно. Мамука ждал, что будет скандал, но она лишь посмотрела на мужа как на пустое место.

Мамука вздохнул с облегчением — пронесло, но оказалось — куда там, события только начинали разворачиваться.

На другой день мать явилась в три часа ночи, пьяная в дым. С трудом вскарабкалась по лестнице, не переставая бессмысленно хихикать.

Отец был трезв. Видно было, что в нем клокочет ярость, но он сдерживал себя. Мать хорохорилась, ста-

раясь принять гордый и вызывающий вид, но зрелище являла жалкое.

— И ты считаешь себя мужчиной?! — бросила она отцу и сама же ответила: — Не мужчина ты, а тряпка!

Отец размахнулся и ударил ее по лицу. Мамука молча бросился к отцу, повис у него на руке. Тот опомнился, рухнул на стул, закрыл лицо руками и застыл в этой позе.

Так вот оно и пошло! Один день напивался отец, другой — мать. У Мамуки рвалось сердце от боли. Он утыкался в учебник, но ничего не видел. Руки дрожали. Буквы в тетрадке выплясывали кривыми уродцами. Исхудал так, что остались одни глаза да нос, но своим горем ни с кем не делился.

Однажды к ним домой пришла классная руководительница. День выдался спокойный. Отец был трезв, мать тоже. Неожиданную гостью приняли радушно. Мать нарезала печеное, прихваченное по дороге домой. Сварила кофе. Даже погадала учительнице на кофейной гуще. Напророчила ей скорое замужество. «Какие у тебя милые родители! — расчувствовалась старая дева. — При таких родителях тебе следовало бы учиться получше». После ее ухода отец взял в руки ремень... Это был единственный раз, когда он вздумал сыграть роль строгого, но справедливого отца. Мамука послушно подставил спину и за всю экзекуцию не издал ни звука.

Дальше дела пошли по-старому. Семья скатывалась все ниже. Если раньше мать с отцом хоть пытались скрывать от людей, что происходит, то постепенно чувство стыда притупилось, и теперь на страже семейной тайны стоял лишь один Мамука. Камнем лежала у него на сердце эта тайна. Он разучился смеяться, сторонился сверстников.

Что привело его в этот вечер на службу к матери, Мамука и сам не знал... Он возвращался из кино с одноклассниками. Они поравнялись с гостиницей, и Мамука вдруг подумал о матери. «Здесь работает моя мама. Зайду, может, собирается домой!» — попрощался он с ребятами. На работу к матери Мамука заходил не впервые. Мать обычно дежурила на третьем этаже, и Мамуку всегда удивляло, что все обязанности дежурной заключаются в том, чтобы неотлучно сидеть на

месте и выдавать постояльцам ключи. Откуда же у нее при этом берутся деньги?

Мамука взбежал на третий этаж. За столом дежурила пожилая горничная с вязаньем в руках. То ли от небольшого ума, то ли досадуя за что-то на мать, она так прямо и брякнула:

— Мама? Кажется, в тринадцатом!

Не усмотрев в этом ничего дурного, Мамука прошел до конца длинного коридора... Четные номера располагались по одну сторону, нечетные — по другую. Вот и триста тринадцатый.

Дверь была незаперта. Видно, найдя в номере изменила осторожность. Мамука нажал на ручку, и дверь легко поддалась...

Никогда раньше он не видел мать обнаженной. В номере сильно пахло сигаретами и вином. Видно, мать только что смеялась, в воздухе еще витали отзвуки ее смеха.

Она сидела на коленях у незнакомого мужчины, прильнув к нему всем телом. Мужчина был пожилой, с пышными седыми усами и крупной головой. Больше Мамука ничего не успел рассмотреть. У него перехватило дыхание, лоб покрылся испариной. Захлопнув дверь, он опрометью бросился по коридору.

Вихрем пронесся мимо горничной, сбежал по лестнице, выскочил на улицу и, только когда его обдало холодным ветром, почувствовал, что теряет сознание...

Когда Мамука пришел в себя, вокруг него толпились люди. Какой-то мужчина похлопывал его по щекам, женский голос повторял — расступитесь, ребенку нужен воздух!

Он приподнялся, к нему потянулось сразу несколько рук, помогли встать. Колени противно дрожали, но он встал, протиснулся сквозь толпу и, чуть пошатываясь, побрел прочь... Может, все это привиделось ему во сне? Мамука не представлял себе, как сможет взглянуть на мать, заговорить с ней.

Света в окнах не было. Может, выключили электричество? Мамука вошел в подъезд, сердце колотилось, словно он совершил преступление и боится, что его засекли.

Дрожащей рукой толкнул дверь. Скользнул в нее так быстро, как будто за ним кто-то гонится. В квар-

тире было темно. Из спальни доносился храп отца. Наверное, упился до чертиков.

Мамука с трудом добрался до постели, рухнул на нее, больно ударившись спиной о стенку, и широко раскрытыми глазами уставился в темноту.

Ночи, казалось, не будет конца, никак не рассветало... И только когда наконец за окном чуть-чуть побледнело, Мамука вдруг сообразил, что мать так и не вернулась. Он почувствовал легкое злорадство — боится все-таки.

Натужно закашлял отец, никак не мог прокашляться, хрипел, стонал. Может, умирает? — подумалось Мамуке. — Вот хорошо бы!..

Через много лет, в минуту откровенности, Мамука Гиоргадзе с грустью скажет мне:

— Отец? ...Отец у меня хороший, добрый! Нет, не бил! Только один раз... Крепко мне тогда попало... Да нет, больно не было, ну, может, чуть-чуть, вот только обидно немного — ведь то был день моего рождения!..

* * *

В «Радости» проводили собрание.

Дэви Цирдава немного запоздал. Войдя в зал, он негромко поздоровался и огляделся в поисках местечка поукромнее.

Дианоз Верулава поманил его рукой — садись, мол, сюда, в президиум — и указал на пустой стул, оставленный специально для почетного гостя.

Собрание, видно, началось недавно. Директор произносил вступительное слово. Дэви вслушался, но Дианоз говорил так тихо, что почти не было слышно. Дэви почувствовал на себе взгляды присутствующих, и сам принялся исподтишка разглядывать публику. Элико и Ипполит сидели в глубине зала. Элико украдкой поглядывала на Дэви. Ипполиту чего-то не сиделось на месте, он крутился, вертел головой... Фельдшерница Мавра, поймав взгляд Дэви, улыбнулась ему по-домашнему. Он помнил Мавру красивой, нарядной женщиной — всегда с покрашенными губами, напудренной... В последнем ряду он заметил Бондо Чахнакия. Вот и он тоже... Когда-то был румяным, круглолицым, крепким парнем, а теперь... Время будто иссушило его, лицо покрылось густой сетью морщин, потемнело...

Из этих грустных раздумий Дэви вывел бодрый, как всегда, голос Варвары, которая только что вошла в зал:

— Опоздала? Ладно, извините! Работы было много, не до собраний мне! — на ломаном грузинском языке обратилась она к президиуму.

Вслед за Варварой в дверь шмыгнула Писти Кардава, столбом встала у косяка.

Дианоз прервал речь, призвал к тишине расшумевшуюся аудиторию, подождал, пока Варвара усядется рядом с мужем, Бондо Чахнакия. А затем представил гостю сотрудников, начав с Мравалы Папаскири и закончив Цисией Девдариани.

— Никого не пропустил? — улыбнулся он напоследок.

— Разрешите мне, уважаемый?

— Да, Боцо, в чем дело?

— Меня пропустили!

— И вправду, — удивился Дианоз. — Мне казалось, что тебя нет!

— Меня не было видно!

— Встал бы на ноги, вот и видно было бы! — язвительно крикнул Ипполит.

Раздались смешки.

Дэви взглянул на Ипполита. Ну и тип, чтобы узнать такого, пуда соли будет маловато. Всегда подобострастно улыбается, но смотрит не в глаза, а куда-то на мочку уха... Одет с иголки, но это как-то не вяжется с остальной наружностью. Боцо выглядывал из-за чьих-то спин, как шляпка какого-то гриба, скорее всего, опенка. На выпад Ипполита он не обратил внимания, продолжая смотреть на Дианоза с видом обиженного ребенка.

— Это наш чемпион, Боцо Какулия, — с улыбкой представил его Дианоз.

— Хорошо, что ты напомнил о себе, Боцо, а теперь садись, в ногах правды нет.

— Мне нужно кое-что сказать, уважаемый!

— После, Боцо, после, выступишь в прениях!

Боцо послушно спрятался за спины.

— Мравала, зачитай порядок дня, — с облегчением произнес Дианоз.

Мравала Папаскири степенно поднялась, отодвинула стул, одернула платье.

— Товарищи! Первый вопрос — международное положение и защита мира во всем мире!

Из последнего ряда снова показалась голова Боцо Какулия.

— Разрешите, уважаемая?

Мравала прищурила глаза, сдержанно прошипела:

— Может, дашь сказать, Боцо?!

— Защита мира — великое дело, но...

— Не мешай, Боцо! — вмешался Дианоз.

Голова Боцо вновь исчезла, хотя, как оказалось, ненадолго.

— Второй вопрос — укрепление дисциплины среди воспитанников и сотрудников...

— Разрешите, уважаемая? — В глазах Боцо не было обиды, лишь снисходительная терпимость старшего к младшим.

— Боцс, прекрати! — строго одернул его Дианоз.

— Третий вопрос — отставание в области физкультуры и спорта! — мстительно объявила Мравала.

— А кто в этом виноват? — опять не усидел на месте Боцо. — Правда, я человек маленький...

— Амбако, ты ведь агроном, сделай доброе дело, найди ему какой-нибудь стимулятор роста, спасения от него нет! — снова подал голос Ипполит Квирквелия.

Зал грохнул. Голова Боцо исчезла.

Встал Амбако Цомая — высокий, худощавый, представительный. Провел рукой по седым усам, погладил орденскую планку на кителе.

— Стимулятор тут может быть только один — надо выслушать человека!

— Что нового он может сказать? — презрительно отозвался Ипполит. — Не бойтесь, он себя в обиду не даст. Вон пальцы вечно в чернилах. Знай себе пишет!

— Ложь! — взвизгнул из своего угла Боцо.

— Чернилами он не пишет, — насмешливо бросила Мравала. — Его орудия производства — ножницы и клей!

— Я тоже ненавижу анонимки, — спокойно гнул свою линию Амбако. — Тем более давайте послушаем. Может, человек первый раз в жизни решил высказаться прямо и открыто. Я тоже хочу спросить. Мне уже не-

мало лет, но я никогда не решался... Вот, например, где наши повара? Медико Самушия не изволила явиться, впрочем, как всегда. Не станет она себя беспокоить! Так я спрошу вас, уважаемая Варя... Скажите, детям хватает еды?

— Конечно, хватает! Еще бы не хватало! — опередив Варвару, бросилась в бой Писти Кардава.

— Кому не хватает, даем добавку! — уточнила Варвара. Щеки у нее пылали.

— Дело не в добавке. Я спрашиваю, хватает ли им того, что положено по норме?

— Кому хватает, а кому и нет!

— А вашим мальчикам, уважаемая Варя, хватило бы?

— И что вы такое говорите, дорогой! Да здесь каждый зараз целую курицу съедает! — На лице у Варвары появилось горделивое выражение.

— А при чем здесь наши мальчики? — насторожился Бондо Чахнакия.

— А при том, что ребенок есть ребенок, будь он Чахнакия или Эдзгверадзе! Эх, да что говорить! — Амбако махнул рукой и сел.

— Что вы хотели этим сказать, батоно Амбако? — сухо спросила Мравала.

— То, что я хотел сказать, я сказал! По-моему, ясно! — Амбако отер платком лоб и многозначительно добавил: — Имеющий уши да услышит!

Амбако это не Боцо, которого никто не принимал всерьез, и в зале повисла неловкая тишина. Мравала Папаскири растерянно посмотрела на Верулава:

— Что делать, батоно Дианоз?

Директор сидел с опущенной головой. Так, не подняв головы, он и заговорил:

— Конечно, товарищи, у нас есть недостатки, в том числе и с питанием... Сегодня в повестке дня другие вопросы, но раз Амбако счел нужным, давайте поговорим... Вот и гость у нас сегодня! Пусть не думает, что мы боимся критики. Говорите, товарищи, кого что беспокоит.

— Да, да, берите слово, товарищи! — нерешительно добавила Мравала.

— Стыд и позор! — опрокинув стул, бросилась в бой Вардико Чкванави. — Сколько лет работаю в на-

шем заведении, а такого не видывала. Всегда у нас все было в порядке. Жили себе тихо и мирно. А тут, нате вам, развели критику, да еще против кого? Против нашего всеми уважаемого директора. Да что мы, Дианоза не знаем, что ли? Да более бескорыстного человека на свете нет! Он скорее сам недоест, а детям отдаст... — продолжала Вардико воскурять фимиам Верулава.

Дэви, расстроенный, украдкой наблюдал за Дианозом. «Чего он молчит? — подумалось ему. — Будь я на его месте...» Но директор продолжал сидеть с опущенной головой и, только когда Вардико перешла все границы, поднял глаза и, встретившись взглядом с Дэви, прервал славословия.

— Довольно, Вардико, ты же знаешь, что критика для нас — норма жизни!

— Смотри какая критика, батано Дианоз! — со вздохом поднялась с места Сулико Хубутя. — Я уверена, что наш уважаемый Амбако не хотел сказать ничего дурного, но получилось у него так, что мы все тут воры и только и думаем как бы утащить что домой!..

— Я этого не говорил, — оскорбленно откликнулся агроном.

— Как же не говорили? — взмахнула длинными ресницами Сулико.

— Что нам выдают со склада, из того и готовим! — У Варвары был вид обиженного ребенка.

— Вот именно! — с готовностью подтвердила Писти Кардава. — Что дают, то и готовим, не из дому же нам продукты носить!

— Ну вот! — воскликнула сидевшая у окна миловидная Этери Иосава, завскладом. — Теперь все валийте на меня. Нашли козла отпущения. А я выдаю все по норме, до грамма!

— Как же, по норме! Прямо святые все, да и только! — проскрипела в ответ Агати Эджибия.

— Э-ге, если уж в драку полезла Агати, пора уносить ноги! — попытался шуткой разрядить атмосферу Ипполит.

— Ты лучше за собой смотри, — не осталась в долгу Агати. — Все вы тут беспорочные. Вон у Иосава уже и крылышки выросли! Да и у Циргвава тоже, слышите, как хлопают? Сейчас вознесутся на небо! Впрочем,

стара я, слух меня порой подводит. Может, это и не крылья вовсе, а белье полощется на ветру, а?

— Ты что, сдурела? От меня-то тебе чего надо? обиделась кастелянша Назиброла Циргвава.

— Чего надо, ты и сама хорошо знаешь!.. — многозначительно изрекла Агати. — Доводилось мне видеть на постелях такое старое, да рваное, да застиранное белье, что и руки Пело с ним ничего не могут сделать. А вот нового что-то не видела, и куда оно только деваается?!

Услышав свое имя, бабушка Пело захихикала и потрясла в сторону Агати сухим кулачком: — Ну и язычок, чтоб тебе неладно было!

Дианоз сидел молча, непонятно было, слушает ли он вообще. Но голос Пело вывел его из задумчивости.

— Может, еще кто хочет высказаться? — оглядевал, глухо спросил он. — Значит, одному не нравится питание, другому — белье. Что же вы до сих пор молчали? Так хоть сейчас говорите все до конца, что накипело на душе! Давайте вот спросим Татьяну.

Татьяна Каличава сидела, не участвуя в происходящем, казалось, даже не слышала того, что говорится вокруг. Глаза у нее были отсутствующие.

— Меня? — встрепенулась она. — Почему именно меня?

— Да потому, — засмеялся Дианоз, — что тебя вроде ничего не касается! Да ладно, что с тебя взять, вот родишь нам мальчика и то хорошо! — И сразу посерьезнел: — А вы что скажете, многоуважаемая Ольга?

Ольга Дарджания сузила свои и без того узкие, монгольские глаза и отрубил:

— А чего мне говорить! Не касается меня ни ваше питание, ни ваше белье. У меня своих дел достаточно, дай Бог с ними справиться...

— А вы, уважаемая Чито? Вы тоже так думаете? Коренастая, рябоватая Чито Хухуа заскрипела стулом:

— А что я? Как все, так и я! — и она беззаботно махнула рукой.

— Ну еще бы! Какой с вас спрос! — насмешливо бросил Дианоз. — А вот Боцо Какулия до всего есть дело!

Боцо вынырнул из-за чужих спин и, воодушевленный сочувствием, прозвучавшим в голосе директора, с надеждой спросил:

— Можно мне, уважаемый?

— Говори, Боцо! Все говори! Если другие говорят, то тебе сам Бог велел!

— Я, уважаемый, хотел спросить: положено ли нам что-нибудь, если мы отдаем ребенка приемным родителям?

— Что-о? — опешил Дианоз.

— Это уже слишком! — вскочил Ипполит.

— Ой, мамочка! — воскликнула, шлепнув себя по щекам, Элико.

Наблюдавшему за ней Дэви жест показался нарочитым.

— Вот, например, уважаемый, когда усыновили Нико Бжалава, дело не обошлось без мзды, я знаю... А когда эти, как их там, вернули его обратно, они потребовали свои деньги назад... — Боцо, видно, совсем осмелел.

— Товарищи! Что, в конце концов, здесь происходит? — подалась вперед Ксения Салакая, стройная, женственная, у кого повернулся бы язык назвать ее старой девой? — Дианоз, посмотри на меня!.. Тебе что-нибудь известно об этом?

Дианоз судорожно глотал воздух.

— Да что же это такое? — Ипполит обличающе ткнул пальцем в Боцо. — Долго мы будем слушать этого интригана, он хочет довести человека до инфаркта!

Дианоз провел рукой по груди, как будто действительно проверял, что там делается с сердцем. Потом взглянул на Ксению и жалким голосом пробормотал:

— Ксения, ты хоть веришь, что никогда никаких денег я не брал?

— Я всегда верила тебе, Дианоз, — неуверенно произнесла Ксения. — И все же в этом надо разобраться. Если Боцо лжет, придется ему убираться отсюда, а вот если не лжет...

Растерянная Мравала Папаскири не знала, что делать дальше, и почему-то обратилась к Дэви Цирдава:

— Что делать, продолжать собрание?

Дэви пожал плечами. Тогда Мравала взглянула на Дианоза.

Тот тяжело поднялся и медленно пошел к выходу. В зале стояла гробовая тишина, никто не решался заговорить. Хныкающий голос Боцо Какулия показался в этой тишине особенно нелепым.

— А все потому, что я человек маленький, скажете — нет?

Никто не ответил... Дэви в молчании вышел из зала. На душе было тяжело. Будто задела доброе имя его самого, Дэви Цирдава «Кто такой, в конце концов, этот Боцо Какулия?! Выискался правдоискатель!» — подумал он с раздражением, но это не успокоило его.

Во дворе подтаивала снежная баба с сучком вместо носа. Баба выглядела покинутой, всеми заброшенной, дети потеряли к ней интерес, и она, потихонечку оседая на один бок, вот-вот готова была свалиться совсем...

* * *

Итак, мы стая волков! Время от времени собираемся в назначенном месте, у подножия Верасулы. Дурчимся, спорим, а бывает — чтобы оправдать свое название — и воем по-волчьи, скалим зубы, скулим, как волчата.

Вначале меня это занимало, потом стало надоедать, а под конец я и вовсе взбунтовался...

Вожак стаи протяжно завыл. Остальные ответили тихим подвыванием. Наша поляна у подножия Верасулы была освещена солнцем, оно уже пригревало по-весеннему, хотя камни и валуны все еще сохраняли в себе пронизывающий холод.

Бычок бросил на камень ватник брата, уселся на него и по своему обыкновению начал поучать нас.

— Жить надо весело! — проповедовал он. — А живем мы скучно. Каждый день одно и то же. Поднимайся чуть свет, пей чай, ешь кашу, вот уж правда «кот наплакал!» Иди в школу... На уроках скукотища, да и после них не лучше. Загонят в комнату для занятий и сиди там. Потом баланда на обед, да и ужин не лучше — опять чай, опять каша... а там и спать пора. Лежи себе в постели да слушай, как кашляет Цецхладзе. Дом престарелых да и только... Скучно живем, братцы!

— А кино? — пропищал Шукри Цецхладзе, пыта-
ясь сдержать кашель. — В кино же нас водят!

— А ты помолчи! — оборвал его Бычок. — Такой
овце, как ты, нечего делать в стае!

Шукри съежился, спрятался за спину Чипо Кви-
рикадзе.

— Эх вы, ягняточки! — продолжил Бычок. — Чтс
с вами говорить!.. Кино... Да разве человеку достаточ-
но одного кино?! Что мы, маленькие, что ли? Может,
вам еще и кукольный театр подавай? Да знаете ли вы,
что такое веселая жизнь? Чтобы жить весело, надо
прежде всего хорошо есть, ну и всякое другое — вино,
сигареты, да и еще кое-что...

— У тебя губа не дура! — вздохнул Раззява.

— Вот бы хоть раз наестся досыта! — вздохнул
Чипо Квирикадзе.

— Смотри, нас не проглоти ненароком! — хихик-
нул Куцна Чедия.

— Хватит дурака валять! — нахмурился Бычок.
Лицо у него стало холодным и отчужденным. — Когда
воет вожак, волчата не тьявкают... Запомните, что я ска-
жу, ягняточки. Если кто сболтнет что-нибудь насчет
нашей стаи, тот изменник и предатель, а с такими, зна-
ете, что бывает?! Запомните еще: кто не с нами, тот
враг, и поступать с ним будем, как с врагом!

— Татарчонок смылся! — подал голос Шукри Цецх-
ладзе.

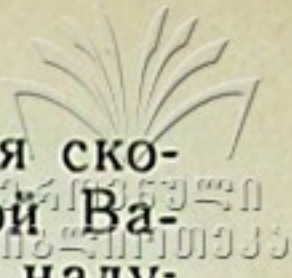
— И Мамука Гиоргадзе тоже. Отстань, говорит.
Схватил свой ранец и ушел. Заниматься, видно, по-
шел, — завилял хвостом Куцна Чедия.

— Цкипуришвили тоже нет! И Гурцкая. Быть с
нами сочли ниже своего достоинства, они вообще кор-
чат из себя! — В расстройстве Прыщ комкал в руках
коробок спичек.

— Пусть себе, смотрите, сколько нас и так! — по-
пытался я разрядить обстановку, воинственный настрой
братьев был мне не по душе!

— Тоже мне, миротворец нашелся! — Бычок
впился в меня глазами. — Враг есть враг!.. Ну и что,
что нас много, большинство из вас ягнята, даже выть
не умеете. Волк должен быть похож на волка, завоюет
— так чтоб мороз по коже!

И Бычок издал протяжный, тоскливый вой. Губо-

шлеп тоже угодливо завыл, хотя у него получился скорее какой-то хрип. К ним присоединился Большой Ва- жика — этот старался вовсю, даже жилы на шее наду- лись. У Гугули Джикия голос сел, и из горла вылета- ли звуки, больше похожие на вой трусливого шакала. Чипо Квирикадзе верещал так пронзительно, что аж в ушах звенело. У Куцны Чедия лицо от усердия смор- щилось, и он стал удивительно похож на обезьянку. Головастик присоединился к этому нестройному хору последним, но остальные, назначенные на роль вол- чат, испуганно молчали, и он тоже в нерешительности замолк.

Все это было достаточно смешно, и я захихикал.

— Выть? Да нет ничего проще?.. Однажды на Большого Никанора напали волки, огромная стая, штук двести. Выли так, что со скалы лавина сорвалась и за- давила их всех до одного. В живых остался только во- жак. Так Большой Никанор схватил его за уши, вско- чил на спину и — ну погонять! Гнал, гнал да и при- гнал беднягу собственными ногами в зоопарк!

— Хватить врать! — Лицо Бычка исказилось от гнева.

— У меня предложение! — Я, как примерный уче- ник, поднял палец.

Бычок посмотрел на меня с сомнением, но одновре- менно и с интересом — чего еще можно от меня ждать?

— Вон сколько нас, волков и волчат! Если мы хо- тим жить весело, надо придумать какое-нибудь дело. Я знаю, какое!

— Ну, сейчас выдаст! — скривился Прыщ.

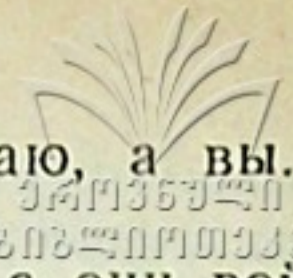
— Тяпку да мотыгу нам и агроном предлагает, на- доело! — присоединился к нему Куцна Чедия.

— У нас в «Радости» восемнадцать дошколят! Вот Большой Важика ведь шефствует над Важикой-Кноп- кой! Давайте и мы поделим их между собой и будем опекать, вроде возьмем под свое покровительство.

— Это еще как?

— Ну, будем им вместо отцов. А выть по-волчьи— какой в этом толк?

— Удочерим Красную Шапочку, да не одну, а сра- зу нескольких, вот тебе и будет толк! — загримасничал Куцна Чедия.

— Да я вам интересную игру предлагаю, а вы...
И малышам будет повеселее!..

— А что если у них появятся папочки, а они войдут во вкус и потребуют и мамочек? — съерничал Губошлеп.

— Ну и что, примем в игру и девчонок! — В моих словах не было уверенности, я понимал, что за ними последует.

— А целоваться с мамочками можно? — Раззява весь скорчился от смеха.

— При чем здесь поцелуи? Ведь это игра! — Я чувствовал, что заливаюсь краской, но, как мне показалось, гордо заключил: — Не хотите, как хотите, никто вас не заставляет.

Все зашумели. Хохотали, свистели, передразнивали меня! И вдруг Куцна Чедия изрек:

— Ребята, да ведь у него уже есть приемыш. Та маленькая мартышка, не сойти мне с этого места!

— Мартышка ты сам! — окрысился я.

Куцна изменился в лице, замахнулся, но Бычок так сквернул на него глазами, что он замер в своей боевой позе.

— Никанор, ягненок ты мой, твои детские игры нам ни к чему... Ладно, так и быть, дошколят не тронем, а вот остальных обложим данью, пятак с человека... У волков кончаются сигареты, надо пополнить запас... Ну, а если у кого пятака не найдется, пусть пеняет на себя. Надерем уши так, что на всю жизнь запомнит!

Бычок вынул последнюю сигарету, сунул в рот, отбросил смятую пачку.

Остальные смотрели на него с завистью. Папучи незаметно толкнул меня локтем — смотри, мол, не ерпенься.

Да у ченя такой характер, что, если мне что не по душе, сразу по лицу видно. Чего уж тут!

— Я не нищий, чтобы пятаки собирать, не волки вы, а жалкие обиралы, и мне в вашей стае делать нечего!

Бычок взял у Прыща спички, зажег сигарету, неторопливо затянулся и выпустил дым мне прямо в лицо. Где-то в глубине души я почувствовал страх, но продолжал упрямо смотреть на Бычка.

— Так, значит, выходишь из стаи? — не повышая голоса, спросил он.

Я кивнул.

— А знаешь, как поступают с предателями?

— Почему предатель? Я вам на верность не присягал.

— Если распустишь язык... смотри!

— Не распущу! — твердо ответил я.

Наступило молчание. Бычок медленно поднял руку, словно собирался ударить, и — легонько похлопал меня по щеке.

— Ты парень что надо, потому я и хочу, чтобы ты остался с нами! — в его голосе прозвучали просительные нотки. — Оставайся, Никанор, будешь моим помощником! Ослов у меня много, — он повел головой в сторону восьмиклассников, — да какой с них толк? Ослы они и есть ослы, что скажешь, то и делают!..

Я упрямо мотнул головой:

— А я вот не хочу чужим умом жить!

Бычок бросил сигарету и так яростно растер окурок ногой, будто и меня собирался подвергнуть той же участи.

— Так нет?

Я снова покачал головой.

— Губошлеп, Чипо, идите сюда!

Шамугия и Квирикадзе встали, растерянно переглянулись.

— Хватайте его!

Они нерешительно приблизились.

— Волки вы или овцы!? — сорвался на визг Бычок. — Хватайте, вам говорят!

— Оставьте его, оставьте! — неожиданно бросился вперед Папучи.

— Это еще кто? Гугули, придержи-ка его!

Гугули Джикия, словно только этого и ждал, накинулся на Папучи. Тот попытался вывернуться, но Гугули был сильнее и держал свою жертву крепко.

За это время Губошлеп и Чипо успели вцепиться в меня.

— Так нет? — еще раз, давая мне последний шанс, спросил Бычок.

Не удостоив его ответом, я лишь сжал челюсти.

Бычок вдруг сорвался с места и пустился в пляс.

Так, приплясывая, он обошел меня вокруг, повторяя в такт движениям: — Значит, нет? — Значит, нет? — и, взяв разгон, прыгнул мне на спину, сжал пятками бычка: — Но, ослик, но, вперед!

Казалось, что от тяжести у меня переломится позвоночник, но я так обозлился, что не издал ни звука и, естественно, не сделал ни шага.

— Но, ослик, но! — продолжал понукать меня Бычок.

Вначале все остальные «волки» смотрели на эту сцену с некоторым испугом, потом развеселились и тоже принялись на разные голоса понукать меня.

Папучи улучил момент, изловчился и, высвободившись из цепких рук Губошлепа, кинулся на Бычка и повис на нем.

Ноги у меня под их тяжестью подогнулись, я рухнул на землю и потянул за собой Бычка, а тот — Папучи.

Пока Бычок не пришел в себя от неожиданности, я вскочил на ноги.

Разорвав круг, мы с Папучи бросились наутек...

* * *

Снег, выпав, быстро растаял, будто понял, что не ко времени его приход. С крыш со звоном срывались капли, и фельдшерица Мавра уговаривала малышей не брать сосулек в рот: «Это вам не леденцы, схватите ангину, будете знать!» Чайные кусты избавились от своей пышной шубы, и кое-где уже проглядывали лужки и делянки вспаханной земли. Мир стал чуть-чуть разноцветней. Побежали, скрещиваясь и снова соединяясь, ручейки, под ногами зачавкало. Речушка, еще вчера едва заметная, вобрала в себя ручейки, взбухла, размывла берега и, весело журча, устремилась вперед, увлекая за собой щепки, корни и верхний слой почвы...

К утру Дэви Цирдава почувствовал ломоту в суставах, потом его пробрал озноб, и стало ясно, что у него жар. Дэви плотнее укутался в одеяло, но согреться не удавалось. Его трясло от холода. Он лежал и прислушивался. Вот за стеной поднялся гомон — это ребятня возится в спальнях, затем голоса стали тише и в то же время веселее и раскованнее — носятся по

двору. После этого наступила тишина, сквозь которую прорывались глухие голоса — это старшие учат вслух уроки. Потом какая-то возня началась у самой двери — там хихикали, прыскали, шикали — видно, пытались заглянуть в замочную скважину. Один раз чья-то тень промелькнула и за окном — кто-то из самых любопытных пытался таким путем подсмотреть, что поделывает гость.

Жизнь детского дома, именуемого «Радостью», текла своим чередом. О Дэви, видимо, забыли, а он, чтобы не доставлять лишних хлопот, не давал о себе знать.

Наконец в комнату заглянул вернувшийся из школы раньше времени Папучи Эдзгверадзе. Дэви обрадовался. Поманил мальчика рукой:

— Что-то со мной неладно, видно, всерьез расхворался!

Папучи смотрел с испугом — с лица гостя градом катился пот, он весь дрожал в ознобе.

— Сейчас, дядя Дэви, сейчас, — и Папучи стремглав вылетел за дверь. Через минуту, тяжело переваливаясь на больных ногах, в комнату вошла фельдшерница Мавра — сразу отерла с лица Дэви пот, сунула ему под мышку градусник.

— Тетя Мавра, может, мне лучше в больницу? — жалобным голосом спросил Дэви.

— Ну, так сразу и в больницу! — бодро отозвалась Мавра, но, взглянув на градусник, продолжила чуть встревоженно: — Здесь твой дом. Мы ведь тебе не чужие... Ну, грипп, подумаешь, страх какой! Все сделаем, что надо, а понадобится — врача вызовем!

«Грипп? — подумал Дэви. — С такой температурой? Не похоже». И тут же понял, что все его спокойствие в последние дни было напускным. Он только делал вид, что спокоен, а внутри у него все время горел огонь. Потом что-то лопнуло, как будто сгорела электропроводка. Это было в тот день, когда на собрании он внезапно увидел не очень-то привлекательный семейный портрет. Не в первый раз приходилось ему слышать, что есть люди, греющие руки на беде ребятишек, но почему-то всегда казалось, что в «его» доме такого быть не может.

Мавра, весело приговаривая, хлопотала вокруг не-

го, совала то таблетки, то микстуру в маленьком стаканчике.

Дэви закрыл глаза. Голова все еще побаливала, но уже меньше.

— Да вы не волнуйтесь, тетя Мавра! Не поднимайте шуму! — просительным тоном сказал он. — Я знаю, от чего жар. Выпью аспирина и спокойно полежу немного. Больше мне ничего и не надо.

Мавра вышла. Дэви улыбнулся своим мыслям. Затянулась его неожиданная и такая странная командировка. Из Тбилиси два раза уже звонили, узнавали, когда приедет. А теперь еще эта болезнь... И сколько все это протянется, Бог знает. Дэви чувствовал, что каждая лишняя минута, проведенная в «Радости», опутывает его прочными нитями, завязывает узелки. Сплетенная из таких минут сеть уже сковала его по рукам и ногам. Чем дольше он здесь пробудет, тем труднее будет вырваться. Конечно, в городе без него обойдутся—газета как выходила, так и будет выходить. К тому же — что ему город? Какие такие ценности оставил он там?.. Впрочем, привычный уклад жизни — уже сам по себе ценность. Не Бог вещь какая, но все же... Поймав себя на этой мысли, Дэви удивился. Собственно говоря, его никто не просил тут задерживаться. Наверное, не могут дождаться, когда он отсюда уберется, даст спокойно вздохнуть...

С охами и ахами в комнату ворвалась Варвара. За ней — долговязым, нелепым призраком — бочком протиснулась Писти Кардава. В руках у нее была тарелка. Она поставила ее на стол и бесшумно выскользнула. Варвара, с ее деятельной натурой и жизнерадостностью, заполнила собой всю комнату. Она безостановочно металась от кровати к столу, чем-то гремела, звенела ложкой в стакане.

— Что с тобой случилось, парень? Простыл? Ничего, вот сейчас пропотеешь, и все как рукой снимет!..

Аппетита у Дэви не было, но под напором Варвары он не устоял — покорно открывал рот, а она с ложки кормила его размоченной в чае булкой, приговаривая при каждом кусочке:

— Кушай, милый, кушай!

И Дэви Цирдава вспомнилось: он, совсем еще маленький, сидит за столом. Стул под ним кажется непо-

мерно высоким, таким высоким, что не спрыгнешь, да-
же если захочешь. Перед ним тарелка с горячим су-
пом, с тарелки поднимается пар. Напротив него за сто-
лом — женщина с маленьким мальчиком. Она уговари-
вает мальчика — «Кушай, милый, кушай!», но тот капризничает, вертится, отворачивает лицо, суп проливается ему на штанишки.. Дэви никто не уговаривает. Он обижен, смотрит в тарелку и ждет... Потом вдруг начинает плакать. Никто не знает, почему он плачет, возможно, он и сам не знает...

Дэви Цирдава повернулся лицом к стене, глухо промолвил:

— Больше не хочу! Спасибо, тетя Варя!

Рука с ложкой застыла в воздухе. Варвара не решилась настаивать, вздохнула:

— Тогда я пошла, дорогой. Скоро обед!

Немного позднее в комнату застенчиво заглянула Цисия Девдариани. Прислонилась к дверному косяку, спросила, не надо ли чего.

Дэви поправил очки. Он видел Цисию как в перевернутый бинокль — девушка казалась далекой-далекой и очень маленькой. И это почему-то было приятно.

— А все-таки я буду тамадой у тебя на свадьбе, Белоснежка! — пошутил он. — К тому времени, надеюсь, выздоровлю!

— Ох! — вспыхнула Цисия, хотела что-то сказать, но в это время в комнату вошла Элико, и Цисия убежала.

Будто ничего не заметив, Элико прикрыла спиной дверь. В руке у нее была тарелка, от нее шел сытный дух горячих хачапури.

— Балуеть ты меня, Эли! — Дэви накрыл ее руку своей. Элико промолчала, но руки не отняла, потом неловко усмехнулась.

— Хорошая девочка Цисия!

— Хорошая, совсем еще ребенок! — согласился Дэви.

— Ну, положим, уже не ребенок. Долго ей ждать не придется, деревенские парни так и рыскают вокруг, совсем с ума посходили!

— Какие еще парни? — Дэви сам удивился, что эта новость так задела его.

— Чего ты вскинулся? — В голосе Элико прозву-

чала легкая насмешка. — Таких, как она, у нас в деревне на пальцах пересчитать!

— А мне-то что! — Дэви пришлось приложить усилие, чтобы голос звучал равнодушно. — Да, в вашей деревне хорошим девушкам засидеться не дают! — с напускной шутливостью произнес он. — Сама-то ты, едва школу окончила, как налетел на белом коне Ипполит и умыкнул первую красавицу на селе...

— Смейся, смейся, от насмешек еще никто не умирал! — сжала тонкие губы Элико и сразу подурнела.

Дэви понял, что сказал лишнее, и разозлился на себя: «Надо думать, что говоришь».

— В юности все представляешь по-другому, — в словах Элико прозвучала скрытая боль. — Ипполит... Нет, я ни о чем не жалею... Просто... ревнив очень, но что поделаешь, таким уж уродился!

— Главное, чтоб он ладил с твоим отцом!

— Ладил? Да они наглядеться не могут друг на друга! — Ложь была слишком очевидной, и Элико резко изменила тон: — Главное, чтобы ладили мы, я и Ипполит, а отец... Эх, состарился Дианоз!

— Что ты имеешь в виду?

— Да то, что если б не Ипполит, еще не известно, как повернулись бы дела в «Радости». Все на нем держится!

«Ага, значит, вожжи в руках Ипполита, — подумал про себя Дэви, — а у кого вожжи, тому и польза...»

— Так, значит, состарился Дианоз, и Ипполит ходит в некоронованных королях? — не удержавшись, съязвил Дэви. Элико явно обиделась, но взяла себя в руки и неожиданно легкомысленным тоном бросила:

— Ну и кавалер из тебя! К нему пришла красивая женщина, а он битый час расспрашивает ее о муже!

Потом погрозила Дэви пальцем:

— Знаю я тебя. Лучше ешь хачапури, а то совсем остынут. Пошла я, неровен час застанет меня здесь Ипполит — и впрямь что-нибудь подумает...

— У меня такое чувство, словно твой Ипполит отнял что-то лично у меня! — Дэви сжал запястье женщины.

— Научился говорить по-городскому! — Элико передернула плечами, вырвала руку и пошла к дверям.

— Эли! — тихо позвал вслед Дэви. — За время моей болезни что-то произошло?

Женщина вздрогнула, обернулась. Лицо у нее было встревоженным:

— Что могло произойти?

— После этого собрания... Дианоз обижен.

— Не знаю, наверное, он закрылся у себя, и я боюсь постучаться! — неуверенно произнесла Элико и с внезапной злостью добавила: — Хоть бы ты сбрил эту бороду, что ли, вся деревня потешается!

Она быстро вышла и захлопнула за собой дверь.

Дэви погладил бороду. Сердце стучало. Что это? Почему у нее был такой тон? А он сам? Что он, завидует этому Ипполиту? «И правда, надо сбрить бороду! В Тбилиси меня и не узнают!» Это мелькнуло где-то на задворках сознания и перекрылось четким, настоящим, требующим выхода — «Здесь нужен совсем другой человек!».

К вечеру снова поднялась температура. В дверь опять заглянул Папучи Эдзгверадзе.

— Не бойся, у меня не грипп! — приглашающе сказала Дэви.

— А я и не боюсь! — тряхнул головой Папучи.

— Посиди, не хочется валяться одному! — попросил Дэви.

— Посижу, — с готовностью согласился Папучи.

Дэви высунул из-под одеяла потную руку, провел по приятно охлаждающей руке Папучи.

— Это все нервы, пройдет!

Папучи кивнул:

— Конечно, пройдет!

— Хочешь будем дружить?

— Хочу!

Дэви долго рассказывал мальчику о чем-то без начала и конца. Забывал то, что уже сказал, путался. Он и сам понимал, что, похоже, бредит, но остановиться не мог — все говорил и говорил в каком-то лихорадочном возбуждении. Через запотевшие очки лицо Папучи виделось расплывчато. «Чего это я мучаю ребенка?» — пришла внезапно мысль.

— Ну, хватит, иди спать!

После этой фразы он уже ничего не помнил. Проснулся чуть свет. Голова не болела, мысли были четкие.

Гихо гудела печка.

«Что это со мной было?» — спокойно подумал Дэви. Постепенно в памяти всплыл весь вчерашний день. Он пошарил вокруг в поисках очков и наткнулся на что-то живое. Кое-как нацепив очки, Дэви с изумлением обнаружил, что рядом, скрючившись на стуле, спит Папучи.

Долго смотрел на мальчика Дэви Цирдава, и почему-то у него гулко колотилось сердце...

Он смотрел на меня, устроившись на подушке по выше. Очки свалились, и он сильно щурил глаза, пытаясь рассмотреть меня. Видно, не узнавал. Я подал очки, лицо его прояснилось.

— А-а, Никанор!

И после недолгой паузы вдруг:

— А знаешь, Никанор, я ведь тоже сирота!

— Знаю, слышал.

Слышал я это от фельдшерицы Мавры, хотя во все, что она рассказывала, верил не очень, слишком уж богатое было у нее воображение.

— Я все про вас знаю. И как вас нашел на скамейке милиционер, и почему он назвал вас Дэви...

Дэви тихонечко засмеялся:

— Гляди ты, и вправду все знает!

— Лежите спокойно, не дергайтесь! — строго приказал я. — Тетя Мавра сказала, что ваше лекарство — только полное спокойствие... А сейчас надо принять таблетку!

Дэви послушно взял в рот таблетку, запил водой и снова откинулся на подушку.

— Лежите тихо, а я буду вас развлекать! — предложил я. — Если моя болтовня надоест, скажите, я пришлю вместо себя Папучи... Мы с ним как братья! Всегда вместе играем, я ему все про себя рассказываю! Вот такой парень! — Я поднял большой палец. — Если бы у меня не было детей... — Под насмешливым взглядом Дэви я осекся и быстро поправился, — да не у меня... Я говорю, если бы я был взрослым и у меня не было бы детей, я бы усыновил Папучи... Чего вы улыбаетесь? Второго такого парня, как он, нету. Знаете, какой он справедливый? И преданный! Пойдет ради

друга в огонь и в воду! Вот однажды... Ладно, расскажу в другой раз, когда вам будет получше...

Мне вдруг расхотелось рассказывать. Наверное, потому, что Дэви спросил, нет ли желающих усыновить меня. Но ведь я и сам не хочу...

Вскоре пришел Мамука Гиоргадзе, и я уступил ему место. Дэви дремал и не заметил замены. Мы с Мамукой молчали. Вдруг Дэви, не просыпаясь, с закрытыми глазами, заговорил быстро и раздраженно: «Что значит — нет желающих?»

Мамука растерянно прошептал:

— Вы о чем?

Дэви открыл глаза и долго бессмысленно разглядывал нас, видно, пытаюсь понять, кто в данный момент выступает в роли брата милосердия.

* * *

Мамука предусмотрительно захватил с собой портфель и сейчас, достав учебник, раскрыл его на коленях и усердно принялся что-то бубнить.

— Мамука, скажи-ка, что за человек Никанор?

— Хороший человек... — Мамука закрыл книгу, но заложил нужное место пальцем.

— А Папучи?

— И Папучи хороший!

— А ты?

— Не знаю!.. — Мамука пожал плечами и вдруг заявил: — Закончу восемь классов, а потом в ремесленное...

«Я тоже пошел в ремесленное, — с внезапной грустью подумал Дэви. — И ничего, стал человеком!.. Нет, все же надо попросить Дианоза — пусть даст парню закончить среднюю школу, сделал же он это для Цисии...»

Вспомнив Цисию, Дэви почувствовал, что хочет ее видеть. Ему нравилось даже само имя девушки. Всего пять букв — Цисия. В девушке и впрямь было что-то небесное*... Дэви лежал молча и под шелест переворачиваемых Мамукой страниц на все лады повторял про себя: Цисия, Цисия, Цисия... Словно пробовал это имя на вкус... Вслед за именем возник и образ девуш-

* Цисия — производное от слова «ца» — небо.

ки. Казалось, она стоит перед ним наяву — в коротком, облегающем фигуру плаще, вся какая-то прозрачная, как будто только с дождя — вон в волосах еще поблескивают капли влаги. «Озябла?» — сочувственно спрашивает Дэви. Цисия молча кивает, снимает плащ, бросает на спинку стула. На ней тоненькое, не закрывающее колен платье. Цисия встает на цыпочки, взмахивает руками и начинает кружиться в каком-то причудливом танце — как белый лебедь из балета Чайковского...

— Цисия, — прошептал Дэви... Он с трудом стряхнул с себя дремоту и, придя в себя, не сразу понял, сидит ли рядом с ним все еще Мамука, или уже кто-то другой. Потом разобрал в тумане по-детски округлые щеки девочки. Он знал ее, но имя вспомнить не мог:

— Ты кто?

— Мимоза!

— Какая Мимоза?

— Кация!

— Мимоза Кация, — повторил, как бы стараясь запомнить, Дэви. — А что, Мамука давно ушел?

— Только что. Ему надо позаниматься!

— А мне приснилась Цисия! — неожиданно для себя объявил Дэви и — что вообще не лезло ни в какие ворота — спросил:

— Как ты думаешь, она придет?

Мимоза опустила глаза и сосредоточенно уставилась в пол, будто шла по узенькой горной тропке:

— Придет!

Солнце светит вовсю. Его ласковые лучи словно наполняют теплом жилы. Дэви все еще чувствует слабость. Лень пошевелиться, всем телом отдается он неторопливому течению времени... Весна. На дворе проросла молодая, еще слабенькая трава. От нее исходит какое-то радостное спокойствие — не оторвать глаз. Дэви сидит на стуле. Его одолевает сон. На редкость тихо, и не удивительно — все в школе. Только малыши водят во дворе хоровод и нестройно поют, но это не нарушает какую-то вселенскую тишину.

— Каравай, каравай... — монотонно, даже вроде уныло, поют дети. Их явно не прельщает это бессмыс-

ленное топтание по кругу, и слова песенки давно приелись. Девочки еще так-сяк, а у мальчишек одно на уме — как бы удрать и заняться более интересными делами. На скамье грузно восседает Татьяна Каличава. Ей тоже скучно до смерти. Она зеваает, старательно прикрывая рот рукой, и оглядывается — не видит ли кто?

На нее смотрит Дэви Цирдава!

Татьяна что-то говорит детям. Хоровод распадается, мальчишки, прыснув в разные стороны, тут же исчезают с глаз. А девочки, взявшись за руки, снова затягивают свое: «Каравай, каравай...»

Теперь песенка звучит чище и стройнее...

Вот та черноглазая — Этери, со светлыми локонами — Наили, конопатенькая — Мамиствала, а эта, самая маленькая, — Мариха.

Дэви улыбается, довольный своей памятью, и тут же решает перепроверить себя. Начинает вспоминать имена мальчишек. Вспоминает всех до одного и дивится себе — память у него вообще-то не блестящая. Во всяком случае, так считает он сам. «А может, существует какая-то особая память на детей? — думает он. — Тут ведь запоминаешь не столько умом, сколько сердцем!»

Татьяна Каличава складывает руки на животе. Потихонечку, чтоб никто не видел, оглаживает его, ласкает еще не родившееся существо. Может, оно, слышав детские голоса, и само задвигалось там, в темноте, бьет крохотными ножками, просится на волю?

Мравалу Папаскири Дэви заметил только тогда, когда на него упала тень. Мысли прервались. Дэви встрепенулся.

Женщина присела на стул. Дэви привстал вместо приветствия и снова сел.

— Должна извиниться перед вами! — с холодной вежливостью заговорила Мравала. — За то, что не навестила вас во время болезни. Я собиралась, да потом подумала — стоит ли беспокоить?

— Что вы, дорогая Мравала! — голос Дэви звучал по-домашнему. — Какие тут могут быть извинения? Я и так доставил всем столько хлопот!.. По правде говоря, я и сам хотел поговорить с вами, особенно после того собрания. Но, пожалуй, лучше отложить

разговор до другого раза. Что-то очень уж я слаб — еще сболтну лишнее, вы и побьете меня как ребенка.

Мравала криво улыbnулась, умудрившись сохранить при этом полную серьезность.

— А вы, однако, шутник!

— Каюсь, таким уж уродился! — Дэви говорил тихо, как бы сберегая силы. — Вы, наверное, и сами догадываетесь, о чем пойдет речь. Как вы думаете, дражайшая Мравала, извините, что я вас так называю, — Боцо Какулия действует от своего имени или за ним кто-то стоит?

— Вы считаете, что кто-то заинтересован в его выступлениях?

— Допускаю.

— Да, конечно... В таком случае одно из заинтересованных лиц — это я. — Мравала сказала это без улыбки. — Заместитель директора и во сне, разумеется, видит директорское кресло!

— Я совсем не вас имел в виду. Но раз уж вы заговорили об этом сами, что ж, не исключено...

— Хотите верьте, хотите нет, — щеки Мравалы зарозовели, в лице появилось что-то женственное, — но я совсем не хочу стать директором! Зачем? Разница в зарплате — какие-то копейки, а ответственность гораздо большая... Если, не дай Бог что — с директора голову снимут. Дианоз для меня, как скала, и я чувствую себя в его тени очень уютно.

— Хорошо, оставим это! Скажите только, то, что говорилось на собрании, соответствует действительности?

Мравала не утратила невозмутимости и тут.

— Кое-что соответствует, остальное сильно преувеличено... На мой взгляд... Начни только копать, так где не найдешь недостатков...

— Это мне известно, но речь сейчас не об этом. Понимаете, Мравала, с тех пор как я заболел, меня преследует ощущение, что вокруг что-то происходит. Элико сказала, что Дианоз заперся у себя и не выходит. Почему? Меня вообще удивляет, что он меня не навестил!

— Дианоз поссорился с нами! — впервые засмеялась Мравала, и Дэви подумал, что смех ей к лицу.

— Как поссорился?

— Да так, старый — что малый. Вот Дианоз и ведет себя как ребенок, обиделся и не выходит, растравляет в себе обиду.

— Вы что, хотите, чтобы я вас помирил? — внезапно осенило Дэви.

— Где это видано, чтобы директор дулся как ребенок? — вопросом на вопрос ответила Мравала.

— Не обижайтесь, но пока Дианоз не появится сам...

После ухода Мравалы Дэви попытался представить себе дующегося Дианоза. Сидит, небось, на табуретке, как наказанный мальчишка, опустил седую голову и пристально рассматривает узловатые, во вздувшихся венах, натруженные руки...

У ворот слышались голоса детей. Это вернулись со школы младшеклассники. Их привела Цисия Девдариани. Она одета уже по-весеннему — без плаща, в одном коричневом вязаном жакете. Красный галстук ей к лицу, она в нем совсем девочка. Держит за руку Тамуну Карчава. Тамуна хнычет, видно, мальчишки, как всегда, дергали за косы. Волосы у Тамуны красивые — пышные, волнистые, так и тянет дотронуться.

За ними, чинно выстроившись в пары, тянутся остальные.

Цисия иногда останавливается, оглядывается назад, окликает мальчишек, то одного, то другого, сердито выговаривает им. А им хоть бы что, разбрелись по всей дороге — никак не привыкнут к дисциплине...

Цисия замечает взгляд Дэви, смущается, сбивается с шага, наконец робко спрашивает:

— Как вы себя чувствуете?

— Да вот решил пожить еще! Рано мне на тот свет! — улыбается Дэви.

Дети по одному исчезают в доме. Последней входит Цисия...

А перед глазами Дэви долго еще стоит картина: вот она появляется на дороге, вот входит во двор, останавливается перед ним (а он даже встать не догадался, расселся, как барин!), вот поднимается по лестнице.

Дэви с трудом отогнал от себя эти навязчивые видения. Погладил подбородок, встрепенулся — «Действительно зарос, старик да и только!» Через полчаса

перед зеркалом стоял совсем другой человек, помолодевший по крайней мере лет на десять. «Теперь, возможно, и понравлюсь Элико!» — промелькнуло в голове, но радости он не почувствовал. Что ему Элико, да и другие женщины тоже... А она еще совсем ребенок...

* * *

Дианоз через Ипполита попросил Дэви Цирдава зайти, если сможет. Что при этом думал Ипполит, неизвестно, — в глаза не смотрел, стоял, потупившись. Наверное, не пожалел бы денег, чтоб только выпроводить поскорее незваного гостя. Еще бы, кому понравится, что все эти семейные сцены происходят на глазах постороннего человека.

Передав поручение, Ипполит многозначительно добавил от себя:

— Видно, попрощаться хочет с вами Дианоз. Думает, что вы покидаете нас!

Чтобы понять его хитрость, большого ума не надо было. Дэви ничего не ответил.

Порадовать Ипполита он не мог. Накануне звонили из редакции, и он попросил оформить ему отпуск.

У ворот дома Верулава его встретила Элико. На ней было легкое платье, подол трепыхался на ветру. Платье шло Элико, молодило ее. «Специально нарядилась, хочет понравиться», — подумал Дэви, но от комплиментов воздержался. Было ясно, что его шутовское и вполне безобидное заигрывание Элико приняла всерьез.

«Вот так же она встречала бы у ворот меня, если бы не выскочила замуж раньше времени», — неожиданно промелькнуло в голове у Дэви.

Провожая гостя в комнату Дианоза, Элико все извинялась, что в доме не прибрано, и, судя по всему, не собиралась оставлять их одних. Дэви понял, что она, как и Ипполит, сгорает от любопытства, и, войдя к Дианозу, мягко, но решительно прикрыл за собой дверь.

Дианоз вовсе не походил на обиженного ребенка. Он стоял у окна и смотрел во двор. Там виднелись голые кусты орешника, забор и подалее — закопченная стена одного из подсобных строений детского дома.

На скрип двери Дианоз не обернулся. Только сделал рукой приглашающий жест.

Дэви подошел к нему и стал рядом. Довольно долго они простояли молча. Дианоз не спешил начать разговор — казалось, он поглощен этим открывающимся за окном унылым пейзажем, а Дэви пропустил тот удобный момент, когда можно справиться о здоровье человека, которого не видел несколько дней.

Дом Верулава был уже не той, выстроенной с невероятными усилиями деревянной одой, которая в свое время представлялась Дианозу роскошным дворцом. Ипполит придерживался иного мнения о том, каким должно быть жилище уважающего себя человека, и первое, что сделал, став членом семьи, — привез бетонные блоки. Следом пришли каменщики и штукатуры, разобрали до основания деревянное строение и возвели на его месте просторный первый этаж, а уж на него водрузили второй деревянный. Изнутри помещения оклеили обоями, снаружи — обнесли дом слоем кирпича и оштукатурили его...

— Глянь! — подал вдруг голос Дианоз и постукивал пальцем в стекло.

Дэви не понял, о чем он.

— Помнишь, в углу двора стояло грушевое дерево?

— Конечно, помню! — пожал плечами Дэви. — Не раз воровал с него груши.

— Вот с того дня, как оказалось оно на моем подворье, и началось мое падение! — с горечью произнес Дианоз.

Он явно был настроен на покаянный лад, и Дэви воспринял это тоже как один из признаков старости.

— Самобичевание вам не к лицу, дядя Дианоз! — укоряюще ответил он. — Что было, то прошло! Что из того, что дерево оказалось на вашем участке? Все равно груши доставались детворе, а ворованные — ведь они еще слаще!..

Дианоз тяжело повернулся, опираясь на палку.

— Что-то последнее время суставы беспокоят! Ломят, ноют, спасу нет! — пожаловался Дианоз и заковылял к стулу. Дэви взял его под руку, помог сесть.

Под глазами у Дианоза набрякли синие мешки, видно, и почки не в порядке.

Усевшись, он взглянул в глаза Дэви так пристально, словно хотел проникнуть в самое нутро. Потом засмеялся резким, отрывистым смехом...

— Так, значит, ворованные еще слаще?

— Конечно! — Дэви почувствовал, что в его словах Дианоз уловил другой, скрытый смысл, но счел более разумным не оправдываться. — Мы воровали груши и тогда, когда дерево стояло в «Радости», хоть вы и стерегли его.

— А если бы не стерег, от него в один день ничего не осталось бы!

— Ну и что! Хоть дерево и огородили, а воровать-то продолжали!..

— И то правда, — грустно согласился Дианоз. — Воровали потихонечку, сорванцы! Ты думаешь, я не знал? Просто делал вид! Элико, бывало, злится, а мне смешно! На кой нам эти груши... На базар у нас фрукты не носят, ты и сам знаешь. Самим бы хватило, и то хорошо. Захочется груши — срывай с дерева и ешь!.. Да ведь не это главное! А главное то, что сижу вот я и думаю — где я не устоял, когда, как случилось, что свернул с прямого пути? Долго я ломал голову над этими вопросами и наконец понял: все пошло с того дня, когда Ипполит «восстановил справедливость» и огородил грушу, а мне не достало духу ему помешать!..

А возможно, и не с того дня, еще раньше — с того, когда вместо одной Элико возникла совсем другая. Образ той, первой как-то потускнел, расплылся, боль утихла и, если возникали воспоминания, то вспоминались все больше чужие дети, а не родная плоть и кровь. Только изредка, как раз тогда, когда казалось, что все давно забыто, неожиданная боль пронзала сердце, стискивала грудь, не давала дышать, и в голове мелькало неотвязное — «Где ты, моя Эли?» Изредка?! Не так чтобы и изредка! Каждый раз, когда в Элико проявлялось что-то чужое, с чем никак нельзя было смириться. Приход в дом зятя обострил болезненные воспоминания, в них отныне переплелись печаль по безвозвратно утраченному, сожаление и отчаяние, упреки судьбе и недовольство самим собой...

Ипполит Квирквелия втерся в дом незаметно. Вначале он и сам чувствовал себя неловко — как может чувствовать себя человек, вторгшийся в доверие, чтобы

украсть самое дорогое. До времени он старался вести себя так, чтобы не возбудить подозрений, держался тише воды, ниже травы, что он есть — что его нет. Заискивающе ловил взгляд Дианоза, но прямо в глаза не смотрел...

Однако от острого глаза Дианоза ничего не укрылось. Радужная улыбка счастья быстро исчезла с красивого лица Элико. В углах рта залегли две горькие морщинки. Она вдруг будто состарилась — в свои-то семнадцать с небольшим! Не повзрослела, как вдруг, в одну ночь взрослеет девушка, сразу становясь женщиной, а именно постарела — будто поняла, что жизнь на своих путях-дорогах расставляет много хитроумных силков для простых душ и что она попала в один из них. А упрямство и самолюбие не позволяли звать на помощь.

Поначалу муж с женой часто тихонечко перешептывались между собой, но с каждым днем в этот шепот все больше вкрадывалось озлобление. Позднее они перестали таиться, ругались громко и в пылу ссоры, случалось, употребляли слова, не только ничего общего не имеющие с любовью и уважением, но и вообще не предназначенные для человеческого слуха. У Дианоза разрывалось сердце, но он не вмешивался, думал — молодые еще, не притерлись друг к другу, ничего, стерпит-слюбится. Но однажды он не выдержал, улучил момент, когда Элико была одна, и как бы между прочим спросил:

— Что происходит, дочка? Чего вы не поделили?

Элико на миг смешалась, покраснела, но сразу же взорвалась:

— Это никого не касается!.. Оставьте меня в покое, все...

Она вылетела в угловую комнату, захлопнула за собой дверь, и оттуда долго слышались рыдания. Дианоз был оскорблен до глубины души. Возможно, лаской и уговорами и удалось бы выведать у дочери что-нибудь, а там, гляди, и помочь, но Дианоз был упрям... С тяжелым сердцем пошел он на работу. Там ни с того ни с сего накричал на Варвару. Женщина расплакалась, а он и сам не мог понять, что на него нашло...

Дианозу тяжело стало жить в родном доме. Не

хотелось возвращаться туда с работы. Проголодавшись, он шел на кухню к Варваре и там, устроившись в углу, за рабочим столиком, быстро съедал ^{жидкий} детдомовский суп и чуть-чуть сдобренную ^{маслом} кашу.

Варвара и Медико считали, что он проверяет их, и обстановка в кухне была натянутой. Все чаще Дианоз оставался в детдоме на ночь и спал в своем кабинете, на диване.

Кроме этих семейных ссор, а еще хуже того — гнетущего молчания, никаких претензий к Ипполиту предъявить было нельзя. Хозяином он был отменным. Его рука чувствовалась не только дома, но и в «Радости». Дианоз получил возможность немного передохнуть. Он передоверил Ипполиту почти все дела, разве что по вызову в высокие инстанции ездил сам. А у Ипполита хватка была такая, что и из камня масло выжмет.

Как раз в то время он и огородил грушевое дерево. Просто разломал старый забор и поставил вместо него новый, чуть-чуть передвинув его, чтобы груша оказалась на его подворье. Дианозу бы сказать — верни забор на прежнее место! — но он промолчал, и Ипполит сделал по-своему. Но что-то было в глазах Дианоза такое, что Элико мгновенно учуяла, о чем он думает, и распалилась, раскричалась — стоит ли, мол, говорить о каком-то жалком клочке земли! Дианоз, не отвечая, вошел в дом и три дня после этого не разговаривал ни с дочерью, ни с зятем.

Долго ему потом мерещилось, что обитатели «Радости» шепчутся по углам, осуждая его жадность и мелочность. Но как было заговорить с ними об этом, объяснить, что не нужен ему этот лишний клочок земли, как не нужна и груша... На самом же деле никто ни в чем его не упрекал, многие вообще не заметили нового забора, разве что те сорванцы, которые привыкли лакомиться плодами старой груши, но им новый забор был нипочем, как и старый. Налеты продолжались...

Упорное молчание отца раздражало Элико. Она беспрестанно что-то ворчала себе под нос, с грохотом передвигала посуду — возможно, просто срывая свое дурное настроение. А Ипполит вдруг как-то осмелел, словно получил подтверждение тому, что он здесь — хозяин и ему не у кого испрашивать разрешения. Диа-

ноз заметил перемену только спустя какое-то время, впрочем, вряд ли у самого Ипполита она носила осознанный характер. Думать о том, как себя вести, ему было просто некогда. Каждый божий день он ездил в город, что-то там добывал, пробивал, о чем-то договаривался — старался для «Радости». Впрочем, злые языки поговаривали, что у него есть в городе и своя забота — что-то не ладилось у него по мужской линии, детей ведь у них с Элико так и не было, вот он втайне от всех и бегал по врачам, а потом глотал прописанные ими таблетки и микстуры. Дианоз ничего об этом не знал. Когда же некий доброхот ввел его в курс дела, он от души пожалел и дочь и зятя. Попробовал даже вызвать их на откровенность, но так и не проломил вставшую между ними с некоторых пор стену упрямства и оскорбленного самолюбия...

Морщины на лице Элико залегали все глубже. Выражение стало жестким, замкнутым. Характер портился с каждым днем. Атмосфера в доме стала нестерпимой: три человека жили под одной крышей, и ни один из них, спроси его, не мог бы сказать, что их свело вместе.

Однажды Медико Самушия недодала детям масла. Дианоз обнаружил это совершенно случайно. Он увидел у мальчишки в руках кусок хлеба с еле заметным слоем какого-то жира. Для него, конечно, не было тайной, что сотрудники понемножку подворовывают, и — что греха таить — он закрывал на это глаза, но чтобы так открыто!.. Дианоз прямо обвинил Медико в воровстве и пригрозил увольнением. Та сначала растерялась, начала жалко лепетать что-то в свое оправдание, пустила слезу, но, видя, что Дианоз разбушевался не на шутку, вдруг расхрабрилась и заявила, что да, она недодает продукты, виновата, но ведь и ей недодают, откуда же ей восполнить недостачу, с неба что ли!.. Так ниточка — от одного к другому, к третьему, четвертому — и привела к Ипполиту. Оказалось, что Ипполит тоже кому-то там что-то оставлял, а иначе удалось бы ему выбивать для «Радости» все то, что он выбивал?..

Дианоз вдруг вспомнил, как утром за завтраком он намазывал себе бутерброд. Ведь ему даже в голо-

ву не пришло поинтересоваться, откуда в доме не переводится масло...

Вернувшись вечером домой, Дианоз хмуро ^{ЭЛИКО} ~~подсел~~ к столу. Отказался от ужина. Демонстративно отодвинул в сторону масленку. Элико сразу догадалась, где собака зарыта.

— Что ты за человек, отец! Старый уже, а все как младенец, ей-Богу! Не видишь, какая жизнь пошла. Кто как может, так и приспособливается!

Дианоз ничего не ответил, ушел в свою комнату, лег в постель и с головой накрылся одеялом.

Элико вошла следом, уселась на край кровати.

— До каких пор мы будем так жить, отец? Оглянись вокруг! Каждый норовит что-то урвать, принести в дом, одни мы живем в этой конуре!

«В конуре? — горько усмехнулся Дианоз. — Еще вчера эта конура казалась вам дворцом!»

— Я понимаю, что ты не такой. Воспитан не так. Раньше люди были другие. Но я же и не прошу, чтобы ты стал, как все. Живи себе, как считаешь нужным, но не мешай нам, молодым, устраивать свою жизнь по собственному усмотрению!..

— Ты это все сама надумала или с чужого голоса поешь? — Дианоз привстал, заглянул дочери в глаза.

— Слава Богу, у меня своя голова на плечах, а если ты намекаешь на Ипполита, так и ему ума не занимать! — с обидой произнесла Элико.

— Так, значит, вы это сами высчитали, что если каждому ребенку недодать по десять граммов масла, то можно и дом себе построить, и машину купить, и в шубах расхаживать...

— Смейся, смейся, — надула губы Элико. — Между прочим, дети у нас питаются лучше, чем в других домах, и это, чтоб ты знал, заслуга Ипполита! Ты ведь не станешь это отрицать. Десять граммов для ребенка ничего не значат, а нам с них остается около двадцати пяти кило! Это уже тебе не баран чихал...

У Дианоза от гнева побагровело лицо. Элико поняла, что сболтнула лишнее. Со смехом положив руки на плечи отца, она заставила его лечь и ткнула носом в щеку:

— Мой сердитый папочка!.. Ну хватит, не делай из

мухи слона! Всем надо есть — и тебе, и мне, и Ипполиту, и Медико...

Что было делать Дианозу? Против ласки Элико он устоять не мог. Это бывало так редко... А правда, что особенного произошло... Какие-то десять граммов, стоит ли о них говорить?! Разве он до этого не знал, что сотрудники детдома не могут просуществовать на свою жалкую зарплату? Что же им делать... А значит, надо кое на что закрывать глаза... Лично ему ничего не нужно, он привык довольствоваться малым...

— Ну, пусть только явится твой благоверный, я ему покажу где раки зимуют! — уже остывая, пригрозил Дианоз. Но когда Ипполит вошел, по своему обыкновению хихикая, довольно потирая руки и рассказывая на ходу, как он выбил у шефов хорошую краску, и, как только установится погода, покрасит ворота и забор, у Дианоза не повернулся язык попрекнуть его. Полезным человеком был Ипполит Квирквелия, ничего не скажешь...

С Дианозом давно уже не советовались по поводу домашних дел, да он и сам ни во что не вмешивался. Поэтому не очень даже удивился, когда во двор с грохотом въехали два грузовика, доверху груженные бетонными блоками. Только мелькнула мысль — где это они взяли столько денег, ведь каждый блок стоит не меньше пятидесяти копеек? Да, деньги у Ипполита водились. Откуда? Может, наследство получил? Может, источник какой нашел, откуда деньги сами сыплются, знай себе подставляй карман?.. Трудно поверить, что, воруя по мелочам, он мог разбогатеть... Но Дианоз подавил сомнения, любовь к Элико опять взяла верх, заставила закрыть на все глаза, не разрушать ее, пусть призрачного, счастья.

Через какое-то время до Дианоза дошли слухи, что одного знакомого ему директора детдома отдали под суд. Оказалось, что он брал деньги за усыновление детей. На каждого ребенка у него была своя такса. Дианоз был ошеломлен. Сам он редко отдавал детей, хоть желающих являлось и немало, чересчур придирчив был, не мог доверить ребенка кому попало. Раньше, сразу после войны, сирот было столько, что страшно становилось, а вот желающие их усыновить объявлялись в сто лет раз. А теперь — прямо очередь

на детей, то ли люди разбогатели, то ли бездетность возросла... Дианоз чинил такие всяческие преюны, взвешивал их чуть ли не на аптекарских весах — зачем им ребенок, уж не для выгоды ли какой?.. Если же все-таки соглашался на усыновление, то потом постоянно спрашивался, как живет ребенок, свыкся ли с новыми родителями, не нуждается ли в чем...

Вот этим, оказавшимся прибыльным делом, видно, и занялся Ипполит. Сам он на эту тему с Дианозом никогда не говорил — действовал через Элико, а она уж умела так подластиться к отцу, так преподнести ему нашептанное ей Ипполитом, что Дианозу начинало казаться, что он пришел к этой мысли самостоятельно. Вот так, по цепочке — от Ипполита через Элико к Дианозу — и решалась судьба маленького человека.

Мог ли представить себе Дианоз, что зять, найдя надежных клиентов и выступая в качестве посредника, преспокойно клал в карман немалые суммы, якобы для передачи ему. Он-то считал, что чист перед Богом и людьми, а, оказывается, его именем творились такие дела. Передавая деньги Ипполиту, люди, небось, думали — вот тебе и Верулава, вот тебе и честный человек... Конечно думали, как же им было не думать! Жаловаться, однако, не жаловались... Видно, порадоваться не могли на обретенного сына или дочь и не хотели омрачать себе праздник...

Незаменимым человеком был Ипполит. Только поручи что-нибудь — землю будет носом рыть, но обязательно сделает, достанет, выполнит. Причем не только то, что ему положено выполнять, но и то, что никакого отношения к его обязанностям не имеет. Заболевает, бывало, Элико, так он сам сядет за ее бухгалтерию — проверит счета, составит смету, все в ажуре — остается только подписать. Так приучил Дианоза к своей незаменимости и вездесущности, что тот нередко подбрасывал ему даже то, что должен был сделать сам, но для чего почему-то все чаще не находилось времени, — например, выдать какую-либо справку. А Ипполит и рад стараться. Через десять минут все готово: «Пожалуйста, шеф, сюда — печать, сюда — вашу подпись!» Дианоз не глядя подмахивал справку, шлепал

печать, и отправлялась очередная бумажка своим путем...

Недолюбливал зятя Дианоз, презирал его, а вот надо же — перепоручил ему почти все дела... И только теперь ему становилось ясно, что он по уши в дерьме, он, считавший себя человеком честным и принципиальным.

Взять хотя бы последний случай! Усыновление Никанора Бжалава. Казалось бы, к приемным родителям придраться нельзя, пара чуть ли не образцово-показательная, жаль вот только своих детей не дал Бог. Тариел и Тамар понравились Дианозу с первого взгляда, да и документы у них были такие — комар носа не подточит. Ему оставалось только поставить свою подпись. Но в последнюю минуту что-то его насторожило, какое-то нехорошее предчувствие, и, когда он все-таки подписал бумаги, остался неприятный осадок. Видимо, что-то отразилось и на лице, потому что новоявленный папаша встревоженно спросил:

— Вам плохо? — Голос был участливый, но глаза смотрели холодно и отчужденно.

Дианоз испытующе взглянул на Тамар. Женщина была красива и чем-то напоминала Элико, пожалуй, губами, но именно в этих губах Дианозу почудилось что-то холодное и жесткое.

Дианоз сидел как в воду опущенный. Что делать? Что сказать этим людям, которые еще минуту назад ему нравились, — что ему не по душе холодные глаза и тонкие губы? Да его просто примут за сумасшедшего!

Ипполит моментально учуял состояние Дианоза — недаром знал тестя как свои пять пальцев.

Он подошел к Дианозу со спины, фамильярно положил ему руку на плечо и с деланным оживлением, со своим обычным смешком проговорил:

— А теперь поставьте печать, шеф, вот сюда!

И Дианоз тиснул печать. Он и сам был доволен, что не поддался минутной дурости, так как по коридору уже мчался Никанор Бжалава.

Дианоз навсегда запомнил лицо мальчика. Пожалуй, невозможно передать словами все чувства, которые выражало это лицо, — радость, страх, восторг, сомнение, все вместе.

Тариел широко раскинул руки, подхватил Никанора и подбросил его к потолку — «Оп-ля!»

Немало воды утекло с того дня. Вспоминая лицо Никанора, Дианоз всегда испытывал приятное удовлетворение — хоть один нашел свою судьбу. Правда, время от времени его вдруг охватывало сомнение, дававшее о себе знать легкими уколами, но он поскорее гнал его прочь. У него, закрученного каждодневной суетой, не было возможности копаться в своих сомнениях.

Гром грянул неожиданно. Ему позвонили из района и сообщили, что приемные родители Никанора намерены вернуть мальчика в детдом. Дианоз чуть не уронил трубку. «Почему?» — Это все, что он сумел произнести. Оказалось, Тамар ждет собственного ребенка, и ухаживать за двумя ей будет не под силу...

Дианоз вспомнил свои сомнения. «Это все Ипполит, он подстроил. Убить его мало!» — молнией пронеслось в голове, но он ничего не сказал зятю и на этот раз...

— Вы должны уйти, дядя Дианоз! — с трудом заставил себя произнести Дэви. Они разговаривали уже больше двух часов, и он никак не мог решиться на это. Дианоз молчал. Глаза у него были прикрыты, и Дэви не мог понять, слышал ли он его слова. Но вот шея у Дианоза побагровела, затем кровь прилила к лицу, окрасила виски. Дэви ждал, что Дианоз сейчас сорвется — раскричится, выругает его, скажет, чтобы не лез не в свое дело.

Но вместо этого Дианоз спросил глухим, дрожащим голосом:

— Ты мне веришь, Дэви?

Он верил, верил как самому себе. Но какое это теперь имело значение? С того дня, как Дианоз передал бразды правления зятю, его собственная честность уже не играла никакой роли.

— Дядя Дианоз, я верю вам, честное слово! — горячо воскликнул он, но тут же жестко добавил: — Простите меня за прямоту, но вам действительно надо уходить.

Дианоз долго сидел молча, изучающе смотрел на Дэви.

Видно было, что понемногу он приходит в себя.

— Куда? — коротко спросил он. — На пенсию? Думаешь, отработал свое Дианоз?.. Ладно, не переживай.. Мне и самому это уже приходило в голову! По мне, так я сегодня же освобожу место! Пойду в ночные сторожа. Попрошу нового директора, чтобы поставил мне будку у ворот и буду сторожить! Пенсия да зарплата сторожа — мне хватит, проживу! Кроме того, буду при детях. Пойми, я не могу уйти отсюда совсем! Выслушай меня до конца, а уж потом суди!

Дэви хотел что-то сказать, но Дианоз остановил его жестом. — Я еще в прошлом году решил, что пора уходить, но хотел подыскать себе замену. Порасспрашивал кой-кого, и знаешь, что получилось?.. Человек пять казались мне подходящими на эту должность. Ну, поговорил я с ними, прощупал... Так вот, все пятеро спросили меня, а будет ли у них на этом месте какой-нибудь навар! Вот тогда я и подумал про себя: буду тянуть лямку, пока выдержу! Чего же приводить разбойников со стороны, когда у нас свой есть... Одного Ипполита достаточно на всю «Радость»...

— Значит, вы так и не нашли достойного человека?

— Тот, кто назначил меня сюда, давно уже ушел из нашей системы, не выдержал нервотрепки. Чересчур горяч был, все принимал близко к сердцу... А я в ту пору был совсем неопытным и так ему прямо и сказал. И знаешь, что он мне ответил? Чтобы не воровать у детей, большого опыта не надо...

— А если я найду вам достойную замену, дядя Дианоз? Что вы тогда скажете? — Дэви старался не выдать волнения, но внутри у него все дрожало. — Человека, который и сам не будет воровать и другим не позволит, которому это просто не нужно! Дурака, который довольствуется нищенской зарплатой директора и не будет торговать детскими судьбами... Безумца, для которого счастье детей станет единственным смыслом жизни!

— Звучит торжественно, впрочем, ты журналист, тебе простительно! Для передовицы, может быть, оно и хорошо, но я не верю в лозунги!

— Простите, дядя Дианоз, кажется, я и впрямь перебрал по части высокого стиля! — улыбнулся Дэви, и оба почувствовали облегчение.

— Ладно уж, говори все как есть, шуточками

меня не проймешь! — погрозил пальцем Дианоз. — Мне не терпится узнать, кто же этот ангел во плоти, которого ты обрисовал!

Дэви простодушно улыбнулся:

— Этот человек — ваш воспитанник — Дэви Цирдава!

Дианоз долго ошарашенно смотрел на него. Потом лицо у него приняло обычное выражение, и он спокойно спросил:

— Ты что, шутишь? Или всерьез?

— Почему же шучу? — вопросом на вопрос ответил Дэви. Ему не удалось скрыть легкое раздражение.

— Дэви, скажи мне честно... только не обижайся... Какие отношения у тебя с редактором?

— Отношения?.. Нормальные...

— А квартира в Тбилиси у тебя есть?

— Есть. Однокомнатная, изолированная. И обставлена прилично, румынской мебелью... И цветной телевизор есть, и бар... А в нем виски, правда, всего одна бутылка, зато «Варцихе» несколько, да и еще кое-что найдется. В общем, дядя Дианоз, у меня есть все, что должно быть у человека в век научно-технического прогресса!

— А зарплата у тебя какая?

— Зарплата небольшая, позавидовать нечему, но, думаю, не меньше, чем у вас. А если к ней прибавить еще и гонорары, и премии... Жить можно!

— Неплохо устроился... Значит, как же я сразу не догадался? — Дианоз стукнул себя по лбу. — Женщина?

— Какая женщина? — не понял Дэви.

— Ну, не знаю, какая. Какая-нибудь... Вешается тебе на шею, вот ты и хочешь смыться!

— Стал бы я смышаться от женщины, как же! Взглянула бы на меня какая благосклонно, так я бы на седьмом небе был! — Дэви рассмеялся.

— Так чего ж тебе тогда не сидится? Жизнь у него отлажена, как часы, а он лезет в эту муравьиную кучу. От добра ведь, говорят, добра не ищут. Да и какое у нас тут может быть добро? Одни неприятности... Спросить меня, так директору детдома положен литр молока в день — за вредность.

— Не пугайте, дядя Дианоз! Мы, журналисты, из такого теста, что и в горящий дом полезем!

— И ради чего, можешь сказать?

— Знаете, дядя Дианоз, как сейчас помню... Лежу я в постели, кровать моя стояла в углу. Лежу и не сплю, не спится, смотрю на дверь. И слышу — вы идете по коридору к двери... А я как раз вас и жду. Знаю, что вы обязательно заглянете перед сном...

Дианоз украдкой смахнул слезу, впрочем, может, это только показалось... Потом судорожно закашлялся, долго не мог продохнуть и наконец с трудом выдавил:

— А дальше?

— А дальше ничего. Вы и вправду заглянули в спальню, и наши взгляды встретились!

Дианоз с сожалением произнес:

— Не помню... Хоть убей, не помню...

— Вот и я, дядя Дианоз, может, это опять звучит высокопарно, вы уж простите, — я тоже хочу, чтобы за дверью меня с замиранием сердца ожидали Папучи Эдзгверадзе, Никанор Бжалава, Ануш... Между прочим, я знаю и имена и фамилии всех детей... Хотите назову? — И, уставившись куда-то в пространство, Дэви начал перечислять, и, кажется, сам подивился тому, что действительно помнит всех до единого!

Дианоз слушал его в изумлении. Было ясно, что странный монолог Дэви произвел на него ошеломляющее впечатление.

— Знаешь, — наконец промолвил он, — ты сбрил бороду и сразу помолодел на несколько лет. — Замечание было настолько не по существу, что Дэви даже не нашелся, что сказать. Но, немного помолчав, Дианоз грустно добавил: — Надеюсь, ты-то поставишь мне будку у ворот... Буду себе сидеть в ней и следить кто вышел, кто вошел!

* * *

В районе Ипполита Квирквелия спросили:

— Что, тот журналист, что гостит у вас, согласился стать директором?

Ипполит едва устоял на ногах — слишком силен был удар.

Но собеседник, ничего не заметив, продолжил:

— Хорошая кандидатура, образованный, да к то-

му же еще, говорят, и честный... Это в наше время большая редкость...

Ипполит чувствовал, что каждое слово вливается в тело иглой, дыхание перехватило. Он не мог признаться, что это для него новость, как не мог и заявить, что все его надежды рушатся. Но он так легко не сдастся!

Криво улыбнувшись, он поддакнул:

— Да, человек умный! Но не думаю, чтобы он согласился. Будем, конечно, просить, но...

— Не знаю, Дианоз нам сообщил, что согласие уже есть...

У собеседника было к Ипполиту немало других дел, и к этой теме они больше не возвращались.

Ипполит уселся в свой «Рафик» совершенно обескураженный. Машинально достал из кармана карамельку, сунул в рот, но вкуса не почувствовал. Полдороги проехал молча, потом шофер Мишико с усмешкой спросил, продолжает ли их повелитель дуться или сменил гнев на милость. У Ипполита вырвалось в сердцах:

— Я ему покажу дуться, надолго запомнит!

— Что-о? — удивился Мишико.

Ипполит опомнился.

— Ничего, это меня инструктор райкома вывел из себя.

Мишико не стал вдаваться в подробности — какой инструктор да в чем дело. А Ипполит — уже более спокойно — принялся обдумывать, как ему лучше взяться за дело. По правде говоря, удара с этой стороны он никак не ожидал! Цирдава его, конечно, раздражал — втерся в дом и сует нос в чужие дела, но чтобы он выкинул такой номер!.. Однако еще больше Ипполит злился на тестя... Вредный старикан, это всем известно!.. Не посчитал достойным... Сколько лет служил верой и правдой, из кожи лез, и дома и на работе, — и все кошке под хвост!..

Встретив Цирдава в тот же вечер, Ипполит сделал вид, что ничего не знает. Но Дэви тоже был не лыком шит, сразу почувствовал, что Ипполит что-то пронюхал. Он, конечно, мог прямо сообщить о своем намерении, скрывать ему было нечего. Но Ипполит — человек опасный, с таким нужно держать ухо востро, и Дэви пред-

почел пока помалкивать... Потом он жалел об этом. Может, скажи он сразу правду, ничего бы не случилось...

Когда Ипполит вернулся домой, маска притворного неведения и равнодушия с него спала. Здесь ему стесняться было некого, и он дал волю гневу.

— Твой отец, кажется, совсем спятил!

Элико нахмурилась и вопросительно взглянула на мужа.

— Подумай только! Решил уйти с должности, а нам ни слова!

— Ну и что! Время уже на пенсию, трудно ему! — передернула плечами Элико.

— Скажите, ему трудно, а я там на что?.. Слава Богу, все на мне, ему и делать-то ничего не надо. А о семье он подумал? Предупредил бы заранее, можно было бы подыскать подходящего человека, гляди — тысяч десять-пятнадцать и содрали бы! Сколько лет о машине мечтаю! Да я и сам — чем хуже других? Напрасно, что ли, столько лет батрачил?! А сейчас явится этот юнец и сядет нам на голову!

— Какой юнец?

— Ах, и ты не в курсе? И тебе дорогой папочка ничего не сказал? Небось, и ты надеялась, что он свое место мне оставит! Нет, дорогая, мы не достойны таких высот! Где уж нам с суконным рылом воспитывать этих сопливых недоносков...

Ипполит все больше распалялся. Он метался по комнате, ломал пальцы.

— Прекрати истерику! — сухо бросила Элчко. — И расскажи толком. Ты что, узнал что-нибудь?

— Если б только узнал... А то он уже и в район сообщил, что хочет оставить вместо себя Цирдава!

У Элико отвисла челюсть, и она долго не могла прийти в себя.

— А он согласен?

— Согласен? Сам и напросился! Попрошайка несчастный!.. Ни кола, ни двора, а туда же... Директорское кресло ему подавай! — продолжал бушевать Ипполит.

А Элико, постарев лицом, как это бывало с ней в минуты неприятностей, упрямо сжала губы и ринулась в комнату, которую занимал Дианоз. По всему ее ви-

ду Ипполит почувствовал, что она приняла какое-то решение. Он замолчал и, сразу обмякнув, поплелся за ней. Даже ему было страшновато той грозы, которая сейчас разразится...

Дианоз сидел в кресле и смотрел в окно. Может, дремал или просто задумался — с порога была видна только его седая голова.

Элико пересекла комнату и встала перед отцом, закрыв собой окно.

— Элико, ты? — будто очнувшись от сна, поднял глаза Дианоз. В голосе прозвучала ласка, но, увидев рядом с дочерью Ипполита, Дианоз слегка встревожился: — Что случилось?

— Это правда? — зло спросила Элико. Лицо у нее было перекошено.

Дианоз на секунду смешался, но сразу догадался, о чем речь, и, взяв себя в руки, спокойно ответил:

— Правда, дочка!

— Я тебе не дочка! — прошипела с ненавистью Элико, и не столько даже слова, сколько сам голос ножом пронзил ему сердце.

Дианоз побелел, подбородок у него задрожал. А Элико, будто бес в нее какой вселился, беспощадно добавила:

— Будь я твоей дочкой, ты бы не вырывал у нас кусок изо рта!..

Дианоз не мог вымолвить ни слова, только положил руку на грудь, чтобы унять боль.

Ипполит испугался, потянул Элико за рукав, но она сбросила его руку и продолжала высказывать отцу все, что накипело на сердце.

— Кто ты такой вообще? Я тебя просила меня удочерять? Что, кроме нужды, я видела в твоём доме? Не мог обеспечить, нечего было и брать, государство бы позаботилось или хороший человек нашелся... Я никогда не просила тебя делать то, что тебе не по силам, но ты ведь не делаешь даже того, что можешь! Тебе какой-то Цирдава ближе, чем я!.. Я давно вижу, что ты нас ненавидишь! Стараешься даже не смотреть! И не любил ты меня никогда, любил ту Элико, которую сам выдумал! Постарел уже, а все не поймешь, что нет ее, давно нет, умерла...

У Элико внезапно вырвалось истерическое рыдание, она зажала рот рукой и выскочила из комнаты. Дианоз сидел все в той же позе, с окаменевшим лицом.

Ипполит бросился за женой, но в последнюю минуту что-то остановило его.

Дианоз хватал ртом воздух, губы его слегка шевелились, как будто он силился что-то сказать и не мог.

Ипполит нагнулся над ним, тихонечко окликнул:

В глазах у Дианоза стояли слезы.

— Элико! — во весь голос крикнул Ипполит. — Отцу плохо!

Элико приоткрыла дверь, лицо у нее опухло от слез.

Дианоз пытался что-то сказать, но из горла вырывались только несвязные хрипы. Потом челюсть у него отвисла.

Элико подбежала к нему, упала на колени:

— Папа, папочка!

Дианоз, с трудом дотянувшись, коснулся руки дочери. Догадавшись, что он хочет, она взяла его руку и положила себе на голову. Старик слабо пошевелил пальцами, будто погладил дочь по волосам, и замер. Так они просидели довольно долго.

* * *

Ипполит никак не мог устроиться в кресле тестя. Садился то так, то эдак, но найти подходящее положение не мог. Он был мельче Дианоза, и кресло было слишком просторным для него.

Ипполит положил в рот карамельку, пососал и замурлыкал от удовольствия.

Первой в комнату вошла Мравала Папаскири. Взглянула искоса, изобразила некое подобие улыбки. Он чуть не подавился конфетой. От Мравалы не укроешься, с одного взгляда догадается о том, что человеку не по себе.

— Что, очень плох? — спросила она.

— Плох! — вздохнул Ипполит. Вопрос прозвучал как предложение заключить мир.

Кабинет был невелик и не мог вместить всех сочувствующих, появившихся следом за Мравалой. Сту-

льева не хватало, и люди выстроились вдоль стен. Никто ни о чем не спрашивал — и так ясно, что произошли перемены, но спешить перебежать в другой лагерь не следует. Только Ксения Салакая не выдержала и, в упор взглянув на Ипполита, будто в шутку, а на самом деле с вызовом сказала:

— Смотри, Ипполит! Привыкнешь к креслу, что тогда?

Ипполит разозлился, побагровел, но тем не менее ответил примирительно:

— Хозяин этого кресла, слава Богу, еще жив, Ксения! Что ты его хоронишь раньше времени?

Ксения с холодной улыбкой — эта никому не спустит! — отпарировала:

— Таланта могильщицы мне Бог не дал, а вот кое-кто, как я погляжу, давно припас лопату и теперь роет вовсю!

Ипполит поостерегся отвечать, почувал, что на опасную тропу увлекает его проклятая старуха, и даже обрадовался появлению Дэви Цирдава.

— А-а, гость пожаловал!

Дэви предложили стул. Он отказался и встал в углу, прислонившись к стене.

Ипполит устроился в кресле поудобнее, всем своим видом показывая, что никто его так просто с насиженного места не сгонит.

— Много говорить нечего. Всем все известно! Наш дорогой директор приболел. Положение, конечно, не такое серьезное, как хотелось бы некоторым, но все-таки возраст... Мы должны сделать все, чтобы его отсутствие не сказалось на работе. Для него это будет лучше всяких лекарств. Будем надеяться, что Дианоз скоро поправится...

— Дай-то Бог! — отозвалась Ксения Салакая, и Ипполит подумал, что, если ему суждено стать директором, первой он отправит на пенсию эту язву.

— А пока, — продолжил он свою речь, — я, как заместитель директора по хозяйственной части, и Мравала, как заместитель по учебно-воспитательной работе, возьмем руководство на себя и постараемся, чтобы дела шли не хуже, чем при Дианозе!

Поднялся шум. Все старались перекричать друг друга. Кто жалел Дианоза, кто высказывал опасения,

что без него не справиться. Ипполит, призывая к порядку, постучал по столу — совсем, как Дианоз!
— Тише, товарищи! Дело надо делать, а не разговоры разговаривать!

В голосе Ипполита появились властные нотки. Он чувствовал на себе взгляд Цирдава и старался держаться по-хозяйски, даже переигрывал чуть-чуть. Справился о завтрашнем меню, предупредил, чтобы отпустили все положенное, до грамма, — проверит самолично, спросил, все ли дети здоровы, как с учением, вовремя ли выдадут зарплату... Потом отпустил всех, задержав только шофера Мишико. Впрочем, Дэви Цирдава будто и не думал выходить из кабинета.

Ипполит сделал вид, что только сейчас вспомнил о госте, хлопнул себя по лбу:

— Ох, простите, пожалуйста... Совсем из головы вон... Да и не мудрено, столько дел... Вам все это совсем неинтересно!

— Почему же? Напротив! Кое-что меня очень даже заинтересовало!

— Да-да, конечно! — с готовностью согласился Ипполит. — Работа у вас такая...

Не дожидаясь продолжения, Дэви вышел из кабинета, и Ипполит сразу помрачнел, посидел молча, видно, что-то обдумывая, потом с угрозой произнес:

— Ну, мы еще посмотрим!

Шофер Мишико, о котором Ипполит вообще забыл, принял эти слова на свой счет и запинаясь пробормотал:

— Приезжают родители Нико Бжалава!

— Знаю! — с отсутствующим видом обронил Ипполит. Он вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха, и не вышел, а выбежал в коридор.

Быстро обошел весь дом. Одного из ребят на ходу погладил по голове, другого по-отечески пожурил. Перекинулся словами с сотрудниками, никого не обошел вниманием. Писти Кардава, мывшую жирную сковороду, похвалил за усердие и чистоплотность. У Варвары справился о детях. У той аж слезы выступили от умиления, и она принялась нахваливать своих близнят. Но Ипполит, не слушая, перешел на Медико Самушиа. Правда, та сегодня не работала, но он знал, что Писти не замедлит передать ей каждое слово, и тоже выдал о

ней пару лестных фраз. На глаза ему попала Пело Нинуа, он и ее покровительственно похлопал по собственной спине:

— Ну как, старушка, скрипим?

Пело расплылась в улыбке...

Этери Иосава Ипполит сравнил с полной луной, удачной шуткой заставил рассмеяться всегда угрюмую Назибролу Циргвава...

Подходя в полдень к кабинету, Ипполит услышал чье-то покашливание. У двери стоял Шукри Цецхладзе и, прижимая ко рту грязный платок, старался приглушить кашель.

— В чем дело, Шукри? Никто не обижает?

Ему был неприятен этот болезненный парень, но он намеренно держал его подле себя. Шукри, только обласкай его, с готовностью выкладывал все детдомовские сплетни и новости.

Ипполит дружески обнял его за плечи, ввел в кабинет и, перемежая вопросы шуточками и прибаутками, выудил у него все, что надо.

— Да, мы теперь серые волки, — и Шукри, ободренный участием, изобразил, как воют эти самые волки. — У нас только сильные парни, а самый сильный — Бычок. Ух, и силища...

Ипполит сунул Шукри в карман трехрублевку — сходи, дескать, в аптеку, купи себе гематогену, говорят, помогает — и выпроводил его.

А вечером подловил Гию Хатнашвили, заговорщически хлопнул его по плечу и горячо зашептал:

— Мы должны установить здесь железную дисциплину, мы с тобой, больше никому!

Тут Ипполит вспомнил слова Мишико о том, что собираются приехать Гулисашвили — бывшие приемные родители Нико Бжалава. Он поморщился — вот уж не ко времени!

Лично я морской болезнью никогда не страдал. Вон, как штормит, бросает нашу посудину из стороны в сторону, как спичечный коробок, а мне хоть бы что! И я окончательно убеждаюсь, что море — моя стихия... Но буря начинает постепенно затихать, море успокаивается, только легкие волны напоминают о пронесшемся шторме — и вот тут-то меня начинает подташнивать.

Нет, это не морская болезнь, да и с чего бы ей ^{взять} ся! Это болезнь другого рода — просто я слишком долго думал об Ипполите Квирквелия, о том, ^{какие раз} ные обличья он принимал в зависимости ^{от обстоя} тельств. Вот от этого мелькания масок, сменяющих одна другую личин мне и стало нехорошо...

Я вспомнил амурные похождения Ипполита. Удивительнее всего было то, что Элико, женщина крутая и властная, не сумела взять его в руки. А он так и искал, кого подцепить. Взрослые женщины, зная об этом, сторонились его, поэтому он отыгрывался на девочках. Правда, тут он действовал осторожно, даже с опаской, границу чаще всего не переступал, довольствуясь лишь тем, что не грозило неминуемым наказанием. Но бывало, забывал об осторожности и заходил слишком далеко. Раза два, помню, чуть не разразился скандал, но ему опять все сошло с рук. Девочки уже кончали школу, вскоре покинули «Радость», и все забылось, а дальнейшая их судьба Ипполита заботила мало. Впрочем, однажды он-таки влип в историю. Нарвался на такую, которая не уступала ему ни в наглости, ни в хитрости. Каждое воскресенье она, грозя разоблачением, требовала с него десятку — как выкуп за бесчестье, и он довольно долго покорно выплачивал дань. Самое же смешное то, что бесчестья-то, как говорили, и не было. Ипполит заманил ее в кабинет и только хотел раздеть, как в дверь постучали, и она, воспользовавшись моментом, выскользнула из комнаты. Эта девочка тоже кончала восьмой класс, и Ипполит постарался пристроить ее в ремесленное, подальше от «Радости».

Через год случилась еще одна история. Дианоз уехал в Тбилиси, Элико вызвали в райцентр сдавать годовой баланс. Перед отъездом она привела девочку восьмиклассницу, чтобы в ее отсутствие сделала в доме уборку. Ипполит в это время спал. Накануне он хорошо поддал, лег поздно и теперь никак не мог продрать глаза. Наконец проснувшись, он кликнул Элико — принеси воды! Но вместо жены в комнату вошла смутно знакомая ему девочка — угрюмая, длинноносая, с оспинками на лице. Но с лица воду не пить!

Спросив, где Элико, Ипполит поманил девочку к себе. Та подошла. Он показал рукой на кровать — присаживайся! Девочка послушно села. Приговаривая

«хорошая девочка, хорошая девочка!», Ипполит растегнул пуговицы на платье и сунул руку за ворот. Девочка встрепенулась, хотела вырваться, но не тут-то было. Ипполит держал ее крепко. Да еще и припугнул — «Тихо, не то худо будет!». Девочка тоненько заскулила, но Ипполит и ухом не повел... А в самый острый момент, когда желанная цель была так близка, стукнула входная дверь и на пороге встала Элико.

Будто ничего не заметив, она позвала девочку и приказала ей умыться. Потом попросила помочь разобрать продукты, купленные на базаре, сунула ей яблоко и только после этого шутливым тоном произнесла: «Ты чего напугалась, глупенькая? Дядя Ипполит просто пошутил... Только смотри, никому об этом ни слова...» Все это время Ипполит лежал, закутавшись с головой в одеяло, и притворялся спящим. Выпроводив девочку, Элико схватила деревянную лопатку для мамалыги и молча обрушила ее на мужа. Отделала от души. Весь сжавшись, Ипполит лишь слабо постанывал при каждом ударе. Урока оказалось достаточно. Ипполит неделю не выходил из дома, а Элико всем сообщала, что у мужа грипп. Судя по всему, девочка действительно никому ничего не рассказала, но, чтобы быть полностью застрахованной от неожиданностей, Элико притворилась, будто принимает в ней особое участие, и добилась перевода ее в другой детдом, получше. Долго после этого Ипполит ходил у нее по струночке, слова наперекор сказать не смел. Но все забывается, забылось и это. Ипполит снова стал ходить гоголем, а Элико ему ни о чем не напоминала, и не потому, что забыла или простила, а просто до того ей все опротивело, что и говорить не хотелось.

Взявшись за старое, Ипполит на этот раз остановил свое внимание на Мимозе Качия. На что ему случилась эта тщедушная, жалкая девочка, непонятно. Скорее всего, узнал, что с ней произошло, и это разожгло у него интерес. Еще бы, не придется долго возиться, такая ломаться не станет. Все заранее продумав, Ипполит выбрал и подходящее время. Этери Иосава как раз болела и попросила Ипполита присмотреть за бельебой. Он подстерег Мимозу в коридоре и не терпящим возражения тоном позвал ее в бельевую, помочь раздать чистые полотенца. Мимоза послушно последо-

вала за ним. Ипполит не смотрел на нее, но в его воображении уже вставало что-то младенчески чистое, теплое, пахнущее молоком, и с каждой минутой нетерпение возрастало.

Он с трудом открыл дверь — так дрожали руки. — Входи! — сипло бросил он Мимозе, и что-то в его голосе насторожило ее. Ослушаться она все же не посмела и робко переступила порог. Ипполит быстро закрыл дверь, схватил девочку за плечи и подтолкнул ее к вороху грязного белья. Мимоза от ужаса не могла вымолвить ни слова, а Ипполит, приняв молчание за согласие, взял ее за плечи и привлек к себе. На Мимозу накатила дурнота, и она медленно опустилась на пол. Ипполит не только не удержал ее, но сразу даже не понял, что произошло, а поняв, остолбенел.

Но быстро взял себя в руки, опустился на колени, начал похлопывать девочку по щекам, растирать мочки ушей. Ему казалось, что Мимоза даже не дышит. В лице у нее не было ни кровинки. Вот тут-то Ипполит испугался по-настоящему. Все это грозило ему крупными неприятностями. Не соображая, что делает, в каком-то помутнении разума, он приподнял тело и потащил в глубь бельевой, по-видимому, чтобы спрятать там среди узлов с грязным бельем. Но вовремя опомнился. Приоткрыв дверь, он выглянул в коридор. Там было пусто. С него градом лил пот, голова кружилась. Ипполит снова приподнял тело. Оно показалось ему страшно тяжелым. С трудом он выволок его в коридор и положил на стоящий там старый, раздолбанный диван. Потом, воровато оглядевшись по сторонам, запер дверь в бельевую и быстро пошел по коридору. Кажется, никто ничего не заметил. Выйдя на крыльцо, он долго переводил дух, стараясь прийти в себя. В это время и появилась Пело Ниуа со стопкой наволочек в руках.

— Что, старуха, хорошо выгладила? — попытался пошутить Ипполит, хотя голос все еще не повиновался ему. — Давай помогу!

Он взял у Пело полстопки, и они вместе направились в бельевую. Поравнявшись с диваном, Ипполит издал возглас удивления — это, мол, еще кто? — уронил выстиранные и выутюженные наволочки и бросился к Мимозе.

Пело Нинуа заохала, запричитала.

На шум прибежали и другие.

Девочку с трудом привели в чувство. Три дня пролежала она в изоляторе. Когда ей стало получше, Мавра, не утерпев, спросила, как она оказалась на диване, но Мимоза, внезапно побледнев, прошептала, что ничего не помнит.

Приглашенный из города врач вытащил стетоскоп: «Где болит?..» Девочка молча приложила руку к сердцу, глаза у нее наполнились слезами...

— Ну-ну, не бойся, все будет хорошо! — Доктор ласково похлопал ее по щеке...

В первый день Ипполит не осмелился, а на второй все же зашел проведать Мимозу. Принес ей гостиниц — свои обычные карамельки. Завидев его, девочка покрылась багровым румянцем, отшатнулась. Сделав вид, что не замечает, Ипполит заботливо спросил:

— Ты что, чего испугалась? Или обидел кто? Так ты скажи, я ему задам. Мы ведь все тебе не чужие, а я и подавно — ты мне прямо как дочь...

Мимоза слушала его молча, а в груди у нее подстрелянной птицей трепыхалось сердце...

* * *

Накануне вечером, перед сном, Папучи Эдзгверадзе украдкой передал Дэви тайное послание. На конверте так и было выведено каракулями: «Секретно! После прочтения сжечь!» На полях цветными карандашами были нарисованы истекающие кровью сердца, перекрещенные мечи, женские головки, сам же текст гласил: «Если в груди у вас бьется сердце мужчины, если вам незнаком страх, завтра днем, в 5 час. 15 мин., приходите к мосту через Хрустальный ручей!»

Дэви подмигнул Папучи, приложил палец к губам — все, мол, понимаю, тайну не выдам. И действительно, сжег послание в пепельнице.

Незадолго до назначенного времени он вышел со двора, постаравшись, чтобы его никто не видел. Конечно, никому не было дела до того, куда он собрался, но Дэви решил придерживаться правил игры. Вначале он пошел по шоссе, будто направляясь к школе, затем свернул на лесную тропинку и, сделав большой крюк, подошел к мосту через речушку.

Папучи уже поджидал его, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Завидев Дэви, он тихонько свистнул. На его свист из кустов высунулись головы братьев Гурцкая.

Цотнэ кашлянул и нерешительно спросил:

— Вы получили наше письмо?

— Получил и тут же сжег, как было велено! — ответил Дэви, стараясь не улыбнуться.

— Вы согласны исполнить наши требования?

— Согласен! — без колебаний заявил Дэви.

— Мы вынуждены завязать вам глаза!

Дело принимало серьезный оборот.

— Что ж, если надо!

Папучи вытащил из-за пазухи красную тряпицу. Дэви наклонился, и ему крепко завязали глаза. Потом Цотнэ и Бакури встали по бокам и, взяв его под руки, куда-то повели.

Шли они медленно, временами Дэви чувствовал касание веток. Ему было смешно, но он старался не подавать вида. В детстве он тоже создал банду разбойников, но их единственной целью были набеги на сад Верулава.

На мгновение его провожатые остановились, свернули с тропинки, нырнули в кустарник, оберегая его от колючих ветвей. В одном месте провели боком. Дэви понял, где находится, почувствовал на лице тень и вдохнул сырую прохладу. Где-то здесь должен быть замшелый могильный камень. Потом его попросили поднять ногу, и он догадался, что они у входа в часовню. Когда он почувствовал под ногами мягкую траву, ему велели остановиться...

Бычок раздвинул возбужденных ребят, толпящихся около толстого узловатого ствола магнолии. К стволу был прикреплен лист бумаги с изображением симпатичного пузатого дядьки — в тельняшке, с бравыми усами и с трубкой в зубах. Колечки дыма из трубки, причудливо переплетаясь, складывались в буквы, образующие заглавное слово — «Совет!». Ниже шел основной текст, в котором автор советовал читателям переходить из стаи серых волков в стаю серых ослов и соответственно менять привычки — учиться реветь, бры-

каться и жевать сено, а вожак стаи, Бычок, упоминался как «глубокоуважаемый осленок».

У Бычка от злости перехватило дыхание, он с яростью сорвал листок и скомкал его в кулаке.

Но подойдя к крану напиться, обнаружил на стене такое же воззвание. В центре был нарисован волк из мультсериала «Ну, погоди!», со свирепым видом срывающий с дерева листок бумаги, а по краям — бросившиеся врассыпную зайцы.

Еле сдерживая себя, Бычок помолчал, потом произнес негромко, но так, чтобы слышали окружающие:

— Кажется, кому-то не сносить головы! — И, круто повернувшись, пошел прочь.

После ужина Бычок наткнулся на третий листок, прикрепленный к дверям. На листке и на этот раз был изображен волк, но с двумя головами. На каждой сверкали огромные, как плоски, красные от ярости глаза, и открытая пасть готова была, кажется, проглотить весь мир. Воззвание гласило: «Ягнятки, держитесь подальше от вожака стаи, не то — останутся от вас рожки да ножки!».

Содрогаясь от ненависти, Бычок только хотел сорвать листок, как появились щебечущие о чем-то своем девчонки во главе с Цисией Девдариани, конечно, уставившись на воззвание.

— Вы смотрите, тут стенгазету приличную никак не выпустим, а у нас, оказывается, такие таланты водятся! — засмеялась Цисия. — Только не пойму вот с ком речь, кто это, «вожак стаи»?

— Похож на волка из «Ну, погоди!», только почему у него две головы? — в раздумье произнесла Шовна Чартолани, черная, как галка, девочка с вислоухими волосами.

— Ой, девочки, он на кого-то похож. Постойте, постойте, да вот на него же! — и Мимоза Кация просто душно ткнула пальцем в Бычка.

— Ну, конечно, на него! — загалдели девчонки и все разом уставились на Бычка. Тут, привлеченные шумом, набежали ребята... Смех, визг...

Бычок стоял как потерянный, не зная, что предпринять. Потом неожиданно для самого себя оскалился совсем по-волчьи и зарычал на Мимозу — «Гр-р-р!»

Девочка в испуге попятилась.

Цисия успокаивающе положила ему руку на плечо:
— Ну что ты, зачем пугаешь ребенка?

Бычок холодно улыбнулся ей и стал пробираться сквозь толпу. Долго еще ему слышались смешки девчонок, и он готов был растерзать их. Особенно Мимозу! Может, потому, что никогда не встречал существа более нежного и хрупкого. Вообще Бычок презирал неженков, но эта чем-то притягивала его, хоть он не сознавался в этом и самому себе. Наверное, именно своей нежностью, воздушностью, а потому — и недостижимостью. И надо же, чтобы именно она осмелилась найти в нем сходство с этой карикатурой! Он понимал, что у Мимозы не было злых намерений, просто ляпнула по наивности, но от этого было не легче...

Бычок догадывался, кто автор воззваний. Но все же отыскал Куцну Чедия и велел проверить свои подозрения. Куцна с готовностью взялся за дело — бегал, вынюхивал, выпрашивал. Но так ничего толком и не узнал. Никанор со смехом ответил, что он и рад бы, да рисовать не умеет. Папучи Эдзгверадзе захлопал глазами — ты что, где мне столько написать? Я в одном слове несколько ошибок делаю! Мамука Гиоргадзе презрительно процедил: «Мне бы ваши заботы, я с уроками не справляюсь!..» Бичико и Кучуна Цкипуришвили так цыкнули на Куцну, что он еле ноги унес... Подозревать малышей было смешно. Кто же тогда, не Цисия же Девдариани? Впрочем, Куцна просчитал и этот вариант.

Наутро на дверях спальни появился новый листок: сидящий на кровати волк, понуро опустив обе свои головы, лил горькие слезы. Рядом примостилась мартышка, кривляясь, она заботливо собирала волчьи слезы в глиняный горшок. Под рисунком было написано: «От волка до обезьяны — один шаг!»

Ипполит Квирквелия вызвал к себе в кабинет Цисию Девдариани и строго спросил:

— Ты что, не понимаешь, какое дело тебе поручено?

Цисия смотрела непонимающе.

— Тебе поручены юные души! А ты что делаешь? Создаешь конфликтную ситуацию!

— Я? — удивилась Цисия.

— Ты, а кто же еще? Все стены увешаны похаб-

ными рисунками, дискредитирующими нашу молодежь! По-твоему, это что, стенгазета? — Ипполит перевел дух, сунул в рот карамельку, пососал и с новым пылом продолжил: — Не видишь, на каком уровне дисциплина, а ты ерундой занимаешься...

— Да я здесь ни при чем!

— Тем хуже. Ты всегда должна быть в курсе и вовремя информировать нас. Смотри, все это плохо кончится, и пострадаем мы оба, и ты и я!.. А вообще... — Ипполит подошел к стулу Цисии и, оглядевшись, как будто их мог кто-то подслушать, зашептал ей на ухо: — Вообще-то не похоже это на детские проказы!

— Почему не похоже? Дети всегда играют во взрослых!

— Ха, тут, скорее, взрослые подделываются под детей. Вот твой журналист, например...

— Почему это мой? Он общий, гостит в детском доме! — У Цисии запылало лицо.

Ипполит двусмысленно хихикнул и вернулся в кресло.

— Поговори-ка ты с ним, скажи, что негоже воду мутить!..

— Вам нужно вы и говорите! — грубо ответила Цисия и, не спросив разрешения, вышла...

В тот же вечер на дверях кабинета Дианоза появился еще один листок. На нем была изображена ворона, крыльями прикрывающая двуглавого волка. У вороны было лицо Ипполита...

Да-а! Писатель с богатой фантазией накрутил бы здесь такого, что все бы рты пораскрывали от удивления! Напустил бы для начала туману, а потом — бац! — и применил какой-нибудь приемчик! Например, столкнул во дворе часовни Дэви Цирдава с Большим Никанором... А для чего же еще тогда изобразил он на листе бумаги симпатичного толстяка с трубкой в зубах и в тельняшке? Вот Большой Никанор, откашлявшись, протягивает свою честную, мужественную руку Дэви, а тот молча пожимает ее... Или же старый морской волк, Никанор Бжалава, покинув свой родной «Охотский» и повернув время вспять, бросает вдруг якорь во дворе часовни — простите, мол, пардон, заскочил на минутку в детство... А еще лучше, если Ни-

канор Бжалава будет уже убеленным сединами капитаном дальнего плавания, со сверкающими золотом погонами на плечах и не менее ослепительным кортиком на бедре...

Что ж, на все моя воля, перо мне послушно и выведет на белом листе бумаги все, что я прикажу... Но я человек искренний и правдивый, лишней точки не поставлю, чтобы приукрасить события. Может, повествование мое от этого и страдает, но я остаюсь верен правде...

К тому дню, когда Папучи и братья Гурцкая ввели во двор часовни Дэви Цирдава, я был уже командиром ударного отряда «Верасула» и с суровым выражением лица поджидал их на том месте, где, должно быть, когда-то были царские врата.

У Дэви Цирдава глаза были завязаны, очки виднелись из нагрудного кармана. Без бороды он показался мне совсем молодым. Весь его вид свидетельствовал о том, что сейчас принято называть модным словечком «светский», только светскость эта была такого рода, когда человек не задается, не смотрит на других свысока. Вон, даже в наши игры играет, да еще с таким увлечением, как будто никогда ничем более интересным не занимался. Не удивлюсь, если женщины в нем души не чают, хотя бы та же Цисия Девдариани. Впрочем, это только мои догадки. Может, между ними и нет ничего такого...

В отряде у меня, чтоб было ясно, десять человек. Цотнэ и Бакури я уже назвал. Сейчас они скромно стоят в стороне с видом людей, честно выполнивших задание. Бичико Цкипуришвили, грозно нахмурившись, ожидает, что будет. Кучуна в нетерпении ерзает на месте. Мамука Гиоргадзе держит себя степенно, как и полагается бывалому бойцу, — он, как всегда, воспринимает игру всерьез. Гонели Чичуа, отойдя в угол, проверяет свой недавно прорезавшийся и еще не устоявшийся баритон — акустика в часовне отменная... Папучи стоит у порога, преграждая выход, хотя никто, по видимому, бежать не собирается. Остальные выжидательно смотрят на меня.

— Гражданин Цирдава! — громко и торжественно начинаю я. — Поклянитесь, что сохраните в тайне все, что увидите и услышите!

— Клянусь! — тем же торжественным тоном отвечает мне Дэви.

— Можете снять повязку!

Дэви снимает повязку и водружает на нос очки.

— Я думал, что встречу здесь с самым Большим Никанором, — улыбается он. — Мечтаю познакомиться с ним!

— Мы все сыновья Большого Никанора, хоть и названные! — объясняю я. — Одним словом, никанористы. Только это тайна. Если они «серые волки», то мы «никанористы Верасулы»... Свою тайну мы доверяем только достойным. За вас поручился Папучи Эдзгверадзе. Так что, не подведите его...

Я взял Дэви за руку и подвел к большому валуну в углу, который служил нам столом. Вокруг валуна валялись камни поменьше и среди них обрубков дерева. Все расселись, и я без обиняков приступил к главному:

— Мы объявляем войну серым волкам, правда, ребята?

Члены отряда подняли растопыренные пальцы — средний и указательный, знак победы.

— А чем вам мешают эти серые волки? — спросил Дэви.

— Очень уж задаются! — попытался объяснить я. — А зарабатывают себе авторитет кулаками. Думают, что раз они такие верзилы вымахали, все им должны пятки чесать!

— Значит, если я правильно понял, поодиночке вы с Бычком не справляетесь, потому и решили объединиться в отряд! — задумчиво поблескивая очками, произнес Дэви. — Вижу, что не сегодня-завтра будет дан решительный бой, будет действовать кулачное право. Сегодня они нас побьют, завтра — мы их...

— Они нас не побьют, — нетерпеливо перебил я. — Не справятся, если вы, дядя Дэви, будете с нами и обучите нас нескольким приемам карате!

— Ах вот, оказывается, зачем меня пригласили! Значит, я вас обучу приемам, а вы расправитесь с Бычком. Нет, так не пойдет!

— Что же нам делать? — спросил Мамука Гиоргадзе. — Пока директором был дядя Дианоз — он ведь

строгий! — жить еще можно было, а этот Ипполит, эх... — и Мамука безнадежно махнул рукой.

— Почему был? Дианоз пока никуда не собирается уходить, — заверил нас Дэви. — И вообще, давайте сначала все взвесим. Я думаю, невелика честь победить серых волков кулаками, лучше подумаем, как сделать, чтобы им самим стало стыдно и они бросили свою глупую затею.

Все загалдели разом, каждый предлагал что-то свое и пытался перекричать других. Какой уж тут заговор, когда за версту было слышно, где мы и о чем речь. Я громко прицыкнул: — Тихо!

Все сразу перешли на шепот.

— У нас должна быть своя программа. Мы должны знать, чего хотим и для чего собираемся здесь! Собрать такой отряд только для того, чтобы побить Бычка, смешно! — заявил Дэви.

— Ребята! — осенило меня. — Я думаю, что наша главная задача — не давать в обиду малышей!.. Даже больше — взять над ними шефство: есть у тебя в кармане конфета — порадуй ребенка, плачет он — успокой, рассмеши, плохо ему — утешь! Вот я, например, давно уже покровительствую Марихе!..

— Замечательно! — обрадовался Дэви. — Будем заботиться о маленьких, как полагается настоящим рыцарям!

— А ведь рыцари защищают женщин, значит, и нам надо защищать девчонок! — подал голос Бичико.

— Правильно! — поддержал его Дэви. — Мы ведь мужчины и должны защищать слабых!

— А я думаю, что раз Дианоз собирается на пенсию, не надо нам нового директора, объявим «Радость» республикой и будет у нас самоуправление! — задумчиво произнес Мамука, и по его глазам было видно, что ему уже рисуются грандиозные картины Детской республики.

— Не нужен нам Ипполит, какой из него директор? — снова вмешался Бичико.

— Разве нас не должны спросить, хотим ли мы его?

— Если наберем в рот воды, спросят нас, жди! — включился Папучи.

— А потому мы должны основать нелегальную

газету, вот такую! — и я снова вытащил из кармана специально заготовленный для такого случая листок — плод совместных творческих усилий, моих и Папучи. По сути, это было повторение того первого, обращенного к серым волкам воззвания-совета: с тем же изображенным цветными карандашами симпатичным моряком в тельняшке и с трубкой, с теми же колечками дыма, сплетающимися в слова. Только надпись была другая: «Советуем остерегаться вымогателей и не отдавать им кровные пятаки!», «Если услышите волчий вой, не верьте своим ушам!», «Кто называет себя серым волком, тот просто осел и нуждается в хорошем пинке!»

Прочтя наш опус, Дэви засмеялся:

— Так это, значит, вы тогда приклеили к моему окну ту страшную рожу? А я, признаться, перепугался!..

Через некоторое время, когда ребята по одному выскользнули из часовни, мы с Дэви остались вдвоем. Он положил мне руку на плечо и каким-то странным тоном спросил:

— Никанор, ты в курсе, что приезжают твои... ну, эти, Гулисашвили?

Я не был в курсе. Слова Дэви ошеломили меня. Сердце заколотилось так, что, наверное, было слышно за версту.

— Что им надо?

— Хотят снова усыновить тебя!

Я опомнился только тогда, когда мы уже бок о бок шли по узкой тропинке и Дэви отводил в сторону колючие ветки.

— Как же, ведь у них родился свой ребенок?

— Ребенок родился мертвым!

Мне стало горько, как будто в том, что ребенок родился мертвым, была моя вина.

— И значит, они опять решили усыновить меня?

— Да!

Мы поравнялись со скалой Верасула. Я взглянул на скалу оценивающим взглядом — пожалуй, если очень захотеть, одолеть ее можно!

— А как вы поступили бы на моем месте, дядя Дэви?

Спрашивать не следовало. Человек не должен перекладывать свою ношу на чужие плечи, решать надо

самому... По лицу Дэви я видел, что он погрузился в свое далекое детство, как в бездну, по краям которой теснились воспоминания. Он ничего не ответил на мой вопрос, но я понял.

— Я так и сделаю, дядя Дэви!

Они объявились в конце апреля. Возвращаясь из школы, я увидел у ворот знакомый «Москвич». Сердце у меня подпрыгнуло... Может, лучше некоторое время не показываться на глаза? Вон я могу укрыться в часовне. Свои не выдадут, а чужие нипочем не найдут... Но это я подумал так, между прочим. А какая-то сила — не знаю, любопытство или что еще, не хочется думать, что злорадство — неумолимо влекла меня к дому. Так явственно предстали предо мной те короткие дни счастья, будто осветил их своим слепящим светом огромный прожектор, выхватил все, до закоулочка, ни одной тени не оставил. Тем горше мне было вспоминать, как все кончилось. Тогда я впервые столкнулся с предательством во всем его мерзком и страшном обличье, которое наполнило мне душу ядом, на долгие месяцы затворило в белой больничной палате.

— Никанор, хочу тебя обрадовать! — у ворот стоит Мравала Папаскири. На ее всегда угрюмом лице подобие улыбки. Я смотрю на нее и только сейчас замечаю, как сильно постарела Мравала. Наверное, не просто это, знать, что ты навсегда обручена с детским домом и вряд ли что изменится в твоей судьбе.

— Я не хочу, чтобы меня усыновляли! — почти беззвучно произношу я, губы мне не повинуются.

— Что ты говоришь, милый! — Мравала высоко поднимает брови. Я давно знаю, что ее суровость — только маска, за которой скрывается отчаяние несостоявшейся матери. Мне ее жаль... Чудно!.. Я, никому не нужный сирота, жалею заведующую учебной частью Мравалу Папаскири.

— Не обижайтесь, тетя Мравала! — не отдавая себе отчета в том, что делаю, я вдруг прикасаюсь к ее руке. — Я никуда не хочу уходить отсюда, мне и здесь хорошо!

Мравала ничего не отвечает. Только ласково треплет меня за волосы и отходит. Я издали наблюдаю, как

она проходит по двору, скрывается за дверь. «Будь я Дэви Цирдава, я бы женился на ней!» — вдруг мелькает у меня в голове, хотя я хорошо знаю, что сердце Дэви клонится совсем в другую сторону.

Я подхожу к своему шкафчику, прячу туда портфель, подумав, снимаю с себя куртку — жарко! Может, полежать в прохладной спальне? Но не успеваю я подумать об этом, как в комнату впрыгивает малый по прозвищу Блоха, он именно впрыгивает, поскольку скачет на одной ножке, — это его обычная манера передвигаться.

— Никанор, к тебе пришли!

Чувствуется, что Блоха прямо лопается от зависти, а я не могу заставить себя сдвинуться с места. Вдруг вспоминается, как я шел — какое там шел — бежал, мчался, на крыльях летел, когда «они» пришли усыновлять меня в первый раз. Сейчас мне стыдно за тот свой щенячий восторг.

В дверь заглядывает Папучи:

— Никанор, чего ты здесь околачиваешься? Что, не знаешь? К тебе там пришли! — В голосе у Папучи тоже прорывается печаль.

— Беги, сообщи дяде Дэви! — шепчу я ему и, с трудом отрывая ноги от пола, выхожу в коридор.

В конце коридора стоят четверо. Ипполит потирает руки — то ли предвкушая что-то, то ли просто они у него липкие от карамелей, смотрит почему-то заискивающе. Чуть-чуть в стороне — Мравала Папаскири. Вид у нее немного смущенный, как будто она не до конца понимает, что происходит. А «они», супруги Гулисашвили, ни капельки не изменились, только Тариел слегка пополнил, его престижное брюшко еще увеличилось. Он, как всегда, тяжело дышит... У Тamar большой живот, как будто она все еще беременна. Говорят, так бывает...

— Никанор! — зовет меня Тариел и широко раскидывает руки.

Может, он думает, что все повторится? Я брошусь к нему, он подхватит меня на руки и подбросит высоко в воздух — «Оп-ля!»

Но даже я по своему небогатому опыту уже знаю — ничего не повторяется. Замедляю шаги и останавливаюсь поодаль.

Тариел явно сникает, опускает раскрытые руки. Зато Ипполит перестает потирать руки и сладким голосом обращается ко мне:

— Не стесняйся, Никанор, подойди поближе!

Я не двигаюсь с места. Тогда вперед выходит Тамар. Ступает она тяжело, как будто ей больно передвигать ноги. Тамар протягивает ко мне руки:

— Иди к маме, сынок! Или ты забыл меня, так скоро?

«Сынок?» Это слово уже ничего не значит для меня, и я упрямо молчу.

Ипполит, видно, решает как-то выйти из неловкой ситуации. Мелкими шажками он приближается ко мне, обнимает за плечи — будто ласково, а на самом деле его вечно липкие от конфет руки приклеиваются к моей сорочке, а ногти больно впиваются в плечо.

— Не упрямясь, Никанор! Ты же знаешь, как любят тебя уважаемые Тариел и Тамар! Они ведь вернули тебя сюда только ненадолго, а так... у них и в мыслях не было! Ты ведь уже взрослый парень, Никанор, и должен понять их!..

— Да, да, ты должен понять нас, Никанор! — сильным голосом вступает Тариел. Чувствуется, что нервы у него на пределе. «Ну как разозлится и прибьет!» — думаю я.

— Да, сынок, ты же помнишь, как мне было плохо! Конечно, не совсем хорошо мы с тобой обошлись, но ты уж прости! — присоединившись к дуэту, канючит Тамар.

Сердце у меня при этих словах сжимается, к горлу подступают непрошеные слезы, но я молчу — такие уж мы все из рода Бжалава, упрямые, какой-то бес в нас сидит!

— Никанор! — проводит рукой по моей голове Мравала Папаскири. — Что ты молчишь? Никто ведь тебя не неволит!

Я смотрю ей прямо в глаза:

— Я ведь уже говорил вам, тетя Мравала, что не желаю, чтобы меня усыновляли!

— И правильно делаешь! — раздаётся вдруг откуда-то голос Дэви Цирдава.

Я ощущаю на плече его крепкую дружескую руку.

— Это еще кто? — еле сдерживая злость, спрашивает Тариел.

— Батоно Дэви, как вы можете вмешиваться? У Ипполита аж дыхание перехватывает от злости, но он всеми силами сдерживает себя и светским тоном объясняет чете Гулисашвили: — Это журналист из Тбилиси, наш гость!

— А коли гость, чего же он лезет в чужие дела? — сварливо спрашивает Тамар.

— Вы, любезные, однажды уже предали этого ребенка!.. — сурово произносит Дэви.

— Да кто он такой? Слишком много на себя берет! — уже не сдерживаясь, возмущается Тариел.

— Я удивляюсь вам, Мравала! Что вы торгуетесь с ними?

Мравала Папаскири бледнеет и не находит, что ответить.

— Да я тебе! — нагнув по-бычьей голову, Тариел делает шаг в сторону Дэви.

Ипполит пытается преградить ему путь, одновременно успокаивает Тамар, взывает к Дэви, в надежде утихомирить его: — Что вы делаете? Прекратите! Только драки нам тут не хватало...

Тариел продолжает пыхтеть, как кузнечный мех, но, чувствуется, уже начинает колебаться. Воспользовавшись заминкой, Ипполит плечом оттирает чету Гулисашвили от Дэви и, погоняя их перед собой, как непослушных гусей, вталкивает в кабинет и сам проскальзывает за ними.

Мравала растерянно наблюдает за происходящим, потом начинает неловко оправдываться.

— Я ведь хотела как лучше... Лучше для ребенка, конечно! Понимаете?

Дэви улыбается ей:

— Вы простите меня за грубость, Мравала, но очень уж я разозлился. Да и вы тоже хороши! Можно ли быть в наши дни такой простодушной и доверчивой?

— Меня просил Ипполит.

— На вашем Ипполите шапка горит! Пошли, Никанор!

Мы направляемся к выходу, но неожиданно Мравала нагоняет нас.

— Минутку! — задыхается она. — А вам извест-

но, что, если Никанор откажется наотрез, Ипполит отдаст им кого-нибудь другого, Мариху, например.

— Этого нельзя допустить, — решительно говорит Дэви.

— Вот если бы вмешался Дианоз... Но врачи запретили его волновать...

— Ничего, мы с Никанором что-нибудь придумаем. Правда, Никанор? — и он заговорщически подмигивает мне.

— Да, мы не отдадим Мариху! — согласно киваю я...

В тот вечер на стене снова появляется листовка. На ней изображен черный ворон. Только вместо крыльев у него руки, он рвет на себе перья, которые летят во все стороны. В углу весело скалится моряк с трубкой, будто говоря всем своим видом: «Успокойся, Ипполит!»

Ипполит и рад был бы успокоиться, да не получалось. Он оказался между двух огней. С одной стороны, болезнь тестя и неожиданные притязания Цирдава, с другой — история с Гулисашвили и эти листовки на стенах. Со всем этим надо было как-то справляться самому и не откладывая, пока не произошла утечка информации. «Кто насмехается надо мной, насмехается и над тобой! — сказал он Бычку. — Ты мне только узнай, кто замешан в этом деле, а там я и сам знаю, что делать!» «Если бы я это знал, ничья помощь мне не понадобилась бы», — проворчал Бычок. Слова Ипполита плеснули масла в огонь, хотя уж Бычка подстегивать было не надо, он и так рвал и метал. Кое-что ему уже приходило в голову, но он не хотел мстить, пока не узнает все досконально. К Бычку подошел Головастик, предложил сигарету. Он сам не курил, но, где мог, добывал курево — для Бычка, чтобы заслужить благодарность грозного вожака. Именно Головастик и навел Бычка на след: мол, изображенный на листке моряк, бесспорно, Большой Никанор, а значит, без Бжалава тут не обошлось...

Тут появилась чета Гулисашвили. Тариел продолжал кипятиться — без ребенка он отсюда не уедет. «Назло этому субъекту!» — твердил он и было непонятно, кого он имеет в виду — Никанора или Дэви, скорее всего, обоих.

У Ипполита была всего одна голова, а вот ребенка, которым можно было бы утихомирить Гулисашвили, не было. Единственно маленькая Мариха, которая считалась круглой сиротой — ни отца, ни матери. Ипполит хотел придержать ее на черный день, но, пожалуй, чернее уже не бывает, и окликнул из окна Татьяну Каличава:

— Татьяна, покличь ребятишек, я их оделю конфетами!

Малыши не заставили себя ждать. Их весело щебечущую ватагу замыкала Татьяна.

Ипполит бросил из окна горсть конфет. Ребята бросились к ним, возникла куча-мала. Более бойким досталось по две, а то и по три, ну а мямли остались с носом и стояли уже готовые зареветь.

Татьяна начала восстанавливать справедливость, бросая при этом сердитые взгляды в сторону окна.

Ипполит понял, что сделал что-то не так, но это не обескуражило его — цель была достигнута, и он пальцем указал Гулисашвили на Мариху:

— Вот она стоит! Видите, хнычет? Вот это она и есть!

У девочки серые рейтузы пузырились на коленях, волосы были всклокочены, она плакала и грязной ручонкой размазывала слезы по лицу. Вид, нужно сказать, был не очень привлекательный! Тариел смотрел на Мариху в нерешительности. Тамар же произнесла без колебаний:

— Ничего, отмою, приодену, будет, как ласточка!

— Конечно! — обрадовался Ипполит. — Просто девочка сейчас не в форме. Но поверьте мне, ребенок что надо! Ни к чему не придерешься! Садитесь, поговорим...

Они сдвинули стулья и долго о чем-то шептались...

Потом Ипполит и Тариел ударили по рукам. Ипполит снова раскрыл окно и выглянул во двор.

Там все было по-прежнему, но Ипполиту вдруг показалось, что что-то не так, и он зорко взгляделся в отдельные группки детей. Вот один малыш свалил другого на землю и тузит его кулаками.

— Ты что делаешь, пострел? Хочешь ему шею сломать? — грозно окликнул победителя Ипполит.

Вот другая парочка, брат с сестрой, что-то не по-

делили между собой и уже готовы вцепиться друг в друга.

— Эй, вы, петухи, ну-ка разойдитесь!

Наведя таким образом некое подобие порядка, Ипполит крикнул Татьяне:

— Татьяна, приведи-ка мне Мариху!

Женщина неохотно повернулась, окинула ленивым взглядом детей, вроде пересчитала их про себя, но что-то, видно, встревожило ее, она встрепенулась, поискала глазами и, изменившись в лице, спросила:

— Ребята, где Мариха, кто ее видел?

Дети прекратили свои игры и уставились на Татьяну. Ушастик вынул палец изо рта и задумчиво объявил:

— Только что была, а теперь нету!

— Ребята, бегите, найдите ее! — уже чуть не плача взмолилась Татьяна.

У Ипполита упало сердце, исчезновение маленькой Марихи показалось ему подозрительным...

* * *

Я взял ее за руку: — Ну, пошли!

Мы пробирались задними дворами и перелеском. Несколько раз останавливались передохнуть, собирали цветы.

Вот и кладбище.

Я посадил Мариху через ограду и перелез сам.

Все эти камни, кресты и холмики для Марихи ровным счетом ничего не значили. По правде говоря, немного значили они и для меня. Когда раньше я задумывался над тем, что все имеет свой конец, что смерть неизбежна, меня обычно охватывала печаль, а вот надгробные камни ни о чем таком мне не напоминали.

У одной могилы, в тени низко склонившейся к земле плакучей ивы сидел мужчина. Я не удивился, увидев его. Дядя Элефтер всегда был тут, сколько бы раз я ни оказывался на кладбище. Он сидел, опустив широкие плечи, обхватив голову руками — то ли задумался, то ли дремлет.

Я не стал его тревожить, и мы какое-то время молча стояли поодаль. Мысли у меня были невеселые. Вдруг Мариха дернула меня за рукав и, показав пальцем на черную стелу с портретом Амираана, спросила:

— Умер?

Я предостерегающе приложил палец к губам, но было поздно. Ее тонкий голосок вывел Элефтера из оцепенения. Он поднял голову и взглянул на нас невидящими глазами.

«Дядя Элефтер, — хотелось сказать мне. — Вот я привел Марику, пусть будет вам хоть дочкой, хоть внучкой!» Но я ничего не сказал.

— А, это ты? — узнал меня Элефтер и, ничего не добавив, снова повернулся к могиле и впился глазами в лицо сына. По щеке его скатилась слеза.

Марику посмотрела сначала на меня, будто спрашивая о чем-то, потом на Элефтера и вдруг, освободив руку, смело подошла к нему, тронула за плечо и сочувственно спросила:

— Умер?

Элефтер тяжело взглянул на нее, с трудом произнес:

— Да.

— Похоронили?

Элефтер как будто весь сжался, еще ниже опустил голову и придушенным голосом сказал:

— Никанор, убери ее!

Но Марику, будто не слыша, продолжала гнуть свою линию:

— Бедный!

Элефтер затрясся, спрятал лицо в ладони и издал какой-то странный глухой звук — то ли заплакал, то ли закашлялся.

Я испугался, схватил Марику за руку и начал оттащить, но не тут-то было. Она вцепилась в Элефтера как клещ, и оторвать ее было невозможно. Из глаз у нее тоже лились слезы.

Что мне было делать? То, что я задумал, не получилось. Видимо, я что-то неправильно рассчитал. И я сделал то единственное, что мне оставалось, — тихонечко начал пятиться и, убедившись, что отступил на приличное расстояние, пустился бежать...

* * *

Элефтер был в смятении. Так, наверное, чувствует себя тяжело больной человек перед операцией, когда еще не известно, выживет он или нет. Первым движе-

ем души было возмущение. «Уберите ее!» — так и рвался изнутри вопль. В тот момент он мог ударить девочку — одного движения его лапищи было бы достаточно, чтобы это странное, назойливое существо исчезло навсегда. Но им владело какое-то тяжкое бессилие, как будто горе постепенно выпило из него все соки. Он не мог пошевелить рукой и только жалким, потерянным голосом бормотал: «Что вы пристали ко мне? Оставьте меня в покое! Дайте побыть с сыном!.. Какое вам до меня дело? Может, мне так лучше!.. Может, я упиваюсь своим горем, может, оно шаг за шагом приближает меня к моему сыночку, моему Амирану!..» Мариha каким-то шестым чувством поняла, что старик дошел до грани, и, вцепившись ему в рукав, пыталась удержать его, не дать переступить ее, ту грань, за которой начинается черная бездна.

Элефтер пришел в себя, и его охватило чувство стыда. Он не знал, что сказать малышке и как вести себя дальше. А потому продолжал сидеть в той же позе, молча уставившись в землю. Но Мариha своим детским чутьем, видно, поняла, что что-то изменилось, и выпустила его рукав. Потом неожиданным движением перескочила через край могилы, всем телом прильнула к мраморной плите и ласково провела пальчиком по портрету. Ее порыв потряс Элефтера. «Будь жив Амиран, у меня могла бы быть такая внучка... — Эта неожиданная мысль словно лучом осветила его погруженный во мрак разум. — Если там, наверху, действительно существует что-то, то, наверное, бездумная ласка ребенка значит больше, чем мои бесконечные мучения»...

— Нравится? — Он указал на портрет и сам удивился тому, как изменился его голос.

Девочка кивнула головой, чуть-чуть наклонив ее в сторону. Элефтер остолбенел. Точно так, склонив голову набок, кивал в детстве сын. Возможно, это движение свойственно всем детям, но в тот момент Элефтеру показалось, что девочка поразительно похожа на его Амирана.

Он взял ее за подбородок и впился жадным взглядом в лицо, пытаясь найти существующее только в его воображении сходство. Мариha немножко испугалась, личико у нее сморщилось, и она уже приготовилась за-

хныкать, но Элефтер внезапно заговорил. Им овладело безумное желание тут же, не сходя с места объяснить все этому маленькому существу, поведать ей свое неизбывное горе. Может, перед ним и вправду ангел, в груди которого запечатлевается каждое сказанное слово? Мариха слушала его, склонив голову набок, очень внимательно, хотя добрая половина того, что он говорил, не доходила до нее. Элефтер вспоминал детство Амирана, оказывается, его память сохранила тысячи каких-то несущественных на первый взгляд мелочей. В голове у него опять все смешалось. Казалось, что все, о чем он рассказывает, происходит сейчас, на их глазах. Амиран не погиб, вот он оживает в его словах. Никогда с того трагического дня Элефтер не говорил столько, не доверяясь до конца даже Мавре. Ему все казалось, что жена гораздо легче него перенесла несчастье, что ее собственные болячки, болезни тела как-то приглушили боль души... Хотя уже в следующую минуту он корил себя за эти мысли, вспоминал немую муку в глазах Мавры...

Обо всем этом Элефтер и рассказывал сейчас маленькой Марихе, ища в ее расширенных от напряженного внимания глазах сочувствия.

— А потом ведь он снова проснется? — вдруг спросила Мариха. — Проснется и оживет?

Элефтер на мгновение окаменел, потом молча кивнул.

— Да, оживет!.. — а про себя закончил: «Может быть, в тебе...» И добавил: «До чего похожа на Амираана!»

Мариха совершенно не была похожа на покойного Амирана, но чего бы ни отдал сейчас Элефтер за то, чтобы кто-нибудь догадался, чего жаждет его душа, и убедил в этом несуществующем сходстве... Разве не могло это маленькое существо и вправду быть плотью от плоти Амирана, его дочерью? Ведь Амиран был таким пригожим, может, и соблазнила его какая на стороне, а может, и не на стороне, наверное, он и раньше знал Марине, потому в тот несчастный день и поехал за автобусом... Ну, а потом уже сам Господь сменил гнев на милость и позаботился о том, чтобы этот плод грешной любви оказался вдруг здесь, у могилы отца... Элефтер и сам понимал всю нелепость своих мыслей, но

неужели не найдется человека, — ну, Господи, что тебе стоит! — который вдруг подойдет и скажет: «Поздравляю, Элефтер, оказывается, у тебя есть внучка! Дочь Амирана?..» И он с готовностью поверит в это всей своей истосковавшейся душой...

— Как тебя зовут?

— Мариха!

— Родители у тебя есть?

— Мамы у меня нет и папы тоже нет! — заученной скороговоркой ответила девочка.

«Похожа!» — убеждал себя Элефтер. Его все больше охватывало нетерпение — скорее домой, вытащить детские снимки Амирана, еще раз проверить, чтобы убедиться окончательно — похожа!»

— Пойдешь со мной? Покатаю на машине!

Просияв, девочка кивнула головой.

Элефтер кряхтя и держась рукой за мраморную плиту, встал, распрямился, взглянул на девочку с высоты своего роста. Так она вообще казалась махонькой птичкой. В чем только душа держится! Мариха доверчиво протянула ему руку, и они пошли.

Крупный, грузный Элефтер ступал сейчас осторожно, стараясь приноровиться к семенящим шажкам девочки. Пройдя несколько шагов, он остановился, обернулся, но глаза уже плохо видели и лицо сына на фотографии расплывалось. А Мариха помахала мраморной плите рукой — «До свидания!»

Они шли извилистой тропинкой. В голове у Элефтера царил полный хаос. Он уже и сам не понимал, чего хочет, что собирается делать, куда и зачем ведет эту девчушку.

А Мариха семенила рядом, стараясь не отставать, и от усердия махала свободной рукой — взад-вперед, взад-вперед. Она доверяла этому незнакомому человеку, ведь он увел ее от непонятной таинственности кладбища, но и была слегка напугана его странным, упорным молчанием.

На обочине стояла «Нива». Элефтер освободил руку и открыл дверцу. Мариха засуетилась, плюхнулась на переднее сиденье, сразу же схватилась за руль, опасливо взглянув при этом на Элефтера, — не сердится ли? Точно так вел себя Амиран, когда ему было годика три.

Элефтер не сердился. Ни тогда, ни сейчас. Он уселся в машину, и, когда взялся за руль, крохотная ручка спряталась под его натруженной лапой. Это прикосновение напомнило давно забытую ласку, и у Элефтера потемнело в глазах. Он не помнил, как включил стартер, как передвинул рычаг скорости. Машина тронулась с места. Он вел ее, как пьяный, и доехал до дома только благодаря интуиции и многолетней привычке.

Элефтер остановил машину, вышел, обошел ее кругом и взял девочку на руки. Она обхватила своими тонкими ручками его шею,дохнула ему в щеку и замерла. Вот так обычно замирал и Амиран, когда он брал его на руки... Вначале Элефтер даже не почувствовал веса Марихи, настолько она была легкой, но мысль о сыне сразу обессилила его, рука отяжелела, как будто он нес двоих — Мариху и Амирана. Так с двумя детьми на руках он и вошел во двор, ступил на лестницу и вдруг испугался, что упустит детей. Он осторожно опустил Мариху на ступеньку и потер занемевшую руку. Оглянувшись назад, на машину, Элефтер спустился с лестницы, вкатил «Ниву» во двор и, закрывая ворота, крикнул проходившему мимо парнишке, чтобы тот зашел в детдом и предупредил насчет Марихи.

Потом снова поднялся по лестнице, открыл дверь в большую затемненную комнату, святилище Амирана, помедлил на пороге, будто боясь испугнуть кого-то, даже чуть-чуть попятился назад. Но пока он колебался, Мариха робко вошла в комнату, остановилась посередине и принялась осматриваться.

Элефтер молча наблюдал за ней. Девочка обошла комнату, рассматривая фотографии Амирана и его вещи. Так рассматривают посетители музея выставленные экспонаты, хотя вряд ли Мариха вообще знала, что такое музей. Обойдя всю комнату, она еще раз подошла к большому снимку Амирана, поднялась на цыпочки, чтобы потрогать его, но не дотянулась. Элефтер поднял ее на руки. Мариха ласково провела рукой по лицу Амирана. А Элефтер изучал с близкого расстояния профиль девочки, и сердце у него колотилось — похожа!

С Марихой на руках он вышел из комнаты и со-

шел вниз. Вошел в кухню, посадил девочку к столу.

— Кушать хочешь?

— Хочу!

Элефтер открыл холодильник и стал шарить в нем наугад, представления не имея, где что лежит...

Примерно через час пришла Мавра. Она тяжело дышала и держалась рукой за сердце, по лицу струился пот. Еще издали она встревоженно окликнула мужа:

— Элефтер, что случилось? — и в изумлении остановилась на пороге.

Элефтер и Мариха сидели рядышком за низким кухонным столиком. Перед ними стояли парадные, с узким горлышком бокалы, кувшин с вином и бутылка лимонада. Элефтер, как положено, произносил тосты:

— За здоровье вислоухого мишки! А теперь — за куклу! А теперь — за твой хитрый носик и ушки на макушке!

Они торжественно чокались, и Мариха заливалась веселым смехом...

Мавра долго наблюдала за ними, потом тяжело опустилась на стоявший у дверей табурет и притворно сердитым голосом прикрикнула на мужа:

— Ты что, старый, сдурел, что ли?!

В ту ночь, уложив Мариху спать, они долго шептались в темноте.

— Похожа, клянусь именем Амираана, похожа! — страстно убеждал жену Элефтер.

«Ты что, ослеп? Ни капельки не похожа!» — хотелось сказать Мавре, но она удержалась, все еще напуганная этой внезапной переменой в муже.

Проснулись они оба ни свет ни заря.

— Ну что, решил что-нибудь? — спросила Мавра.

Элефтер не ответил, кряхтя поднялся, оделся, вышел в ту комнату, где спала Мариха, и долго всматривался в лицо ребенка. Потом Мавра услышала его сдавленный шепот:

— Очень похожа, поверь мне! Я знаю, что говорю!

Окончание следует

Перевод Нелли СОЛОД.

Манана КВАЧАНТИРАДЗЕ

ОБЗОР ГРУЗИНСКОЙ ПРОЗЫ (1990 ГОД)

Согласитесь, один год — слишком короткий промежуток времени для глубокого и основательного анализа литературного процесса. Сложность заключается в двух аспектах: в первую очередь, объективном, вытекающем из самого процесса — короткий промежуток времени содержит меньше возможностей для выделения характерных для него признаков и процессуальных особенностей; во вторую очередь, субъективном — слишком узкий горизонт охваченного времени затрудняет объективный анализ. Эти трудности характеризуют не только литературный, но любой, тесно взаимосвязанный со временем анализ. Так или иначе, надо оценить художественную прозу прошедшего года, выделить тенденции, новизну, разграничить более ценное от менее ценного.

В сегодняшней публицистике и художественной прозе функции разделились следующим образом: публицистика активно откликается на актуальный общественно-политический процесс, так сказать, «работает» на сегодняшний день, художественная литература же по-прежнему старается исследовать сущность человека относительно «вечности». Грузинская проза не выказала особенного стремления идти по следу текущих событий. Трудно сказать, не хватило ли ей «оперативности», или «оперативность» не стала для нее главенствующим

* Статья первая.

принципом, думается, скорее второе, «преодоление» времени подразумевает эстетизацию явления, главный же признак современности — именно невозможность этого «преодоления» по причине необыкновенно быстрого развития событий.

Известно, что проза подразумевает повествовательный момент, явление превращается в историю, по сути своей отличающуюся от него, ибо явление жизненно, единично, феноменально, оно никогда не формируется в историю в рамках реальности (Бахтин) и всегда свободно в своих собственных рамках, превращение в историю означает заключение явлений в эстетические рамки (сюжет, композиция, характеристика персонажей — пограничные моменты) и рождение новой эстетической жизни. Эстетизация явления, превращение его в историю содержит неограниченные возможности нового психологического воздействия.

В прозе 1990 года я бы выделила тенденцию показа «жизни». Это не попытка тематической классификации материала, это — внутренний художественный существенный признак как романа (самого по себе), так и рассказа («Построивший дом» Мурада Чантурия, «Аллего или хроника одного года» Ираклия Какабадзе, «Одинокий вне одиночества» Зазы Энукидзе, «Хорешан» Омара Турманаули, «Занавеси» Резо Морчидзе, «Караульный Берия» Владимира Джологуа, «Ремесло» Отиа Иоселиани и другие). Для рассказов подобного типа характерна обработка жизненного явления, передача его «крупным планом», превращение в «жизнь», возведение на общебытийный уровень. Эта тенденция возникла не вдруг, она характерна для прозы, но в последнее время высвечивается особенная склонность литературы — превращение ее в философскую мифо-поэтическую, психологическую, национальную, моральную, эстетическую ценность, спасение самого даже незначительного творения человеческой души. Видимо, эту тенденцию следует считать проявлением борьбы писателей против ценностного вакуума. В рассказах, романах и произведениях документально-мемуарного жанра эта эмоционально-смысловая структура превращается в организующую основу эстетической идеи. В этом смысле она отражает как сложный процесс формирования морально-нравственных ценностей человека или, напротив, их распада и смены, так и всю новизну и традиции в области формы. Сложность охвата «жизни» в кратком жанре рассказа связана с художественной деформацией событийного, физического времени в сторону сперва психологического, затем художественного времени-простран-

ва. В ограниченный промежуток художественного времени рассказов Резо Инанишвили («Мнатоби», № 7) вписан весь психо-эмоциональный жизненный опыт, конкретное же пространство приобретает значение бытийного места вообще. Человек и его каждодневные духовные, физические ли действия отмечены странной, таинственной, почти сакральной силой. Эта сакральность одинаково характерна для всего художественного пространства рассказов Реваза Инанишвили, которое пронизывает неясная печаль от сознания быть человеком. Особое значение приобретают здесь голоса, шум, цвета, шепот. Это прочувствованное (а не осознанное, признак чего и есть дифференциация) единство человека со всем миром вызывает грусть, страх и радость одновременно. Резо Инанишвили создает совершенную литературную форму сакральности ощущений, восприятий и эмоций. Приведу в пример фрагмент из его рассказа «Второй путь» (обратите внимание на метафору жизненного пути): «Инструмент, похожий на железнодорожное полотно — длинный, сверкающий, на нем шпалами настелены звучащие пластины. Он очень осторожно идет по этим пластинам, но ноги все же делают свое дело. Пластины звучат. Их звучание похоже на звук бьющегося стекла и разрезаемого металла, тихий, но протяжный». Это удивительное ощущение собственного жизненного пути, распадающегося на голоса, скрежет и звон — точнейшая метафора откристилизованного душой опыта внутреннего времени. Или впечатляющий образ непонятного печального жизненного пути, грустного путешествия троллейбуса с поразительными, за гранью бытовой обыденности праздничными символами. И тайная суть этой картины внезапно проясняется в нескольких заключительных фразах: «Они вновь едут вместе в неизвестное... Он не любит, когда на какой-нибудь остановке выходит много народу. Пусть лучше люди чаще поднимаются, а выходят пореже, очень страшно оказаться в неизвестности пустым» («Второй путь»). Удивительной, таинственной силой единения человека и природы пронизан этюд «Болезнь», безумной тоской по всему, что материально, вне человека, выражает его духовность, все сознательное и бессознательное одновременно, психогенетическое единство с пространством, в котором человек рождается и живет. Весь чувственный и видимый мир рассказа движется как бы сверху вниз. Лишь временами наперекор этому движению человек протягивает руки — к огню, небу, цепляется за камни и кустарник, стремясь туда, куда стремится его душа, туда, от чего он не может отказаться, чем живет его

бренная плоть, притягиваемая землей. И движущееся вниз, к земле пространство рассказа непостижимо удерживает стремящаяся вверх, интонационно восходящая фраза, держа нас в напряжении от желанной встречи с небесами.

Таким, с воздетыми кверху руками, остается в нашей памяти и маленький мальчик из рассказа «Господи, господи!», который молит Всевышнего быть добрым и милостивым ко всем. Здесь, наверное, к возгласу ребенка присоединяется и голос автора — печальный и всех благословляющий.

В темном склепе экзистенциального одиночества идет к своему концу герой из рассказа Наиры Гелашвили «Одна смерть» («Цискари», № 6). В подавляющей человека бесцветной каждодневности таятся непостижимые для разума неожиданности — вечное клеймо; тавро человеческого существования. За гранью этих неожиданностей одинокого мужчину подстерегает смерть, так как воображение способно дать ответ лишь на то, что истинно. «Диск обычно превращался в цветок», говорит писательница, и эта фраза указывает на определенную склонность пробудившейся на мгновение в душе человека жизненной силы, ту склонность, которая в условиях борьбы за существование чужда вечно дремлющему в человеке поэту. Вчитайтесь в рассказ — мозг пространственно отделен от комнаты. Он отягощен осколками мыслей, представлений и восприятия. Это — мир в черепной коробке, утративший свою форму. Следующее пространство — комната. В комнате «висели предметы», говорит писательница, и это слово «висели» еще больше усиливает ощущение деформации материального пространства, так как притяжение предметов остается без внимания, зато их рельефность, подавляющая, разрушительная предметность бытия проявляются более четко. Выявляется их материальная, пространственная, доступная внешнему опыту природа. Эти предметы ничего не прибавляют внутреннему опыту, так как не в состоянии проникнуть в сферу восприятия, мысли, воображения, изменить художественное пространство. А в такой ситуации неодолимое неосознанное стремление человека к порядку и ясности не может осуществиться. Человек всем своим существом сопротивляется хаосу, беспорядочному, дисгармоничному, непонятному миру. Постоянная потребность в спокойствии и порядке толкает его искать пристанища в мире цифр. В сознании умирающего желанная музыка цифр обретает диссонансное звучание, они уже не могут восстановить порядок. Деформация пространства фиксируется именно в результате разрушения мира цифр.

Вот как рисует писательница картину пространственной деформации: «Его что-то подспудно мучило, из темной, глубины его расслабленного существа всплывал вопрос: почему ноль так далек от единицы?». Этот чистейший каприз разрушенного сознания, ощущение, далекое от реальности и яви, выявляет подтекст этой детали, импульс разгадки кода.

Ноль с течением жизни превращается в единицу, и человек должен преодолеть расстояние между этими двумя положениями, расстояние, дарованное свыше Создателем, если он стремится к самобытности. Физическое доведение на диске ноля до единицы, которое безрезультатно пытается осуществить умирающий, в условиях данной организации пространства и времени воспринимается как подсознательное движение человека к осуществлению своего внутреннего «я», оправданную жизнь.

Опыт психологического времени увязывается с чувством неожиданности. На языке психики оно равнозначно чувству удивления. Удивление же — одно из самых человеческих чувств в эмоциональной сфере. В точной психологической связи с ним находится движение руки от ноля к единице. Точнее, как преодоление чувства неожиданности есть движение сознания к ясности, так и движение к единице есть движение к определенности акта рождения и жизни. Для создания психологического портрета человека найдена самая точная деталь: увлечение цифрами как стремление к порядку и определенности есть стремление человека представить мир как воплощение порядка и закономерности и в этом порядке осуществить свое предназначение, найти свое место. Психологически весьма слаб художественный образ сверкающего шара, который видится герою. Понятие художественного образа тут довольно условно. По существу это скорее психологический образ, нежели эстетический. Этот очерченный расплывчатой оболочкой шар — самый совершенный из всех форм, которые создал творец (земля, планеты, глаз, даже цикличность смены времени происходит по круговой траектории). При виде этого совершенства в герое просыпается подсознательное желание преодолеть внутреннюю опустошенность, придать смысл уже потерявшему для него значение миру — услышать человеческий голос: «Все шло к концу, и его вновь отрезвило желание сказать что-то кому-нибудь, услышать человеческий голос». В этом желании выразилась вечная потребность в сочувствии, единственное безусловное условие для оправдания бытия человека, преодоления одиночества. Величайшим усилием воли он еще

раз пытается проторить путь от нуля к единице. Но sic! На этом пути все охвачено огнем и пройти невозможно.

Ему так и не довелось услышать «слушаю», он последовал за видением матери к белой единице, отстраненный от пространства своего одиночества, вышел туда, где должна была состояться встреча с единицей. На фоне всего этого разрушенного, потерявшего свою функцию застывшего бытия образ человека, связанного необычной пуповиной с матерью и направляющегося к сверкающему шару, воспринимается читателем как свет, движение, как скорбь и ожидание одновременно, как шаг от жизни к смерти, из нулевого абсолютного одиночества к иному потустороннему бытию, откуда он и явился на свет, той же пуповиной связанный с матерью.

Комнатное пространство — с осколками мыслей и воображения, утратившими свою функцию, повисшими в воздухе предметами представляет по существу несостоявшееся, не осуществившееся временное пристанище человека, переход из бытия к небытию (писатель фиксирует весь антиэстетический антураж комнаты: гнилое яблоко, упавшую в скисшее молоко муху. Здесь нет никого, кто бы отогнал муху, восстановил порядок, придал пространству жилой вид). Это переход, в котором не осуществилось движение от нуля к единице, в котором движение одного человека к другому, к живому существу стало его движением к никому. Нарочито растянутое мгновение перехода человека в мир иной, его преобразование создается художественным временем рассказа.

Комнатное пространство — воплощение бесплодности человеческого бытия. В мысленных и воображаемых образах персонажа, в его восприятии и ощущениях выявляется движение человеческой души к Богу, от абсурдного существования к истинному бытию. В этом движении от нуля к единице, во внутренней эмоциональной напряженности фразы, в ее безоговорочной исчерпываемости и в то же время многозначительной незначимости читается тайное, вечно неосуществимое и пустое обещание. Обещание подразумевает ожидание. Поэтому направленность и неожиданность эмоций героя на уровне психики точно соответствует неожиданности этого ожидаемого и пустого бытия.

Драматическое несоответствие внешней сути человеческого бытия и его внутренней данности, феноменальная невозможность согласия пробуждает в нем чувство гостя этого мира («Прошло уже 35 лет, как я хожу по земле, ношу эту фамилию и не привык к ней, как не привык к земле... Навер-

ное, потому, что мне на роду так написано». («Собственное имя»). Главнейшее достоинство Наиры Гелашвили как гражданина и писателя — постоянное стремление преодолеть эту невозможность, и она осуществляет это путем этизации и эстетизации назначения человека. Первая создает мировоззренческую основу ее творчества и выражается в глубоко осмысленной ответственности по отношению к человеку; основу миропорядка составляет моральная сила любви, добра, прощения, и человек должен искать, защищать и хранить эту силу, даже самое малое, созданное человеком именем и силою любви, пусть даже это будет единственное слово («слушаю!»); есть антиэнтропическое явление, сохраняющее миру жизненную энергию. Личностная свобода — продукт морального сознания и лишь выполненный долг дарует ее человеку («Свобода»). Что касается эстетизации чувства ответственности, она, в первую очередь, проявляется в поэтическом восприятии мира: «Оно навечно захоронено в сером камне, я — под ним, в земле, душа же моя будет кружиться где-то в пространстве, свободная, как улетевший парус. Лишь в уголке чьей-то памяти мы вновь соединимся и вновь нас разлучит темная река забвения, и ничья мысль не свяжет нас» («Собственное имя»). Психологизм Наиры Гелашвили, экспрессия ее чувств заставляют взглянуть в современного человека, которого цивилизация отделила от собственного «я» и который настойчиво пытается восстановить утраченное. В миниатюрах Резо Инанишвили отражены чувства архаичного человека. Бессознательному он предпочитает сознательное, и олицетворяет собой нетронутый цивилизацией, недостижимый для нее, весьма прочный внутренний порядок. Впрочем, всякое сравнение относительно. Хочу добавить: рассказы Резо Инанишвили пронизаны как бы естественным, мирным первобытным эстетизмом, рассказы же Наиры Гелашвили несут на себе печать цивилизованного сознания. Ее стиль — стиль движения сознания, стиль Резо Инанишвили — движение таинственного духа самого мира. У обоих — высокая культура предметов и явлений, подбор точной интонации. У Резо Инанишвили — больше естественности, у Наиры Гелашвили — энергичное движение сознания и чувства.

Трагической неупорядоченностью человеческого существования и обостренным чувством ответственности за него обусловлен в рассказах внутренний диалог, заряженный энергией противостояния, борьбы («Кто вернул меня к себе самому?»): «Я неподвижен, я не могу прийти, но я и отсюда разлит во

всех вас... Чем больше меня мучает моя неподвижность, тем более я неподвижен...» В этой страшной, похожей на сон неподвижности, точнее, логически необъяснимой невозможности двигаться (между прочим, это самая невыносимая для человека неподвижность, и мы всегда просыпаемся, чтобы немедленно включить логическое сознание и убедить нашу потрясенную душу, что такой неподвижности не существует), в упрямом движении бессознательного к другому человеку, к близкому, невольной неподвижности нашего социально-коммуникационного сознания проявляется экзистенциальная бесплодность бытия, невозможность шагов навстречу любви, уродство наших взаимоотношений, несовместимость нашей жизни с нашим же внутренним «я».

В рассказе Наиры Гелашвили («И все-таки зима кончится») чувство времени полностью увязывается с ощущением от встречи с прекрасным миром, с безграничным счастьем осознания его духовности. В мире существуют невидимые глазу внутренние течения духовности, иррациональный закон ее распределения. Именно благодаря его действию счастье выпадает и на долю тех, кто не ждет его, не готов к нему, кому оно и не снилось. Случай иногда странно переставляет фигуры на доске судьбы, и писатель дает своему герою шанс восстановить «пропущенные» весны («Чужая весна»).

Надо сказать, что эта поэтическая и обнадеживающая концепция восстановления «пропущенного» времени, перераспределения общечеловеческого времени — явное исключение в прозе 1990 года. Возможно, еще и потому, что рассказ этот лирический, исключая эпическое видение явлений. Главным пафосом прозы прошедшего года является жесткий обличительный пафос политико-социальных и нравственных пороков.

Тревога за человека, душа и тело которого подвергаются страшному, уничтожающему, продуманному, и шаг за шагом осуществляемому насилию — такова тема весьма интересных рассказов молодого писателя Зазы Энукидзе. Рассказ «Одинокий вне одиночества» («Цискари», № 2) рисует ужасную и правдивую картину армейской жизни, не уместяющуюся в конкретные пространственные и временные рамки сюжета. Наши представления об ужасах армейской жизни перемещаются в плоскость взаимоотношений личности и тоталитарного государства.

В рассказе речь идет только об армейской жизни. Все происходит в строго ограниченном пространстве, и это отме-

жевание от внешней жизни воспринимается не как художественная условность, но как строгая и жестокая правда. Степь это не степь, а полигон. И звездное небо ничего не говорит человеческой душе, граница между степью и небом отсутствует, и у человека появляется чувство, что «он висит над пропастью», солнце или зашло («Солнце угасло, умерло»), или это жестокий наблюдатель, безжалостно освещающий мир, самые темные и отвратительные уголки человеческой души. Пространство кажется стоячим болотом, в которое медленно погружается человек. Вся солдатская жизнь воспринимается подчеркнуто физиологически. Это подчеркнутые физиологические ощущения открывают нам страшные признаки одичания человека, с одной стороны, и опасные масштабы распространения и проникновения в быт скотской жизни, с другой. Разговор о поэтическом восприятии мира звучит здесь цинично, все низведено до неосознанных инстинктов, человек постепенно превращается в скотину, зверя. Жалость — опасное и лишнее чувство в армейском быту. Она заменена отвращением, что мотивировано соответствующей логикой: «Жалость противоречит законам природы и защищает то, что обречено на гибель». Вообще, отвращение — почти единственная форма восприятия мира. Чувство омерзения и тошноты фиксируется повсеместно: у тела Вдовина, у собачьих останков, в любой момент разговора о солдатской жизни. И наконец, солдат противен самому себе (эпизод с гауптвахтой). Это акцентированное отвращение еще более углубляется, расширяется, когда речь заходит о физической сути человека, вторгается в сферу психологии, психологическое же отвращение направлено не к мертвой плоти человека, а к живой, но потерявшей человеческий облик. Писательская точка зрения на суть армейской жизни фиксируется в восприятии читателя именно таким образом: здесь постоянно, перманентно идет растление, и его запах и вкус ощущается во всем, начиная с еды и заканчивая человеком. «Его абстрактный запах, который я не воспринимал, но знал, что он существует», — говорит солдат о Вдовине. Психологический настрой героя предполагает несуществующий запах оскотинившегося человека, служащий в то же время этической оценкой людей, подобных Вдовину. В таких условиях герой рассказа постепенно теряет человеческий облик. На наших глазах разыгрывается жесточайший в истории империй — страшный и циничный — спектакль деградации советского гражданина. Я бы не назвала подобное падение человека трагическим, так как в нем нет ничего возвышен-

ного. В рассказе дана картина перманентного вырождения от человека к животному. И то, что ответственность за это лежит на внешней силе, не решает вопроса. В рассказе объясняется, но не решается проблема падения. И не потому, что у Зазы Энукидзе не хватило сил для этого, но потому что она неразрешима по своей эмпирической сущности.

Сама по себе суть противостояния трагична — это несомненно, но сила, которой противостоит личность, есть конкретная государственно-политическая сила, а не закономерность судьбы, и это не делает чести участникам борьбы, снижает их сопротивляемость. Значительна и вторая причина: ощущение трагизма ослаблено психологизмом. Явление вызывает чувство эмоциональной солидарности, сочувствие.

Главное достоинство рассказа в том, что он психологически правдив. Аналитические мысли персонажа всегда мотивированы его психологическим настроением и обстоятельствами, поэтому их органичность в процессе развития действия не вызывает сомнений. Эта неумолимая жестокость и обнаженность физической боли, описания психо-физиологических восприятий и инстинктов, глубина наблюдений и анализа, весь этот неэстетический, на первый взгляд, материал работает не только на основательную характеристику описанной в рассказе действительности, но и придает ей психологическую убедительность, что имеет решающее значение для эстетического восприятия рассказов подобного типа. Поэтому этот рассказ можно считать победой молодого писателя.

Из нескольких интересных наблюдений писателя я бы выделила два психологически точных момента: бесконечное попрание государством прав человека с невиданным ростом обязанностей последнего перед ним вызывает распад его внутренних психических структур. Этот процесс замедляется в случае, если в человеке силен инстинкт свободы, как проявление человеческой воли. Поэтому в подсознании происходит упорное постепенное перерождение этого инстинкта в разрушительную мстительную злобу по отношению к другим людям, в результате чего инстинкт свободы реализуется в уродливой форме: «Злоба была единственным чувством, которое заставляло меня чувствовать себя человеком... Потом я понял: я был болен злобой». Этот точный психологический вывод открывает путь для нового осмысления психологических корней советской имперской системы. Агрессивный комплекс гражданина империи является тайной психологической опорой не только армии, но и всей государственной системы, ее политической, экономиче-

ской и социальной морали. Он представляет собой неосознанную форму подавленной психики, проявляющуюся в тайной или явной ненависти к другим людям, в желании ^{раз} истребить, уничтожить их.

Вспомним: убив Вдовина, солдат явно освобождается от злости. Так он сбрасывает с себя тяжкий груз армейско-государственной машины, давящий на его человеческое «я», с жестоким упорством толкающий его к рабству («Вдовин — мой злой рок»). Поэтому убийство не ложится грузом на его совесть. Фраза, которую мы приведем, дважды без изменений повторяется в конце рассказа: первый раз сразу же после сцены убийства Вдовина и второй раз, когда солдат стаскивает с тела шинель и заворачивается в нее (!): «Небо было усеяно звездами... Я никогда не чувствовал себя так умиротворенно».

Эта неожиданная умиротворенность сводит на нет неловкость читателя, вызванную яркой жестокостью солдата, его, на первый взгляд, циничным поведением (эпизод с шинелью). Наши симпатии явно на стороне персонажа Зазы Энукидзе. Рассказ не преследует целью обсуждение нравственных аспектов преступления — вся ответственность за деградацию человека ложится на плечи государственной системы. Здесь мы сталкиваемся с совершенно отличной от традиционной, психологически и этически «осовремененной» интерпретацией понятия гуманизма. Достоянием этого гуманизма является максимализм в дефиниции понятия «враг». Полное, бескомпромиссное размежевание с его реальным содержанием (вплоть до физического уничтожения). Главное же в том, что литература говорит полную правду о противостоящих друг другу силах, не смягчает и не отрицает того (не прибегая, между прочим, к лозунгу человеколюбия), что это противостояние — не на жизнь, а на смерть, и решающее значение здесь приобретает сильная воля человека. А это, в свою очередь, означает, что содержание понятия гуманизма по отношению к общественным порокам подразумевает сегодня уже сильную оппозицию личности.

«Это был для меня единственный путь к свободе. Этот путь будил во мне зверя», — говорит герой рассказа. После этих слов уже нетрудно объяснить психологическую основу мотивов убийства, рабская натура людей, подобных Вдовину, вызывает в лучшей, свободолюбивой части общества гнев и злость. Поэтому из психологически противостоящих друг другу частей общества одна (Вдовин и ему подобные) почти ничего общего не имеет с человеческой сущностью (как рабы),

другая — также далека от нее, так как идет по пути греха (как убийцы). Это непримиримое противостояние обязательно должно разрядиться, что и происходит: в лице Вдовина солдат уничтожает метастазу скотского рабства, все, что олицетворяет собой Вдовин — несостоявшегося человека, добровольный отказ быть им, уничтожает пушечное мясо, которое производит деспотичная и циничная машина власти. И читая этот рассказ, мы сочувствуем персонажу Зазы Энукидзе именно благодаря его исключительности.

Психологический механизм, вырабатывающий у людей, подобных Вдовину, примиренчество к жизни, вновь дает о себе знать в отрывке из романа Владимира Сихарулидзе «Тиран» («Мнатоби», № 8). Если Вдовина мы все же воспринимаем в какой-то степени как жертву социального и политического строя, то агрессивность Сереги носит генетически заданный характер. Агрессивность забитого раба, рядящаяся в одежды правдолюбия и нравственности, в социальном плане еще более опасна, чем импульсивная злоба Вдовина. Эта ожесточенная, порожденная собственной невезучестью истеричная мстительность приносит герою рассказа большие несчастья.

В «Тиране» присутствует скрытый психологический мотив, параллельно которому развивается повествование. Это мотив нарушения внутреннего равновесия человека в результате упорного давления извне. Так, благодаря Сереге, постепенно исчезают любовь и доброжелательность к людям у Фомы, Серега размалывает их и превращает в прах с упорством и упрямством грызуна. «Как голод мучает человека, так и это мучает меня!». Для другого персонажа, Мариам, Серега — «тиран» или олицетворение страшной уничтожающей силы, той силы, которая в представлении женщины абстрагируется с образом танка, которая убивает ее любовь и счастье. Под этим конкретным образом подразумевается разрушительное, всеобъемлющее насилие вообще. Главный признак его — напористая целеустремленная просачиваемость, импульс агрессивности заложен и в государственную власть и в отдельного человека. Эта сила с упрямством и яростью жаждущего рушит последнее пристанище человека — будь то самые недоступные глубины его психики или же историческо-территориальные структуры государства, возвышенное единение влюбленных или моральные традиции общества.

Поэтому неудивительно, что герои Зазы Энукидзе и Владимира Сихарулидзе берут в руки лопаты и топоры, чтобы защитить себя от этого агрессивного зла. И все-таки, несмотря

на внешнее сходство, позиции Зазы Энукидзе и Владимира Сихарулидзе принципиально отличаются друг от друга. Обратите внимание: занеся топор, парень готовится не к атаке, но к самозащите, так как заповедь «не убий» для него — непреодолимый моральный барьер. В то время как один взгляд Вдовина вызывает в солдате внутреннюю готовность убить его. Герой Владимира Сихарулидзе пытается защитить свое человеческое «я», не разрывая связи с морально-религиозными традициями, а персонаж Зазы Энукидзе во имя этой же цели отказывается от этой традиции.

Весьма интересна увиденная в том же ракурсе наша общественная жизнь, нашедшая отражение в рассказе Ираклия Какабадзе «Allegro или хроника одного года» («Цискари», № 9). «Социальная апатия» крайне безобидное понятие в сравнении с теми явлениями, в результате которых гибнет молодая жизнь. Мы привыкли для преступного равнодушия общества находить социальные термины, в действительности же под этими терминами кроется элементарная, жестокая безответственность людей за судьбу другого человека, страшное равнодушие ко всему, что происходит вокруг них, полная несостоятельность и неумение перешагнуть через свое ограниченное, неосознанное и потому несвободное «я» и в сложном переплетении ощущений и эмоций выделить и руководствоваться самым главным — человеколюбием и добротой.

Рассказ Ираклия Какабадзе посвящен одной из самых актуальных проблем современности — наркомании. Перед нами — ограниченная во времени история человеческой жизни; на темп развития событий, степень ритмической напряженности повествования указывает название рассказа.

Фабула такова: случай сближает двух ребят. Один — охваченный «социальной апатией» наркоман, второй же — чистый, романтической души человек. Именно эта необычная чистота, внутренняя доброта влечет первого ко второму, но дружба окажется роковой для Ачо. В поисках героев для своих рассказов он знакомится с группой наркоманов и сам попадает в ловушку. Правилom его жизни становится то, чему он внутренне яростно противится. Последнюю надежду Ачо возлагает на творчество, но и здесь его ждет крах. Социальная несправедливость, семейные неурядицы, бездушные окружающих толкают его на отчаянный шаг — он кончает жизнь самоубийством.

«Он как бы придавал мне жизненную силу...» Брошенная где-то в начале рассказа будто бы невзначай эта фраза при-

обретает психологическую точность позднее, после того, как старший из ребят вернется к нормальной, здоровой жизни и сам же скажет: «Постепенно ко мне возвращалось и желание бороться». Что же происходит с Ачо? «Знаешь, как не хочется сдаваться, — говорит он, — но, мне кажется, что все хотят, все вынуждают меня сдать». Страшное и отчаянное обвинение звучит в этой очень точной, по-детски беспомощной фразе. Ачо — герой, чья жизнь не состоялась, не осуществилась. Он постепенно лишается той жизненной силы, которая дарует человеку счастье, ожидание чего-то необычного, веру в то, что его надежды и помыслы сбудутся. Каждое соприкосновение с жизнью, с людьми отнимает у него эту силу, и весь процесс постепенного опустошения — напряженный, убыстренный, ведущий к роковому концу — происходит на наших глазах. Жизнь, о которой рассказывает автор, очень реальна, впечатляющ и трогателен портрет Ачо, точны диалоги, психологические детали. Рассказ оставляет ощущение боли, четко выраженной, мучительной боли за погибшую прекрасную жизнь, и эта боль, как мне кажется, является подтверждением успеха писателя.

Несколько слов о некотором своеобразии формы рассказа, имеющем с точки зрения эмоционального воздействия на читателя решающее значение. Рассказ начинается сценой самоубийства и заканчивается сценой признания в убийстве, что само по себе не является чем-то особенным. Но благодаря этому приему хроникальная форма очень эффективно вписывается в напряженный, быстрый темп «allegro». Действие развивается свободно. Два времени — рассказчика (психологическое) и жизни Ачо (объективное) уместаются на одной плоскости. Рассказчик является одним из двух главных действующих лиц. Параллельность ответственности рассказчика и героя повествования таит в себе немалую опасность. Она должна эстетизировать объективное время (жизни Ачо), так как смерть внутренне обязывает к этому (эстетизация здесь — форма спасения прошедшего), и в то же время дать самому себе объективную оценку. И именно в этот момент читатель чувствует присутствие еще одного, невидимого героя рядом с рассказчиком. Это — совесть, проснувшаяся моральная ответственность за всех тех людей, с которыми жизнь столкнула героя рассказа. Именно голос совести звучит в его словах: «Жуткая дурнота накатила на меня... Я понял, это мы убили его. И не только мы, а все те, с кем он общался. И я почувствовал омерзение к себе самому и ко всем остальным». Это омерзе-

ние и ощущение дурноты — безошибочная реакция человеческого организма на глобальную безнравственность, равнодушие к человеку со стороны общества и личности.

Убийство Гоги — вполне осознанный шаг героя рассказа, ощутившего собственную нравственную ответственность. Ту социальную ответственность, которая проснулась в нем со смертью Ачо. Этим поступком он превращает в реальность свою пробудившуюся веру в нравственное назначение человека.

Достаточно бросить беглый взгляд на художественную прозу 1990 года, чтобы обнаружить весьма обострившееся чувство времени и различные пути художественно-эстетической реализации его с точки зрения как общественно-национального исторического времени, так и внутреннего психологического времени личности. Достаточно привести названия произведений: «Аллего или хроника одного года», «Февраль», «Год», «Час шестой», «Чужая весна»... Так что общим признаком художественной прозы прошлого года можно считать тенденцию аналитического отношения ко времени. Здесь же возникает проблема гражданской и индивидуально-личностной ответственности человека по отношению ко времени.

Это особенное чувство времени не ново и не случайно. В усиленном интересе писателей 70—80 годов к перцептивному времени проявилось трагическое содержание нашего общественного сознания — питаемый друг другом личный и национальный трагизм. Время учитывает содеянное человеком, и он воспринимает его как форму осуществления собственно человеческой сущности. Историческое время в национальном сознании — это вырванное у судьбы время, психологический опыт преодоления детерминации как результат национальной силы. Наша общественная жизнь последних десятилетий — бесплодная борьба против политико-государственной детерминации. Она завершилась ситуацией, в которой народ заявил о себе, как о народе. (Гии Нодия принадлежит формула: «Народ — это мужество быть народом». По его словам, это известная формула Мераба Мамардашвили, перенесенная в национальную плоскость. Формула же Мераба Мамардашвили звучит так: «Человек — это мужество быть человеком»).

К сожалению, единение национальной и личностной воли осуществилось лишь частично. Точнее, народ действительно проявил мужество быть народом, но тот нерв, который придает смысл и оправдание существованию человека, в частности воля к нравственной самореализации, в грузине еще не так силен. Одним словом, волеизъявление нации и конкретного че-

ловека в нашей действительности совпало лишь частично. И совпало на уровне бессознательного, в сознании же этому единению помешал подавляющий эту волю восьмивековой, двухсотлетний и семидесятилетний балласт. Возможно, это соображение не до конца продумано и безосновательно. Будущее покажет. Только время создает перспективу для оценки истории, и в этом нас еще раз убедил роман Левана Хаиндрава «Час шестой» («Гантиади» № 3, 4, 5, 6, 7, 8).

Роман посвящен трагическим событиям 9 марта 1956 года. Существуют разные точки зрения на этот кровавый политический спектакль. Одна из них, самая распространенная, связывает эту грандиозную демонстрацию национального протеста с личностью Сталина. Парадокс истории в том, что закономерный взрыв свободного волеизъявления грузинского народа связан с именем человека, всю свою сознательную жизнь посвятившего удушению его свободы. Парадокс требует объяснения, и «Час шестой» дает возможность читателю пересмотреть свои взгляды. Главное достоинство романа именно в том, что взрыв национального самосознания связан в нем с сознательным выбором личности.

Сюжетное время романа — время всплеска новой волны репрессий, обрушившихся на достаточно большую часть общества, искалечивших судьбы и жизнь сотен и тысяч людей. Характерная черта общественной жизни — страх. Сигналы, предвещающие беду, прорываются уже в экспозиции: здание ЧК, сон Нодара эмоционально подготавливают читателя к правильному анализу будущих явлений. Свист холодного, сухого северного ветра, жалобный детский плач, переходящий в гудение проводов, непроглядная ночь... и ощущение Нодара, что в нем что-то дрогнуло, проснулось, готовится к встрече с будущим. Это неосознанное движение души — подготовка ко встрече с временем, с тем временем, которое по предназначению судьбы должно погубить его. Небольшое примечание: историческая судьба — термин условный и не является смысловым слиянием этих понятий, это скорее всего их эмоциональное согласование, так как идея судьбы подразумевает непознанную детерминацию, история же — это познанная, целенаправленная, осуществленная жизнь человечества. То, что направляет время романа как необходимость — государственно - политическая детерминация, всеобъемлющая, всеподавляющая сила.

Как мы уже сказали, в экспозиции чувствуется ожидание встречи с чем-то значительным и страшным, звучит мо-

тив обреченности и одиночества. Это четко выраженное настроение главного героя, наряду с которым, однако, читатель ощущает и его человеческую ответственность за другие жизни. Это психологически весьма точное движение души заканчивается полным пробуждением морального сознания, которое направляет всю последующую короткую жизнь героя и определяет его выбор: погибнуть за идею свободы.

Символом исторического парадокса выступает финальное пространство романа, опасное и мощное движение невидимых потоков веры и свободы к месту, которое менее всего заслуживало честь быть резервуаром этих потоков. Движение людских масс к памятнику Сталину точно отражает весь спектр общего настроения народа, начиная от страха и неопределенности и заканчивая верой и надеждой на свободу, той все несбывавшейся надеждой на то, что «каждое новое поколение Грузии нельзя утопить в крови!».

Наша совесть, любовь, свобода — все честное и благородное, что, оказалось, зрело к этому моменту в каждом из нас, устремилось сюда, может быть, не столько для того, чтобы обрести или принять, сколько наоборот — отдать и разделить то, что мы скрывали десятилетиями, направить в единое русло, кто знает какой ценой сохраненную духовную энергию. Здесь собиралась эта энергия — она исходила и от нервного танца, от страстной молитвы, от песни — собиралась, передавалась, овеществлялась, горела.

«Ты их не знаешь!» — на долю каждого нового поколения Грузии выпало услышать эти слова страшного предостережения, которое исходило от предыдущих поколений, услышать и все же не внять им, не суметь стерпеть или не захотеть стерпеть, так как в нетерпении была сила; нетерпение сохранило нам историю, культуру, время. В нетерпении была свобода, не «пустой ее звук», но борющийся, преобразующий, созидательный дух.

И вот здесь, у памятника Сталину, в марте 1956 года свершился еще один жестокий приговор судьбы, пролилась самая чистая кровь Грузии, пролилась во искупление тех грехов, которые совершили перед человечеством основатель Советской империи и его последователи. Но это уже мифологическая интерпретация происходящих в романе событий, и все же не лишено интереса: реализована ли в нем в каком бы то ни было виде эта, определенно идущая из глубин мифологического сознания, идея? На этот вопрос мы должны ответить утвердительно, несмотря на то, что роман реалистический, и он свободен

от мифологической интерпретации событий в какой бы то ни было форме, за исключением разве что названия, которое указывает на время, следующее за временем, и окончание, следующее за окончанием. Эта идея существует как мыслительный фон для исторического, социального и нравственно-психологического анализа развернувшихся в романе событий.

Можно без конца спорить, во имя чего пожертвовали собой эти молодые люди. В связи с девятым апреля подобный вопрос звучит риторически. Но в отношении девятого марта он имеет вполне реальное содержание. Именно на этот вопрос отвечает роман Левана Хаиндрава, с учетом мыслительной перспективы и опыта наших дней представляющий точку зрения писателя на все трагические явления последних семидесяти лет.

Грузинский народ принес в жертву лучших своих сынов (и не в первый раз) политическому молоху, который попытался путем поразительного эксперимента нарушить естественный ход истории. Циклическая повторяемость жертвоприношений, ритуальность и численность жертв на протяжении семидесяти лет влекли наше логическое сознание к глубинам мифа. Но это еще один повод задуматься и о силе сознательного личностного выбора человека. Того самого выбора, которому в 1956 году не дано было осуществиться, ибо история была еще не готова оценить такую жертву. Роман и создан для того, чтобы, наконец, оценить ее, обессмертить наскоро закопанных в землю несчастных юношей и девушек, этих безымянных героев, будущих интеллигентов, которым суждено было погибнуть, и дать росток удивительному и прекрасному цветку свободы, причем в самом неподходящем окружении — в рабском застенке. И люди, сделавшие свой выбор, пожертвовавшие своей жизнью, были самыми честными и преданными своему народу людьми — воспитанными на крупицах пронесенного через муки и страх достоинства и вместе с этими крупицами воспринявшими, что ничего, абсолютно ничего, даже самая малая толика достоинства не исчезает бесследно.

Читатель несомненно отметит в прозе прошлого года новые точки зрения на наше ближайшее историческое прошлое. В этом аспекте один из основных признаков грузинской прозы 60—70 годов — «пафос правдоискательства» (Гурам Асатиани) — отличается сегодня большей политической и социальной остротой. Под этим «большей» необязательно подразумевать качественный показатель прозы. Здесь речь идет о большей возможности говорить правду. Так что сегодняшней

грузинский читатель может с большей глубиной осознать своеобразие эпохи, по-новому оценить исторические явления.

Интересна в этом отношении публикация нашумевшего рассказа Николо Мицишвили «Февраль» («Мнатоби» № 7). Известно, что различное отношение к материалу создает различные варианты эстетизации явлений. Существуют разные точки зрения на исторические события 1921 года, об одной из них («Тари-Арале» Стефанэ Касрадзе) мы поговорим ниже. Что касается рассказа «Февраль», то отношение писателя к февральским событиям в нем строго реалистично. Пафос писателя здесь — в почти документальной правде, а не в эстетизации сути явления, как это мы видим в «Тари-Арале». Есть еще одно принципиальное различие в позициях двух писателей. Рассказчик в «Тари-Арале» анонимен, он не дает политической оценки событий и не выступает адептом какого-либо социального слоя или психологического типа. Главный же герой рассказа «Февраль» — грузинский интеллигент, и историко-политическая оценка им февральских событий соотнобразуется именно с позицией интеллигенции. Позиция персонажа, в основном, воспринимается как отражение точки зрения писателя, но границы мыслительного пространства в рассказе все же шире, чем это чувствуется по позиции персонажа; явление увидено в двух ракурсах: один — общий, как исторический факт, второй же — преломлен сквозь призму мыслей и чувств интеллигента. Именно между этими двумя ракурсами и возникает мыслительное пространство читателя, необходимое условие для выработки его собственной точки зрения, здесь же рождается критическое отношение к оценкам интеллигенции.

Художественным эквивалентом объективности писателя выступает в рассказе эмоциональная интонация его (иронический тон повествования) и особенная организация времени и пространства.

Время в рассказе «Февраль» — настоящее, выпавшее из настоящего, уже не являющееся настоящим. Но оно пока и не прошедшее. Оно становится прошедшим лишь тогда, когда в нем возникает фантом будущего. Настоящее начинает отступать назад, к прошлому. Именно этот ракурс времени использован в рассказе «Февраль». Его содержание заключается в отношении психологического времени рассказчика ко времени реальному. Это отношение содержит оценочный момент. Формообразующей структурой в «Феврале» предстает переходное время-пространство, в котором деформация сфер политической жизни, социального быта и психики личности с самого

начала — столь глубокого исторического значения, что становится своего рода символом на распутье эпох.

Функция художественного времени в определенной мере ослаблена за счет усиления функции пространства. Точнее, восприятие признака времени происходит через восприятие признаков художественного пространства. Рассказ начинается так: «...Был март. 1921 год. Город Батуми. В этот день Батуми стал другим. Значит, это был последний день...» Речь идет о последнем дне свободной Грузии. Исключительность этого дня определена с самого начала. Это — день смерти. Весьма недвусмысленное сравнение ворвавшейся в Грузию чуждой массы со стихийным природным явлением и картиной затопленной океаном суши (весь Кавказиони, Тбилиси, Кутаиси, Батуми — берег) эмоционально готовит нас к вопросу: что же начинается отныне? Новая жизнь или смерть? В этом пространстве возникают два пути — «оба одинаково опасные — над пропастью. Хождение по лезвию ножа». Все пространство заминировано неожиданностями, у нового нет пока своего места, а старое — потеряло его. Таково обычно переходное пространство. Лишь глаз художника упорядочивает хаос. Здесь даже март («Март плакал еще надрывнее» — то есть горше, чем обычно) — участник исторической бури. Национально-политическое перепутье Грузии — в то же время и скрещение погод.

В этом переходном пространстве появляется человек, которого писатель называет «гражданином»: «Он стоял на распутье. Похожий на мокрого воробья, который зимой обычно сидит на острие кола». Гражданин — часть массы, потому что он безымянен. Его отношение к этому распутью — отношение одного из многих, ничем не отличающегося; воробей на острие кола зимой олицетворение непринадлежности, беспризорности, он принадлежит лишь зиме.

В этом хаотичном пространстве — непрерывное, оживленное, нервное движение. Отрывистые, оборванные фразы как бы отражают тревожный ритм этого движения. Вот один из его «центров»: «Чемоданы — оценены, в них появилась потребность атмосферная». Ирония рассказчика адресована времени, когда потребность человека в чемодане может стать атмосферой.

Пространство разделено на ряды, улицы, духаны; духаны — на группы людей. Люди внутренне сомневаются, они раздвоены, и в этом хаосе, в нервном нетерпении и дрожи «возникают пути» встречи с неизвестным. Пространство заполнено ожиданием, конкретней, ожиданием опустошения или упо-

рядочения его, потому что пространство заполнено людьми, животными, фазтонами, другими предметами и еще... страхом. Все сокрушающим и подавляющим страхом перед неясным будущим: «Никто не знал, что будет завтра». Это пространство не биологическое и даже не просто социальное. Это — слепенное из осколков всего и вся и нераздельное благодаря страху эмоциональное пространство. Именно в этом функциональное назначение пространства в рассказе. «Был страх, как клин, воткнутый в сердце» — даже внутреннее психологическое пространство человека аналогично деформированному физическому пространству.

Вот в этом пространстве и появляется единственный персонаж рассказа Симон Ахалкаци, филолог из Московского императорского университета. Контраст между пространством и человеком очевиден. С суетным пространством его связывает лишь внешний признак — движение. Внутри же него — неподвижность. «Он как будто мертв», — говорит автор. Позднее мы узнаем и причину этой неподвижности: он страшно устал и внутренне опустошен от пережитого, перенесенного.

У человека появляется желание противостоять политическому шторму и спасти себя. Назовите это, хотите, жаждой жизни или инстинктом обывателя. Факт в том, что Симону дает знать о себе сперва голод, потом пробуждается сознание.

С батумских улиц автор перемещается в залы городского Совета. Как видим, развитие сюжета выражается в изменчивости внешнего пространства и внутреннего настроения человека. Пространство зала лишь с виду контрастирует с внешним пространством: за окнами шум, в зале — жуткая тишина. По сути же и там, и тут — одно и то же, одинаковое отражение того, что произошло: визг паровоза (извне) и гробовое молчание (внутри) — сигналы, в равной мере свидетельствующие о конце, смерти. Поэтому в подсознании Симона они вызывают такие же ощущения, какие испытывались при соприкосновении со смертью. Вот портрет оратора: «Очень черный, бородатый, сутулый, опирающийся на зонт». Эмфатичность речи усиливается путем подчеркивания черноты, уродства: «Протянутая рука этого черного человека как бы заставила оцепенеть народ». Не будь этот рассказ непосредственным плодом впечатлений от двадцать первого года, этой фразе можно было бы придать значение авторской антиципации. Эта черная рука отныне будет направлять судьбу Грузии таким образом, что постепенно она утратит волю и жизнь. Вспомним неожиданный и эмоционально сильный образ: «Широко распахну-

тые глаза кружили по залу». Он говорит нам и о весьма широком взгляде и в то же время о неприятном, болезненном нетерпении или ожидании. Это — жизненная сила, инстинкт, которые сильнее усталости, грусти, горя: «Как будто все стояли перед концом. Как будто ждали приговора...» И вот он, приговор: «Неожиданно в этой могильной тишине погасла сияющая люстра. Угас свет». Эта неожиданная темнота бомбой взрывается в оцепеневшем от страха зале. И под конец: «Раздался мертвый голос мертвого человека, и умер зал, сердце забило гвоздями, и оно остановилось...» Созданная писателем картина говорит о тотальном, владевшем всеми страхе. Согласитесь, конец картины впечатляющ. Человек умолкает, следует пауза, и в этой паузе (между второй и третьей картинами) — напряженное ожидание осужденного, затаив дыхание, не слыша биения собственного сердца, с «широко распахнутыми глазами» ждущего приговора.

В следующей картине эмоциональное воздействие на массы достигает апогея. Переключение сознания на новое коммунистическое мышление должно произойти в условиях массового психоза и происходит то, что неоднократно будет иметь место в будущем — голос, слово покоряют зал. Новое правительство выносит историческое решение. Потный от страха и тесноты зал, изнуренный ожиданием и усталостью, начинает испытывать воздействие большевистской агитационной машины, и произнесенные здесь слова станут основой оценки истории на протяжении многих десятков лет. Новое правительство объявляет себя хозяином Грузии, и зал (психологически уже хорошо обработанный) встречает это заявление постыдными рукоплесканиями, впрочем, до осознания этого стыда еще далеко. Но это еще не все. На трибуну поднимается интеллигент. Его устами должно быть произнесено последнее слово, и это слово звучит так: «Кто сказал, что Грузия умерла — Грузия лишь сменила рубашку (метафора оратора рождает невольную ассоциацию со «Змеиной рубашкой» Г. Робакидзе). С надеждой взглянем на этот свет. Он согреет наше будущее. Грузия умерла — да здравствует Грузия!» (Здесь подразумевается новая Грузия, контуры которой являлись плодом только и только патриотической патетики и мифологических реминисценций). Да, такова была реальность. Несмотря на весьма нужный и необходимый оптимистический пафос, остается все же необъяснимым выступление интеллигента после черного человека на его стороне. Не знаю, преобладает ли в нас позиция современных критиков или стереотип «контрабандистов, конкиста-

доров и расхитителей национальных богатств» оказался негодным, но, мне кажется, что меньшевистское правительство не заслуживало такой жесткой оценки со стороны интеллигенции. Эту мысль подтверждает хотя бы тот факт, что верные хранители национального богатства и во времена крайней нужды предпочитали голодать, чем разбазаривать народное достояние. Что касается стереотипа «сбежавшего правительства», он представляется мне пустым, бессодержательным сочетанием слов. Бегство — слово, соответствующее реальной жизни. В политике его не существует. Существует поражение. Меншевистское правительство потерпело поражение. А оставив Грузию, оно, между прочим, уберегло грузинский народ от кровавой междуусобной войны. Сегодня, когда мы так или иначе знаем свою историю, пройдя через бесчисленные кровавые репрессии, имеем представление о меньшевистской эмиграции, другая точка зрения, думается, будет не чем иным, как политической наивностью.

Но в «Феврале» страсти еще бушуют, раны — кровоточат, и поэтому, наверное, наша традиционная сдержанность по отношению к побежденным предана забвению. Что представляла собой та сила, уступить которой предпочло правительство свободной Грузии? Об этом говорится в последней же части рассказа. Это — собравшаяся под знаменем революции толпа нищих оголтелых грабителей. Еще один момент, который надо было бы учесть. Отношение ордена «голубороговцев» к социал-демократам было откровенно отрицательным. Так что нетрудно объяснить позицию Николо Мицишвили по отношению к ним. И уже в который раз грузинский писатель ставит вопрос, что он скажет Грузии? Этот вопрос был продиктован внутренней необходимостью и тогда, когда его ставил Илья Чавчавадзе, и тогда в «Феврале», когда его подняло поколение грузинских писателей 20-х годов. О том, что этот вопрос был наиболее важен для интеллигенции, свидетельствует и горячий спор, развернувшийся на страницах сборника «Картули мцерлоба» («Грузинская литература», 1927 г.), во время которого было сказано немало сладко-горьких слов и в котором позиция Николо Мицишвили была весьма сильной и трагической, впрочем, грузинскому сознанию ее трудно было разделить.

Ответ на вопрос дается тут же: «Не знаю, что скажу, знаю, что я остался здесь, что это — действительность и наверное правда». И здесь же, горький, исполненный сомнения сарказм по отношению к себе самому: «Предаешь?». Ответа, который у Ильи Чавчавадзе был под рукой, так как в сущ-

ности его вопрос был с самого начала выражением его же внутренней готовности, интеллигенция 20-х годов XX века не имела. Герой рассказа «Февраль» удивительно искренен, говоря о собственной незащитности: «Не знаю... завтра, послезавтра, позже пойму, прочувствую». Грузинская интеллигенция, изнуренная политической апатией, скатывается на дно, хочет забыться сном: «Как хорошо опускаться вниз, только бы вниз, только бы где-нибудь стать» (вспомним Соломона Перели из «Тари-Арале»: «Когда страдание приходит, не надо шевелиться»).

В неясности и неуверенности — «жив или нет» — бесследно исчезают все другие интересы, утонченные устремления души и сама мысль о родине. В путаных, вырванных из орбиты нравственных ценностей мыслях господствуют инстинкт, страсть, душевный хаос. Интеллектуальные клетки мозга отравляет бактерия приспособленчества. Тут же возникает предосудительная мысль, больше для собственного оправдания, чем для того, чтобы сказать правду: «В конце концов, кто любил этих меньшевиков». Общая правда становится личностной правдой. Они похожи друг на друга, так как исходят из инстинкта самосохранения. Но это все лишь зародыш плебейского единства, рожденного массовым психозом. Ирония писателя в отношении «навязчивой радости гражданина» уничтожающая. Но в то же время она и признание силы самого факта.

Между гражданином и правительством устанавливается новая неестественная форма взаимоотношений: первый патологически боится второго, стараясь тем не менее убедить себя в его доброте. А это говорит о том, что сознание грузинского интеллигента недалеко ушло от потребительской психологии грузинского крестьянина: «Главное, что Грузия есть, а какая она — красная или желтая — мне все равно». Грузинская гвардия еще сражалась, когда гражданин сказал «можно», и в этом слове выразилась горькая и постыдная правда о его отношении к большевистской Грузии. «Так закончился этот день. И в этот день он сказал: можно». Время дало согласие, история встала на службу новому правительству, и интеллигенция оказалась перед необходимостью примирения с новой жизнью.

Николо Мицишвили вновь и вновь возвращается к вопросу отношения к правительству. В этой настойчивости, в частной апелляции к инстинкту жизни, в тех тревожных, исполненных сомнения мыслях, сопровождающих каждый шаг навстречу большевистской власти, наблюдательный читатель испытает

острое чувство ответственности интеллигента за то, что произошло. Почувствует и внутреннее обвинение в свой адрес.

«Слово Тбилиси было сказано на седьмой день». Именно на седьмой день (последний день библейского сотворения мира) Симон нашел то, что искал, что должен был сказать Грузии. В прекрасном гимне Тбилиси и Грузии, пронизанном поэтическим чувством и прасознанием, проявилась та способность души, которая зовется любовью к родине. Наша история осознана нами как часть человечества, ее этно-культурное назначение — как циклический ритуал принесения жертвы, после чего настает момент очищения, возвышения, воскресения.

«Сто лет назад эти места последний раз оросились грузинской кровью. Тбилиси согрелся, и благодать пролитой крови согрела Грузию. Видимо, пришло время новых веяний, время изойти новым теплом. Верно, необходимо было оживить изнуренный было поток.

Наверное, нужна была кровь.

Месяц назад кровь ходила вокруг этого города. Капли капали на его крыши, как из разверстой груди Христа — горячие капли. Такая она, Грузия, думал Симон. Таков он, грузинский путь — Грузия, вытягивающая из себя собственные жилы».

Согласитесь, что и здесь, да и во всей последней главе вера в мессианство нации преобладает над политической оценкой, и это вполне естественно: поэтическое видение грузинского писателя превалирует над реальностью. Поражение в 1921 году, несмотря на весь свой трагизм, оказалось неприемлемым для грузинской психики, ее внутреннего масштабного эстетического пространства. Великому спектаклю поражения, который должен был оставить в памяти народной вместе с горечью поражения роковое возвышенное чувство, не суждено было состояться. (Кстати, именно «бегство» правительства спасло грузинское сознание от этого. Ноэ Жордания был реалистом, демократом, считавшим физическое истребление народа, пусть даже ценой победы, отнюдь не лучшим выходом. Его европейский склад мышления скептически оценивал возможности упомянутой выше архаичной мифо-поэтической формы национального сознания, ареной же рационального сознания он считал реальную историю).

Холодной ночью в Светицховели исполняется вечный ритуал. Грузинский интеллигент возвращается к своему генетико-пространственному истоку. Молчание храма, застывшего в молитве (именно многозначительное молчание, а не тишина) —

точнейший образ грандиозного безмолвного ритуала вознесения к Богу молитвы, вписанный уже в духовный пейзаж мира, «внешнего пространства».

Рассказ заканчивается на оптимистической ноте. Эта нота опять-таки берет начало из глубин мифо-поэтического сознания, хотя, в определенной мере, отражает надежды интеллигента на будущее Грузии. Основательный разбор достоинств и недостатков этого отношения в контексте последующих десятилетий нашей истории в будущем, я думаю, будет необходим. Эту необходимость, как видно, чувствовал и сам Николо Мицишвили, когда публиковал свое известное эссе о Грузии и грузинском феномене. От оптимизма «Февраля» в эссе нет и следа. Этот факт еще раз подтверждает сомнение в том, что интеллигенция 20-х годов не имела продиктованного историей и реальной жизнью, до конца и всесторонне осознанного и сформированного в единую систему отношения к истории Грузии и грузинскому характеру, его этногенетической функции. Не имела рациональной, «философской формулы» для обозрения будущего (Арчил Джорджадзе). Это отношение было заменено мифо-поэтической моделью, на которой прекрасно было видно все необычное и затушевано обычное, каждодневное, порочное. Перемещение взгляда творца от реальности к мифу в определенной мере объясняет те причины внутреннего беспокойства, которые не раз проявились в «Феврале» и которые можно считать сомнениями интеллигента по отношению к себе. Это сомнение — очищающее, ибо оно не отрицает нравственной ответственности человека за государственно-исполнительную силу. Роковое бессилие интеллигенции, которое Николо Мицишвили так глубоко ощущал, являлось, в сущности, реальностью двадцать первого года, злосчастной реальностью покоренной страны, забота о которой возлагалась на политическую силу, лишившую ее свободы. В интонационном многообразии (от иронического до трагического) рассказа, в точных бытовых и психологических деталях, подчеркивающих постепенное стирание личностного, в горьком сарказме («Товарищ, товарищ, как важно, оказывается, товарищество») проявилось эмоциональное отношение писателя к новой реальности. Это эмоциональное отношение нередко выполняет и функцию этической и политической оценки событий, особенно тогда, когда в авторе верх берет свободный гражданин.

Продолжение следует

П. Н. БЕРКОВ О РУСТАВЕЛИ

Обращение русских литературоведов к вопросам изучения истории и искусства Грузии свидетельствует о взаимосвязях двух этих народов. У истоков этого процесса стоял известный литературовед академик Павел Наумович Берков, который на 750-летний юбилей поэмы Руставели откликнулся статьей «Шота Руставели в русской литературе», имеющей принципиальное значение для руставелологии. По существу обзор, сделанный П. Берковым, является первой попыткой исторического рассмотрения вопроса отношения к поэме Руставели и ее творцу в дореволюционной России и позже, в первые десятилетия новой эпохи.

Отмечая интерес русского читателя к Руставели и вопросам грузинской литературы, П. Берков сообщает, однако, что в XVIII веке русский читатель почти ничего о ней не знал. Правда, в 1802 году появилась книга Евг. Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии», где впервые упоминается Руставели и его поэма, а также «Тамариани» Чахрухадзе, которой, кстати, отдавалось предпочтение, так как язык «Барсовой кожи» признавался недостаточно доступным широким слоям грузинского населения.

Незамеченная в России книга Болховитинова была переведена на немецкий язык Фр. Шмидтом. В дальнейшем ей было суждено сыграть немаловажную роль. По свидетельству П. Беркова, именно эта книга привлекла внимание М. Ф. Броссе, которому «принадлежит честь ознакомления европейской науки с неувядаемой поэмой Руставели».

Впрочем, П. Берков обращается к исследованиям М. Броссе не столько для того, чтобы лишний раз подчеркнуть заслугу ученого в популяризации грузинской литературы, сколько для того, чтобы показать, как на основе действительно интересных и во многом примечательных работ М. Броссе, бывших тогда чуть ли не единственным источником сведений о поэме

Руставели, в русской официальной журналистике появляется выдержанная в шовинистическом духе статья О. Сенковского под характерным названием «Некоторые сомнения касательно истории грузинов». Мнение Сенковского о грузинской литературе и культуре отражало и настроения консервативной российской верхушки, высокомерно взирающей на историю и культуру малочисленных народов.

На дальнейшем этапе ознакомления русского читателя с грузинской литературой (начиная с 1841 года) выделяется фигура Д. И. Чубинова — пропагандиста грузинской культуры в России, крупнейшего исследователя «Витязя в барсовой шкуре». Для взглядов Д. Чубинова на поэму Руставели было характерно влияние «исторического» тезиса М. Броссе, согласно которому поэма Руставели биографична и все описанное в ней в своей основе исторично.

Анализируя научную позицию Д. Чубинова и соотнося ее с воззрениями М. Броссе по данному вопросу, П. Берков приходит к неопровержимому выводу о том, что работа Д. Чубинова представляет важный шаг в ознакомлении русского читателя с творчеством Руставели.

Проследивая дальнейшие шаги Д. Чубинова как популяризатора «Витязя в барсовой шкуре», П. Берков освещает историю первого перевода некоторых частей поэмы в прозаической форме и стихотворную версию начинавшего тогда молодого поэта-литератора И. Бардтинского. П. Берков отмечает, что этот совместный перевод некоторых частей поэмы Чубинова-Бардтинского не отличался гладкостью и изяществом.

П. Берков решительно критикует перевод Бардтинского, несмотря на то, что сам Д. Чубинов положительно отзывался о нем, вероятно, исходя из того, что эта первая попытка ознакомить русского читателя с поэмой Руставели не имела претензий на соответствие с подлинником в художественном отношении. Когда год спустя в одном из номеров газеты «Кавказ» появился «более беспомощный» отрывок из поэмы «Барсова кожа», переведенный Евлаховым, Д. Чубинов немедленно откликнулся на страницах того же «Кавказа» статьей, в которой высказаны серьезные сомнения в ценности нового перевода.

Завершая свой обзор первых попыток ознакомления русского читателя со стихотворным переводом поэмы Руставели, П. Берков признает эти опыты неудовлетворительными и отмечает, «что в своей характеристике «Барсовой кожи» как произведения, не доступного народу, Евлахов идет по стопам

грузинских информаторов митрополита Евгения, также «аристократизировавших» творение великого Руставели, отрывавших его от народа».

К 1885—1888 гг. относятся переводы «Витязя», осуществленные В. Сталинским. П. Берков приводит сохранившиеся фрагменты, и их относительное превосходство в сравнении с более ранними попытками стихотворных переводов произведения Руставели бесспорно.

Примечательным фактом из истории освоения поэмы Руставели русской литературой П. Берков считает появление на страницах либерального «Северного вестника» в 1879 г. нескольких «Писем о Грузии» И. Джабадари. Два последних письма И. Джабадари целиком посвящает «Барсовой коже». В них он пытается доказать, что Руставели заимствовал и, более того, перевел и переделал персидскую поэму.

Как ни смешны теперь антинаучные выкладки И. Джабадари, проникнутые нигилистическим отношением к грузинской художественной культуре, как ни бездоказательны, они, тем не менее, хоть и опосредованно, сыграли свою роль, дав толчок к созданию ряда работ, доказавших в результате глубокого научного анализа полнейшую несостоятельность «теории» И. Джабадари. В числе таких работ П. Берков называет статьи Г. Церетели «Низами и Руставели», статью профессора А. Хаханова «Грузинский поэт XII века Ш. Руставели и его поэма «Барсова кожа». В ней А. Хаханов утверждает, что сюжетом своей поэмы Руставели обязан народным сказаниям о Таризле.

Кстати, именно А. Хаханов заметил в журнале «Театр» за 1870 г. статью, в которой поэма Руставели связывалась с персидской традицией. Автором ее был молодой тогда Н. Я. Марр. П. Берков, как и Ш. Нуцубидзе, не разделяет полностью «персидской» теории Н. Марра, согласно которой поэма Руставели трактуется «как итог перекрещивающихся течений Ирана, Византии и собственно Грузии». П. Берков, вместе с тем, достаточно ясно определял главную заслугу Н. Марра, сделавшего произведение грузинского поэта Шота Руставели предметом изучения в международном масштабе.

Завершая свой обзор «Шота Руставели в русской литературе», П. Берков касается еще двух переводов «Витязя в барсовой коже». Но, если по отношению к одному из них, принадлежавшему перу С. Шарти, суровая оценка П. Беркова вполне объективна, то в случае с переводом Ю. Бальмонта критический настрой исследователя представляется нам из-

лишним. Конечно, шаири Руставели и подвижной, и разнообразней. Совершенно очевидно, что и Бальмонтовский словарь не в силах дать адекватных Руставели по лаконизму форм.

П. Берков не совсем точен, когда утверждает, что вся работа К. Бальмонта над переводом Руставели шла под знаком «манерности» и «экзотизма».

Ни один из ранее рассмотренных П. Берковым переводов, а это бросается в глаза, не выдерживает сравнений с Бальмонтовским. Мы можем считать работу К. Бальмонта своеобразной русской литературной версией поэмы Руставели, эстетические достоинства которой и ныне не теряют своей притягательной силы, и в том нас убеждает хотя бы та Бальмонтовская строка, которая нещадно критикуется П. Берковым за «экзотизм».

«Был в Аравии певучий царь от бога, царь могучий...»

Ограничиться лишь критикой недостатков перевода К. Бальмонта и не сказать ничего о его высоком уровне в целом представляется не совсем справедливым.

Работа П. Беркова «Шота Руставели в русской литературе» впервые наиболее полно и аргументированно осветила историко-теоретические грани этой неизученной проблемы. Научный интерес к поэту и его творению, возникший в дореволюционной России, свидетельствует о преодолении русским обществом и, прежде всего, его наиболее прогрессивно мыслящей частью интеллигенции барьеров высокомерия и нигилистического отношения к культуре малочисленных народов, воздвигнутых и всемерно поощрявшихся царизмом.

Тридцать лет спустя, в период празднования 800-летия со дня рождения великого поэта, П. Н. Берков выступил с двумя статьями, опубликованными в журнале «Литературная Грузия»: «О композиции «Витязя в тигровой шкуре» и «Бог», «Мир» и «Люди» в поэме Руставели».

В полемику с П. Берковым в свое время вступил академик Ал. Барамидзе на страницах того же журнала.

В статье «О композиции «Витязя в тигровой шкуре» П. Берков разбирает социально-политические взгляды Руставели. Большинство исследователей считает, что произведение проникнуто призывом к объединению раздробленных сил страны. Руставели выступает приверженцем централизованного государства. Поэт защищает идею подчинения отдельных правителей единой царской власти. Ведь сама царица Тамар в период своего правления приложила все силы для того, чтобы превратить Грузию в единое централизованное государство.

Мог ли Руставели, приверженец политики своей государьни, пройти мимо такого факта?

Таким образом большинство исследователей ³¹⁴¹³⁵³²¹¹ ~~818-411-01339~~ считает, что поэт безоговорочно принимает абсолютную власть монарха и проповедует идею централизованного государства, но профессор П. Берков выражает сомнения по этому поводу: «Даже отдавая предпочтение монархии перед феодальной анархией, Руставели понимает, что выше всего стоит рыцарская доблесть, добродетель».

Продолжая эту мысль, П. Берков противопоставляет царскую власть рыцарской доблести. Критика почему-то проходит мимо того, что цари у Руставели — витязи (Парсадан, Ростеван), и витязи, в конечном итоге, становятся царями. (Автандил, Тариэл, Придон). Поэт наделяет властителей лучшими человеческими чертами. Превознося рыцарскую доблесть витязей, П. Берков говорит о бедствиях, которые несет с собой царская власть. Но доблестный Тариэл, наделенный лучшими человеческими качествами, будучи «идеальным» героем, и на престоле останется таким же справедливым, добрым, щедрым, правосудным.

Основную мысль поэмы П. Берков видит в том, что драма, разыгранная в поэме, это результат ошибочных действий Парсадана. Развивая свою мысль дальше, Берков обвиняет Парсадана и в гибели царевича-жениха.

В самом деле, эпизод, связанный с убийством наследника Хваразмшаха, один из наиболее сложных для прочтения и толкования поэмы, как, впрочем, и убийство Автандилом Чашнагира. По мнению Оливера Уордропа, все действия понадобились поэту для завязывания интриги, а поступки совершались ради женщины. Под тремя поступками (неблаговидными) О. Уордроп подразумевает убийство Тариэлом Хваразмшахского наследника, убийство Автандилом любовника Фатьмы — Чашнагира, а также и саму связь Автандила с Фатьмой. Но английский критик оставляет без внимания то, что на деле являет собой глубокую и органическую закономерность поэмы, объясняет мотивировку действий, поступков ее героев. Речь идет о традиционных как для грузинской жизни, так и для всей грузинской литературы национальных мотивах родства, соседства, братства, имеющих огромное значение. Вне учета их невозможен верный анализ не только поэмы Руставели, но и множества других произведений грузинской художественной литературы. Поэтому столь убедительная для английского критика версия о «трех неблагоприятных поступках»

на деле оказывается несостоятельной: ведь действия Автандила были продиктованы женщиной (Фатьмой). Связь Автандила с Фатьмой и вынужденное убийство имели место лишь потому, что Автандил, поклявшийся другу, был готов на все, лишь бы облегчить страдания побратима — Тариэла. В сложившейся ситуации Автандил не испытывает угрызений совести. Однако вернемся к поступку Тариэла. Решение Нестан-Дареджан гласит: наследник Хваразмшаха должен быть убит. Слово возлюбленной — закон для миджнура. Почему Нестан-Дареджан принимает такое жестокое решение? Ведь Нестан-Дареджан центральный образ поэмы. Она красива, умна, целомудренна, кротка. Очевидны две основные причины. Первая — любовь к Тариэлу и активный протест против нежелательного, насильственного замужества, ведь образ Нестан-Дареджан, как единогласно отмечают руствелологи, не имеет предшественников ни в литературе Запада, ни, тем более, в литературе Востока. Она женщина «нового типа». Сильная, цельная натура Нестан-Дареджан противится браку, навязанному ей отцом — царем Парсаданом. Вторая главнейшая причина — нежелание видеть на престоле своей страны чужеземца. В этом Нестан оказывается намного мудрее своего отца. Почему-то П. Берков проходит мимо таких очевидных и веских причин решения Нестан-Дареджан и делает совершенно неожиданный вывод: «Вовсе не жестокое, несправедливое решение своевольного, капризного, деспотического Парсадана сделало из Нестан-Дареджан разъяренную тигрицу, а внезапно, в минуту аффекта проявившееся губительное влияние злобной Кадж-Давар». Говорить о каком-то состоянии аффекта не приходится, ведь решение принято не сразу, а обдуманно, более того, оно было согласовано с Тариэлом. Ведь глава так и озаглавлена: «Беседа Тариэла с Нестан-Дареджан». Это — плод долгих размышлений, а не вспышка истеричной женщины.

Мудрая Нестан-Дареджан обдумала все, даже ненужность излишнего кровопролития. Вот почему отпадает версия о внезапном решении Нестан-Дареджан, принятом, как считает профессор П. Берков, в минуту аффекта. Но так или иначе, именно Нестан-Дареджан принимает решение убить царевича. В чем же, собственно, вина Парсадана? Какое прямое или хотя бы косвенное отношение имеет Парсадан к смерти наследника Хваразмшаха? П. Н. Берков полагает, что Парсадан сам должен был заниматься воспитанием дочери, а не отдавать ее на попечение своей сестры Кадж-Давар. Роль тетки-воспитательницы П. Берков считает губительной. Она обвиняется

во всех смертных грехах, а принципы ее воспитания названы тлетворными. Но ведь Нестан-Дареджан получила от природы лишь внешнюю красоту, а все остальные черты ее характера проявились или были привиты в процессе воспитания. Всем лучшим, чем восхищаются многие поколения читателей, таким образом, она обязана своей воспитательнице Кадж-Давар. Невольно возникает вопрос, какой фундамент был заложен воспитанием Нестан-Дареджан, если, по словам самого же П. Беркова, Нестан-Дареджан — натура морально возвышенная, кристально чистая, «само совершенство». Влияние тетки Кадж-Давар было, несомненно, положительным, в противном случае Нестан-Дареджан, воспитанная в духе каджей, сама уподобилась бы им.

П. Берков, заостря внимание на образе Кадж-Давар, косвенным путем приходит к выводу, что именно она является главным двигателем сюжета. Если бы царь Ростеван не впал в уныние из-за того, что ему не удалось узнать тайну неизвестного воина, то Автандил не отправился бы в свое первое путешествие, которое явилось исходным моментом всех последующих событий. Но всего этого не произошло бы, если бы Тариэл не находился в изгнании, а ведь он был изгнан за убийство царевича Хваразмшаха, а причиной убийства явилось «тлетворное» воспитание Кадж-Давар. Таким образом, круг замыкается, Кадж-Давар становится исходным моментом развития сюжета.

П. Берков, подобно О. Уордропу, делит поэму на три части: первая — это история невольной вины Тариэла и Нестан-Дареджан, вторая — их сострадание, третья — возрождение Тариэла к новой жизни и освобождение Нестан-Дареджан из плена. Здесь-то и сравнивает П. Берков «Витязя в тигровой шкуре» с «Преступлением и наказанием» Ф. Достоевского и «Шагреновой кожей» О. Бальзака. Хотя сам же отмечает, что провести параллель между этими диаметрально разными произведениями практически невозможно. Сегодня трудно судить, как собирался П. Берков сравнивать эти произведения, но нам представляется важным высказать ряд сомнений. Во-первых, «Витязь в тигровой шкуре» — своеобразное рыцарское произведение, основанное именно на подвигах во имя любви и необыкновенной дружбы. Тариэл совершил преступление, убив хваразмского царевича по велению своей возлюбленной, то есть Нестан-Дареджан. А желание любимой — закон для миджнура. Раскольников совершил преступление во имя своей идеи. В любом из двух вариантов преступле-

ние не оправдано, каким бы ни был его мотив. Ф. Достоевский показал в своем романе губительную силу индивидуалистического умонастроения. В его романе дана чисто психологическая драма борьбы человека со своей идеей. Катастрофическое событие, изображенное как преступление, влечет за собой все многообразие романа. Вместе с тем этой катастрофой подготавливается духовное просветление — убийца и блудница возрождаются к новой жизни. Любое преступление, во имя чего бы оно ни было совершено, влечет за собой наказание.

Что же происходит с героем Руставели? После совершенного преступления он вынужден лишь по стечению обстоятельств покинуть родину и скитаться в поисках своей возлюбленной. Он мог и не совершать преступления, мог добиться любимой другим, более доблестным путем. У Раскольникова выбора не было. Он создал идею и должен был ее осуществить, а после преступления перед ним встает множество проблем. Ведь простое наказание, даже самое строгое, не может снять тех мук, которые обуревают человеческую душу.

Тариэла почти не беспокоит совершенное им преступление. Гораздо важнее для него следствие — вынужденная разлука с возлюбленной. Ведь вся сюжетная канва, в основном, построена на этом. Что же общего между Тариэлом Шота Руставели и Раскольниковым Федора Достоевского? Нам трудно солидаризироваться с П. Берковым, это касается и его веры в возможность сопоставления «Витязя» с «Шагреновой кожей» О. Бальзака. Разве только если говорить о шали, обладающей удивительными волшебными свойствами, которую подарил Тариэл Нестан-Дареджан.

Работа П. Беркова «Бог», «Мир» и «Люди» в поэме Руставели» отличается новизной избранного исследователем пути. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего «Витязя в тигровой шкуре» как поэму, воспевающую любовь и дружбу, П. Берков полагает за основную философскую концепцию произведения извечную борьбу добра и зла.

«Зло, сразив добро, пребудет в этом мире беспредельно».

Автор статьи справедливо считает, что не будь в поэме «основной оптимистической концепции о конечном торжестве добра, все прочие идейные линии «Витязя» были бы не связаны и не соподчинены».

И действительно, прослеживая сюжет поэмы, можно заметить, что все поступки героев направлены к свершению добрых дел. Даже тогда, когда путь к добру лежит через неизбежное «зло», к которому приходится подчас прибегать им, —

«Окончательный результат нелегкой жизненной борьбы героев заключается в утверждении непобедимости добра. Прочтение П. Берковым «Витязя в тигровой шкуре» привлекает внимание в методологическом отношении конкретно-историческим подходом исследователя, объясняющим философское содержание поэмы неотрывно от философского мирозерцания самой эпохи Руставели. В этом смысле три понятия («Бог», «Мир» и «Люди»), которыми апеллирует автор, становятся для исследователя важным подспорьем, позволяющим рассмотреть «Витязя в тигровой шкуре» в свете близкого средневековой философии концептуального построения. Ведь Руставели был поэтом своей эпохи, и потому, как поясняет П. Берков, чтобы быть понятным современникам, свою философскую концепцию он должен был довести до их сознания на языке, понятном читателям. Поэтому на протяжении всей поэмы основную роль играют термины «Бог», «Мир» и «Люди».

Об антиклерикальном характере произведения Руставели свидетельствуют гонения, которым подвергалась поэма на протяжении веков со стороны церкви. Таким образом, содержание понятия «Бог» в поэме Руставели далеко неадекватно привычному значению, которое мы вкладываем в это понятие, как, впрочем, не соответствует обычным представлениям и значение термина «мир». П. Берков отмечает, что если отвлечься от частных случаев, то «добро» в философской терминологии Руставели обозначается термином «Бог», а «зло» словом «мир».

Строгий научный анализ, развернутый П. Берковым, убеждает в плодотворности его позиций и открывает горизонты для изучения философского содержания поэмы. Гарантацией верного понимания П. Берковым соотношения в произведении Руставели литературно-художественного и философского пластов звучит заявление исследователя: «Руставели писал не философский трактат (...), он создал художественное произведение, где показал длительную и трудную борьбу между добром и злом... И прославлял Руставели конечное торжество добра не в отвлеченных формах, свойственных средневековым западноевропейским мистериям и дидактическим поэмам, где выступают персонифицированные добродетели и «пороки», а рисуя реальное, конкретное и человеческое счастье, достигнутое в сложной, трудной борьбе».

Далее П. Берков указывает на неоднократное употребление в произведении Руставели термина «мир», который в поэме является олицетворением злого начала, всего порочного,

сатанинского. Перед нами предстает мир, то цветущий и красочный, то мрачный, враждебный, угрюмый. Другие вариации этого «мира» — радостное восхищение жизнью, веселье, шутки, пиры, любовь и беззаветная дружба. Как же возможно в одном произведении совмещение мрачной оценки совершенно враждебного для человека «мира» с бьющей через край жизнерадостностью, оптимизмом? Какое из двух понятий является в поэме определяющим — пессимизм или оптимизм? Ответом на этот вопрос для П. Беркова служит третье понятие — «люди».

Разумеется, рассматривать поэму вне «людей» невозможно — именно герои «Витязя в тигровой шкуре» являются основными «двигателями» сюжета, все остальные же доминанты вспомогательны и вторичны. Но вопрос, который, по мнению П. Беркова, должен возникнуть у читателя поэмы, кажется в чем-то надуманным. Своей жизненностью и полнотой картина, начертанная великим Руставели, во многом обязана соседству, стыку и противоборству двух полярных «миров» — диалектике их сосуществования, приводящей в конечном итоге к победе «Бога» над «миром».

Анализируя основные черты характера героев поэмы, П. Берков дает попутно прекрасные иллюстрации образов героев, людей, проходящих сквозь сложные перипетии. Мы видим Тариэла, ропщущего на мир в минуты отчаяния, отважных Автандила и Придона, взывающих о помощи к силам небесным. В результате вмешательства сверхъестественных сил и бесконечной борьбы за личное и общее счастье, герои Руставели побеждают «зло».

П. Берков делает попытку разобраться в образной системе поэмы, которая не поддается однозначному анализу. Образы Тариэла, Автандила, Придона раскрываются в сложном комплексе черт грузинского национального самосознания. Благодаря этому исследователь расширяет пространство повествования, его перспективу. И в этом просматривается принципиальная новизна концепции П. Беркова.

И если в первых главах поэмы герои жалуются на «мир», то в заключительных ее строфах слышится гимн радости и счастью.

П. Берков точно подметил характерный для Руставели прием введения в поэму какого-то значительного философского понятия, которое затем в ходе изложения сюжета либо опровергается, либо еще более раскрывается.

Всесторонне рассмотренные П. Берковым в поэме «Ви-

«Тязь в тигровой шкуре» понятия — «Бог», «Мир» и «Люди» — понятия взаимосвязанные, опосредованные философским мировоззрением самой эпохи Руставели, организующие всю идейно-художественную ткань литературного произведения. Доминантой этих понятий являются, конечно, «люди», герои, преодолевающие жизненные испытания и превратности судьбы, утверждающие словом и делом торжество добра.

При всей спорности основных положений П. Н. Беркова, высказанных им в работах о Руставели, думается, однако, что значение его вклада в руставелологию недооценить нельзя. Это значение состоит в том, что П. Берковым впервые была предложена неординарная версия прочтения поэмы. Пусть многое в ней кажется противоречивым для нас, примечателен тот пытливый исследовательский интерес, который был вызван к жизни появлением работ П. Н. Беркова и в результате которого была вписана в науку о Руставели еще одна новая страница.

Александр ЧХЕИДЗЕ

Некоторые мысли и суждения...

(О СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ ГРУЗИНСКОГО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА)

Пришло время в новом ключе поставить извечные вопросы: что делает искусство современным? Каковы критерии современности искусства и подлинного новаторства? Каковы его пути и законы с сегодняшней позиции? Искусствовед из Мюнхена Катарина Хаберль высказалась об этом очень точно: «Это стремление освоить новые визуальные и смысловые пространства, материально оформить новые мироощущения через новые материалы: найти новые пространственные и пластические решения». Только расширение масштабов художественного познания, новый художественный синтез действительности, оригинальная, обобщенная, логически оправданная концепция и ясное мировоззрение художника способны привести к новаторству.

В выставке Центрального Дома художника (с 19 февраля по 11 марта нынешнего года), явившейся большим событием в художественной жизни нашего города и оцененной прессой как «этапный шаг в грузинском изобразительном искусстве, шаг в завтрашний день»¹, участвовали многие ассоциации, объединения и индивидуальные творческие группы художников Грузии. Инициаторы этой экспозиции, расположенной на двух этажах, — Н. Джикия, С. Кенчадзе, Ю. Бершвили, Н. Джапаридзе. На суд зрителей были представлены живопись, графика, скульптура, декоративное искусство мно-

¹ Газета «Вечерний Тбилиси», № 35, 22.02.1991 г., с. 4.

гих направлений — от реализма, постимпрессионизма, экспрессионизма и кубизма до поп-арта. Экспозиционное пространство выставки, разместившейся на первом этаже, не было перегруженным, благодаря чему маршрут осмотра удалось построить с соблюдением цветовых контрастов и гармонии. Это давало зрителю чувство свободы восприятия и возможности выражения своего отношения к тому или иному художнику (авторы экспозиции С. Кенчадзе, Ю. Беришвили, А. Чхеидзе).

Прежде всего посетители выставки ощущали моральное раскрепощение. Многих взволновала философская обобщенность, психологическая объемность, индивидуальность эмоционального переживания авторов и поэтический настрой произведений.

Однако, нужно признать, что, к сожалению, представленные на вернисаже работы оказались доступны далеко не всем. Многие искали в них прежде всего черты национальные, тогда как абстрактное искусство всегда интернационально. Для восприятия абстрактного искусства требуется прежде всего достаточно развитое абстрактное мышление, часто связываемое с психоанализом, теорией относительности Эйнштейна. А этому надо учиться с малолетства, исподволь, в течение всей жизни. Подготовленный зритель обладает активным восприятием, активной фантазией и способностью поэтического домысливания.

В целом же выставка состоялась как экспозиция работ многих талантов различного мышления, принадлежащих к разным периодам времени и лишенных какой-либо политической окраски. Были представлены художники, владеющие большим техническим арсеналом, мастерски создавшие сложные композиции, но в некоторых работах, как это ни досадно, ощущался недостаток искренности, поэтичности. Есть художники, великолепно чувствующие цвет, пластику, наделенные огромной внутренней энергией. Но и их полотнам не достает тонкости, филигранности выполнения, они не несут печати высокой интеллектуальной культуры (разумеется, в этом в значительной мере повинна ограниченность учебных программ Академии художеств). Среди работ — и такие, авторы которых на первый план выдвигают свой интеллект, упуская при этом из поля зрения красоту линии, светотени, светомузыки и цветогармонии. Нет сомнения, что молодым художникам следует о многом задуматься, заново пересмотреть и переоценить свои возможности, позиции, учесть промахи и находки, прислушаться к здоровой критике. Но обязательно

доброжелательной, так как доброе и правдивое слово способно на многое.

Выставка показала, что недалек день, когда некоторые из ее участников скажут свое новое веское слово в искусстве. В этом русле хотелось бы назвать таких художников, как Т. Джавахишвили, Ю. Беришвили, М. Хорава, Н. Джикия, С. Кенчадзе, Р. Купреишвили, Н. Джапаридзе, братья Т. и А. Сисаури, А. Какабадзе, Г. Хуцишвили, Т. Какабадзе, Г. Зауташвили, М. Датукашвили, Т. Цховребашвили, М. Иашвили, Г. Бадурашвили, А. Челидзе, И. Читадзе, О. Чубинидзе, О. Качкачишвили, Т. Мачавариани, Л. Семейко.

К глубокому сожалению, в выставке не приняли участие многие наши талантливые художники-модернисты, завоевавшие высокие международные премии. Видимо, они не были уверены в ее успехе. Но думается, в интересах престижа всего цеха художников республики сильнейшие его представители должны идти всегда в авангарде.

Среди различных мнений по поводу весеннего вернисажа возник и такой вопрос — можно ли квалифицировать его, как вульгарно выраженную «анархию» в современном грузинском искусстве? В беседе с Кларой Цеткин Ленин говорил: «Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости»¹. Он был первым советским руководителем и партийным деятелем, начавшим жестокую борьбу против модернизма. В течение десятилетий советские теоретики искусства в своих общественных, философских и эстетических работах заявляли, что «искусство модернизма в целом чуждо и враждебно формирующейся культуре коммунистического общества. Противостоящее ему и борющееся с ним искусство социалистического реализма подлинно современно. Оно новаторски развивает в духе коммунистической идейности принципы народности, гуманизма, художественной правды»². На совести этих идеологов лежит моральная и физическая расправа с огромным числом талантливейших представителей литературы и искусства русского авангарда. Их имена уже известны широкому кругу людей. Это — Малевич, Кандинский, Филонов, Шагал, Ларионов, Гончаров, Фальк и многие, многие другие, чьи работы

¹ Модернизм (анализ и критика основных направлений). М., «Искусство», 1980, с. 7.

² Там же, с. 7.

на долгие годы были запрятаны в музейных подвалах-хранилищах за семью печатями. Такова была и участь грузинских художников — Давида Какабадзе, Ладос Гудиашвиди, Дмитрия Шеварднадзе, Авто Варази и многих других.

Еще недавно такие теоретики искусства, как М. Лифшиц, Л. Рейнгардт, В. Ванслов и другие утверждали, что «в основе искусства лежит изображение действительности, более или менее полно охватывающее свой предмет и так или иначе сходное с его «моделью». Этот материалистический взгляд на художественное творчество не может устареть...»¹.

Еще в 50-е — 70-е годы перекрывалась дорога любым попыткам советских молодых, еще неопытных реформаторов-модернистов, старавшихся не отставать от европейских и мировых преобразований в искусстве, которые своими яркими и колкими экспериментами и действиями способствовали пробуждению от долгого сна нашей интеллигенции и общественности. В ход шли даже бульдозеры и подобные им средства (имеется в виду сентябрьская выставка 1974 года на окраине Москвы художников Оскара Рабина, Евгения Рухина, Сергея Бердачева, Лидии Мастерковой и других, получившая впоследствии название «бульдозерной выставки», разогнанная милицией с применением бульдозеров). Неугодные получили болевой «щелчок» — выдворялись из Союза художников или из страны, как это произошло с Эрнстом Неизвестным, Анатолием Зверевым, Оскаром Рабиным, Михаилом Шемякиным и другими.

В Грузии, как и в России, были силы, которые старались одним росчерком пера исключить на вечные времена из искусства, из человеческой культуры грузинский модернизм и его последователей. Они всеми правдами и неправдами возводили различные творческие принципы в ранг политических, не заботясь о том, как запрещение эстетических форм модерна скажется на прогрессивном развитии современного искусства.

Идеологические руководители Союза художников Грузии. многие десятилетия бывшего верной опорой государственной политики, воспринимали модернизм как эстетическую профанацию художественного творчества. За послушание получали почетные звания, ордена, государственные премии, квартиры, дачи, мастерские, машины, баснословно оплачиваемые

¹ М. Лифшиц. Искусство и современный мир. Изд. «Изобразительное искусство». М., 1973, с. 86.

заказы и т. д. В результате в многочисленных запасниках Министерства культуры, Союза художников и Музея искусств Грузии накопилось огромное количество «глубокоправдивого» хлама.

Сегодня перед искусствоведами-историками стоит задача воспроизведения правдивой картины развития грузинского искусства в течение 70 лет. Заново открыть запрещенное искусство, вернуть его к жизни и оценить по достоинству очень важно и просто необходимо для грузинского национального сознания, утверждения правды самой действительности.

За последнее время вопрос о путях и судьбах изобразительного искусства в Грузии встал в центре внимания культурной общественности. Многим, не сведущим в вопросах современного искусства или стоящим на позициях соцреализма, кажется, что наступил настоящий кризис фантазии и что настоящее искусство умирает, а молодежь, завертевшись в хороводе «авангарда», деградирует. На последнем, XI съезде художников Грузии 20 ноября 1987 года заведующий секцией живописи Р. Какабадзе сказал: «Разумеется, нужно приветствовать свободу творчества, но оно не должно быть бесконтрольным... Нужно сказать, что новаторские работы по своему формализму, эпигонству, кажущейся новизне изображения не имеют никаких преимуществ перед другими бездарными поверхностными работами. Время показало, что соцреализм более обширное понятие, чем это до сих пор считалось, и сегодня, к сожалению, считается некоторыми»¹.

Выступивший на том же съезде художник Михаил Габуния высказался еще более тенденциозно: «Сегодняшние авангардисты, — сказал он, — создали из живописи какой-то космополитический конгломерат, под прикрытием борьбы со слабыми сторонами прошедшего периода на самом деле объявили войну реализму, картине, идее, масштабности, искусству для народа, национальной форме, отрицательным сторонам прошедших времен сегодня противопоставили не менее отрицательное явление. Все хорошее, что приобрела грузинская живопись, целиком отвергнуто, отрицательное же, что сегодня внедряется, признается успешным и глубоко пускает корни в широких массах молодежи... препятствует внедрению безусловного нового, перспективного...

Большое место уделяется примитиву, космополитизму и

¹ От съезда к съезду. Журнал «Сабчота хеловнэба», № 2, 1988, с. 20.

подражательству, ряды грузинских художников заполнились манеристами и маньяками»¹.

На самом же деле совершается логическая трансформация в современном грузинском искусстве, точнее, революция в сознании молодых художников. Приверженцам соцреализма не нравится массовое стремление к модерну, рассматриваемое ими, как подражание западному искусству, как топтание на месте. Такая оценка неверна. Ведь изучение и обобщение накопленного громадного художественного опыта облегчает переход к новым художественным ценностям, указывает новые пути в искусстве, в выходе на международную арену. Модернизм в искусстве существует как объективная реальность уже более 80 лет. Он аргументирован теоретиками мирового искусства, но те, кто не хочет признавать эти аргументы, сводят авторитеты чуть ли не до уровня шарлатанов. Но кто осмелится вычеркнуть имена Пикассо, Брака, Дали, Леже, Малевича, Кандинского, Филонова, Какабадзе из списка реформаторов мирового изобразительного искусства? Не признавать их сегодня нелепо. Не случайно же все музеи мира широко открыли двери художникам-модернистам.

С 90-го года почти во всех выставочных залах Тбилиси экспонируются работы художников-модернистов. Сегодня они заполнили все помещения, предназначенные для экспозиции, вызывая большой интерес посетителей. Следовательно, и беспредметное искусство уже завоевало у нас свое право на существование. А посему и бороться с этим бесполезно и бессмысленно.

Ныне в современном изобразительном искусстве Грузии наблюдается многообразие течений и глубокая контрастность. Наравне с наиболее общеизвестными направлениями школ модернизма прослеживается развитие новейших направлений, таких, как минимализм, концептуализм, гиперреализм. И что еще особенно заметно — это совмещение изобразительного творчества с другими видами искусства, такими, как, например, кино (А. Варази и Т. Джапаридзе), театр, где художник выступает в амплуа актера (Т. Джавахишвили).

Современное искусство Грузии развивается настолько бурными темпами, что десятилетиями изголодавшиеся по свободе творчества художники уже не удовлетворяются модернистическими направлениями, возникшими в начале нашего ве-

¹ От съезда к съезду. Журнал «Сабчота хеловнэба», № 2, 1988, с. 14.

ка. Для процесса развития новых направлений в модернизме характерны анализ и переосмысление грузинскими художниками его направлений, ставших уже классическими. Они производят всевозможные трансформации, в ходе которых, как в творческих экспериментах, формируются новые направления.

В Тбилиси создан музей современного искусства, однако, знакомство с его постоянной экспозицией показывает, что она не полностью соответствует своему названию, так как наряду с современными направлениями, выставлены работы, типичные для соцреализма, особенно много скульптур этого направления, причем все работы выставлены без какой-либо экспозиционной концепции, что производит удручающее впечатление. Возникает сомнение — не сознательно ли ее устроители создали смешанную композицию, дабы «и овцы были целы, и волки сыты», балансируя таким образом между противоречивыми платформами. Несмотря на то, что здесь представлены великолепные произведения, способные украсить известные галереи мира, бросается в глаза небрежность отбора, лишаящая возможности дать представление о высоком уровне современного грузинского изобразительного искусства.

Такое же положение в экспозициях Музея искусств Грузии, где все еще не отражены изменения, происходящие сейчас. Кроме того, музейные ценности тоже требуют переоценки. Необходимо очистить их от фальшивых и бессмысленных экспонатов, заменить и обогатить достойными, сыгравшими положительную роль в формировании новых путей и направлений в современном грузинском искусстве. Следует, наверное, подумать и о приобретении таких произведений, как это делается во всех музеях мира.

С горечью и тревогой приходится говорить о том, что пока мало что изменилось и в Союзе художников Грузии. Правда, его председатель Элгуджа Амашукели на последнем съезде заверял коллег, что «если правление Союза художников, Президиум и Секретариат не всегда удовлетворяют жизненно-творческие интересы коллектива художников, естественно, они должны быть заменены более деловыми, практическими, принципиальными и бескомпромиссными людьми»¹. Но и теперь, по прошествии двух с половиной лет, совершенно очевидно, что у Союза художников Грузии нет ни малейшего желания к самообновлению. Проведенная деполитизация по

¹ От съезда к съезду. Журнал «Сабчота хеловнэба», № 2, 1988, с. 14.

существому ничего не изменила. Правление явно не собирается менять свои позиции и в отношении творческой проблематики и в своем составе. Летом прошлого года были предложены три проекта программы создания нового Союза художников, представленные Союзом художников Грузии, дирекцией Дома художника и Ассоциацией свободных художников. Спустя полгода была создана комиссия для рассмотрения и публичного обсуждения этих программ, но до сих пор ничего не предпринято в этом направлении. А время идет, «время — мера мира» (В. Хлебников).

Произведения современных грузинских художников уже привлекли внимание международного рынка, спрос на них растет. В Грузию, движимые коммерческими интересами, скоро начнут приезжать западные бизнесмены, проявляющие интерес к нашему искусству.

Профессиональный бизнес у нас еще не налажен, но уже появилось немало «бизнесменов от искусства», прикрывающихся вывесками центрального Дома художника, различных ассоциаций, фирм и кооперативов, которые вывозят за границу и продают за бесценок высокохудожественные произведения. Картины должны продаваться, но этим положено заниматься не алчным торговцам, а профессионалам-искусствоведам. Рынок необходимо изучать, для этого нужен анализ всех условий, имеющих значение для успешной реализации картин, в том числе изучение мотивации покупателей, их психологии, нужен анализ механизма игровой системы аукциона, правильно организованная реклама, поднимающая престиж художника на международном уровне.

Торговля произведениями искусства во все времена была сложной и тонкой наукой, требовавшей от людей, ею занимающихся, высокого профессионализма, честности и деликатности. Вынося картины наших художников на международную арену, создавая им имя и возможность заработка, нужно опасаться, чтобы лучшие работы не ушли за рубеж, иначе нам придется ездить в другие страны, чтобы полюбоваться на грузинские шедевры, как это делают теперь французы, приезжающие в Союз, чтобы увидеть картины своих импрессионистов и постимпрессионистов.

Для создания мирового престижа художника, в первую очередь, необходима профессиональная реклама, контракты с музеями и известными частными галереями Европы и Америки, персональные, групповые и совместные выставки, такие, как «Париж—Москва—Ленинград—Париж», организован-

ные французской Ассоциацией альтернативной культуры и движением «Фигурасьон критик», Союзом художников СССР и Всесоюзным творческим объединением «Форум» (в Большом зале ЛОСХа — Ленинграде). Или, как в сентябре, заключительный вернисаж в парижской галерее «Гран пале» и выставки «Москва — Соединенные Штаты», состоявшейся в залах Манежа на Малой Грузинской и переезжающей сейчас в США, организованной Международной федерацией художников и Профессиональным творческим Союзом художников (спонсор — коммерческий банк «Развитие»). Подобные выставки в таком масштабе проводятся впервые. Они могут стать реальным источником взаимной информации народов, дружественных контактов между художниками разных стран.

Выставка под громким названием «Тбилиси—Париж» подобной цели, по нашему мнению, отвечать не может. Кратковременное ее пребывание в центральном Доме художника прошло незаметно, ибо не было освещено средствами массовой информации, а жаль. Ведь она, при соответствующей организации, могла бы стать событием в культурной жизни республики.

Сегодня грузинский художник должен стать свободным и независимым творцом. Никто не вправе диктовать ему свои условия, вмешиваться в его творческие намерения, навязывать свою волю, втаскивать в политику.

Для художника творить — значит жить. Только бы не заблудиться в самом себе. Художник становится неизменным выразителем смысла жизни. Он обязан быть честным и искренним, чтобы высказать истину в искусстве. И если наша беспокойная жизнь всегда будет волновать и тревожить его, то для грузинского искусства наступит пора нового расцвета.

Тамаз НАТРОШВИЛИ

МУДРЕЦ

Кто сосчитает, сколько стран он объездил, сколько прекрасных храмов повидал, но и сколько невзгод испытал в дальних дорогах. Сердечно принятый в Версале и Ватикане, выпровоженный оттуда со щедрыми посулами, он уже у границ Грузии был бессовестно ограблен турецкими янычарами. Один из них сорвал с него, немощного старца, дождевик, чтобы использовать его вместо седла. Ночью, в дождь и туман, его вели со связанными руками, словно пленника, тропами, которыми могла пройти разве что нечистая сила. Возвращение в Грузию было концом, горьким и беспросветным, исполненного надежд путешествия. Он странствовал не ради собственного удовольствия, забота о родной стране привела его в Париж и Рим, Исфахан и Москву. Восток, Запад, Север — вынужденные маршруты тогдашней грузинской политики. Враг был рядом, друзья — далеко. Но озабоченный судьбой родины, он не уставал искать выхода из тупика, подвергая себя тысячам опасностей и испытаний. Его красноречивое и правдивое перо оставило неизгладимый след в нашей культуре...

Грузинские писатели и ученые не раз воздавали хвалу Сулхану-Саба Орбелиани, отмечали каждый факт его многогранной деятельности, досконально изучали его творческое наследие. Как прекрасен незабываемый лик этого мудреца, как велика его заслуга перед современниками и потомками. Для бессмертия достаточно было его толкового словаря «Ситквис кона», («Букет слов»), который, говоря словами Иванэ Джавахишвили, был явлен Грузии, подобно «манне небесной».

Блестящий писатель, лексикограф, дипломат, духовный пастырь народа, Сулхан-Саба Орбелиани в течение полувека самоотверженно служил на благо Родины. Он, кажется, ни разу не пролил кровь врага на поле битвы, но никакое искусство владения мечом не сравнится с его неустанным трудом на поприще слова и книги.

...В своей автобиографии Сулхан-Саба сообщает, что 1 декабря 1710 года по вызову грузинского царя и иранского спасалара Кайхосро он прибыл из Картли в Хорасан и 20 февраля следующего года выехал обратно в Картли, куда прибыл 11 мая того же года.

Цель этого внезапного путешествия до сих пор не установлена, ученые обычно полагают, что он исполнял какую-то дипломатическую миссию.

Согласно иностранным источникам, Кайхосро, стоявший во главе многочисленного иранского воинства, направляясь в восставший Кандагар, стал лагерем в окрестностях города Ферах Хорасанской провинции, где заключил короткое перемирие с Мир-Вейсом, главарем восставших гильзаев.

Именно из этого города главный хирург царя Кайхосро, итальянец Джузеппе Фрескурати отправил два письма в Константинополь во французское посольство; одно было датировано 29 ноября 1710 года, второе — 1 января 1711 года. Сулхан-Саба, по-видимому, прибыл к Кайхосро в январе. Тогда он и познакомился с итальянским врачом, которого Вахтанг VI в своем письме к Саба, написанном три года спустя, называет «ваш старый друг».

Однако чем был вызван этот краткий визит Сулхана-Саба к царю Грузии перед решающим штурмом Кандагара? Ради чего он проделал путь почти в три тысячи километров? Для ответа на этот вопрос мы не располагаем никакими данными и можем исходить лишь из собственных предположений.

Не исключено, что идея послать Сулхана-Саба в Европу с просьбой о политико-экономической помощи Грузии принадлежит именно Кайхосро, и чтобы поделиться ею со своим дядей, он вызвал его из Картли в Хорасан.

На эту мысль наводит то обстоятельство, что из всех государственных деятелей тогдашней Грузии самые близкие отношения с католическими миссионерами были именно у Кайхосро. Один из иностранных источников называет его покровителем и доброжелателем католических миссий Тбилиси, Гори, Гянджи и Тавриза. Между прочим, в Кандагарском походе Кайхосро сопровождали три миссионера, один из кото-

рых, падре Базиль, принадлежащий к ордену кармелитов, погиб вместе с ним.

Не менее интересно сведение, в свое время обнаруженное Михаилом Тамарашвили в архивах Ватикана. Оказывается, в письме к Папе, отправленном в 1708 году из Исфахана, Кайхосро писал: «Найду ли я у вас приют, если приеду в Рим?». Правитель столицы сефевидского Ирана грузинский царевич собирался бежать в Рим?! В январе 1711 года из Ватикана ему писали: Папа Римский готов принять вас в Риме и дать приют, если вы будете нуждаться в убежище.

В феодальной Грузии, в ее общественных кругах католичество начинает распространяться в 80-х годах XVII века, когда Георгий XI сделал первые шаги к независимости страны. Контакты с Римской церковью были продиктованы лишь политическими мотивами, в малоуспешных поисках друга и заступника это был бледный свет надежды, тепло от которой, впрочем, едва ли согрело бы находящуюся в окружении агрессоров страну.

Н. Бердзенишвили четко и ясно характеризует создавшуюся обстановку: «Грузины связывали с католичеством политическое будущее своей страны. Все, кто защищал, восстанавливал страну и боролся за ее освобождение, были христиане и так или иначе придерживались европейской ориентации. Эта группа борцов-патриотов готова была признать верховенство Папы, подчинить грузинскую церковь Римскому престолу и распространить католичество по всей Грузии, только бы получить помощь от Франции в борьбе против Ирана и Турции».

В 1709 году в Кандагаре погиб грузинский царь Георгий XI, а через два года после него — его племянник Кайхосро. В 1712 году прибывшему для утверждения на царство в Исфахан Вахтангу, наследнику грузинского престола, основным условием поставили принятие мусульманства. Вахтанг, однако, не пошел по пути отца, дядей и старшего брата и политической выгоде предпочел верность христианству. В Исфахан он приехал в сопровождении Сулхана-Саба, но мы не знаем, что советовал тот своему воспитаннику и как относился к его решению. Между тем в отсутствие Вахтанга Грузию охватила анархия, фактический арест при царском дворе сефевидов претендента на грузинский престол продолжался, и со всей остротой стал вопрос об отправке посольства в Западную Европу хотя бы с целью вызволения Вахтанга, не говоря уже о другом.

На кого можно было возложить эту сложнейшую миссию, как не на Сулхана-Саба Орбелиани!

В 1713 году французский миссионер Жан Ришар, спутник грузинского посланника, в своем письме в Париж отмечал, что Вахтанг VI и его семья любят Сулхана-Саба, «как своего отца и отца всея Грузии».

Дипломатическая миссия Сулхана-Саба Орбелиани в Париж и Рим, представляющая собой кульминационный момент в грузино-европейских взаимоотношениях, не принесла соответствующих плодов. Наверное поэтому неудержимое стремление получить реальную помощь от Западной Европы мы называем то эфемерой, то напрасной иллюзией. Однако не судим ли мы слишком строго? Это стремление имело в своей основе долгую традицию, а также желание раздробленной и расчлененной Турцией и Ираном Грузии найти выход из тупика.

Тогдашние настроения прекрасно передает исполненное отчаянной мольбы обращение Бардзима, арагвского эристава, к Папе Римскому: «Мы суть люди твои и овцы паствы твоей. Потерянных найди нас, вырви из волчьей пасти. Не оставь нас и спаси».

А на долю вернувшегося в 1716 году после неудавшегося путешествия Сулхана-Саба выпала участь «козла отпущения». «Грузинские епископы и вообще духовенство стали враждовать со мной из-за моей поездки в Рим и так всех опутали, что никто — ни родственники, ни друзья, ни царь с вельможами — не смог помочь мне», — сообщает он.

Так дорого обошлось «отцу всея Грузии» то, что он взял на себя труд претворить в жизнь горячее стремление прогрессивно мыслящих сынов Грузии к Западу с целью вырваться из-под мусульманского ярма. Правда, возвратившись в 1719 году из Ирана Вахтанг VI восстановил справедливость, отчитав хулителей своего любимого дяди-наставника, но эта запоздалая мера вряд ли облегчила боль жертве несправедливости и нетерпимости.

Знаменательно, что дата рождения Сулхана-Саба Орбелиани (1658) совпадает с датой смерти грузинского царя Ростома. Именно тогда, когда испустил дух главный проводник персидской политики «омусульманивания» грузинского народа, появился на свет главный знаменосец возрождения грузинского духа. В истории Грузии открывалась новая страница. Почти через двадцать лет двоюродные братья и воспитатели Сулхана-Саба Арчил и Георгий дали совершенно иное направление судьбе Грузии, объявив жестокую борьбу пер-

сидской порабощительной политике. Сулхан-Саба воспринял и развил социально-нравственные взгляды Арчила, а позднее по поручению Георгия принялся за составление грузинского толкового словаря «Ситквис кона». Пройдет время, и на эту книгу с восторгом набросится находящийся в далеком Кандагаре грузинский царь, который вынесет беспристрастный приговор труду своего двоюродного брата: «Прекрасная книга».

В результате поездки Сулхана-Саба в Западную Европу родился интереснейший дневник. Перед сыном забитой и подавленной страны предстала картина развитого мира: ухоженные храмы, монастыри, дворцы, которым не грозило разрушение. Потому с такой горечью отмечает он, приближаясь к Родине: «Земля, плоды ее желанные — везде, но куда ступила нога неверного, исчез свет Божественный. Все разорено».

После долгого молчания, благодаря Сулхану-Саба, вновь заговорила грузинская художественная проза. Он создал замечательное сочинение «Мудрость вымысла», в котором, как в зеркале, отразилась неприкрашенная правда об обществе, внутренние приметы духовного и физического упадка. Эта тенденция еще более четко проступает в его проповедях, названных «Поучениями, сказанными Сулханом-Саба Орбелиани».

Когда борьба Арчила и Георгия, преследующая цель вырвать Грузию из когтей сравнительно ослабевшего Сефевидского Ирана, все же закончилась поражением (благодаря стараниям феодалов-ренегатов) и шах отдал грузинский престол потомку кахетинских Багратиони, персофилу Назаралихану или Ираклию I, Сулхан-Саба не избежал преследований. Он отошел от государственной деятельности и в 1698 году укрылся в монастыре Крестителя в пустыне Давид-Гареджи, где и постригся в монахи.

Именно в Давид-Гареджи говорил он свои проповеди, и кто знает, может быть пламенное его слово звучало как глас вопиющего в пустыне. Проницательный взгляд мудреца видел те злосчастные итоги, к которым привели страну «кровавые дсжди». Проповедь любви и правды порой казалась ему бессмысленной: «Если я и скажу, кто услышит меня?». Из-за отравленной атмосферы общество скептически относилось к христианской нравственности и духовной чистоте. Еще Теймураз I с болью говорил: «Никому не нужно ни Евангелие, ни книги Апостолов, удивительно ли, что забыли творца чада его?». Со времен царя Ростома в обществе широко распространились персидские нравы и обычаи: любовь к неге, распутство и блуд, кокетство, непристойное поведение и пр. Словом,

«не было уже заботы о душе». И сооружение башен из голов погибших в бою соплеменников перестало быть в Грузии диквиной.

В «Поучениях...» дается отвратительный портрет феодала-временщика: «Один из тех, кто отрекся, кощунствовал, и я сказал ему: «Умолкни, сын мой, и отойди, не то ждет нас преисподняя», а он отвечает: «Я такой же сын царства небесного, как ты». Я спросил: «Как?» Он отвечал: «Когда будет второе пришествие Христа, ежели он Сын Божий и Спаситель мира, я покажу ему свой лоб, отмеченный его миром, а ежели Магомет — величайший из всех, я покажу ему срамное место обрезанное. И один из них обязательно возьмет меня на небо». И при этом смеялся от души...»

Таких лицемеров и обманщиков проповеди старца вряд ли обратили бы на путь истинный. Но были и другие — колеблющиеся, растерянные. Это им, вероятно, адресовал свои упреки Сулхан-Саба: из-за имени Христова вас не мучают и не терзают и все же ради ничтожной выгоды или притеснения ближнего вы по своей воле изменяете вере. Он сурово порицал сребролюбие, безжалостно бичевал гневливость и злобность «сильных мира сего». Дружить со злобным человеком все равно, что держать в руке змею, говорил он, а его расположение к тебе — что скорпион, которого ты носишь за пазухой. Беседе со злобным человеком предпочтителен обжигающий поцелуй крапивы.

По утверждению Сулхана-Саба, человек ругающий своего ближнего, гораздо больший вред наносит себе, своему сердцу и языку, ибо «человек, которого он пожелал ругать, остается невредим». И затем прибегает к изящному сравнению: «Если бы какой-нибудь злобный человек взял бы в руку кусок помета и бросил в воздух, думая тем самым испачкать, осквернить его, разве в первую очередь он не испачкает и не осквернит собственную руку? А воздуху при этом не то что никакого вреда, он его вообще не смог коснуться. Так и ругатель, думая оскорбить других, оскверняет лишь свой рот и язык».

Наверное, не осталось ни одного человеческого порока, которого не коснулся бы Сулхан-Саба в своих проповедях. Соответствующее место уделяет он мании величия. Надменный, одержимый этой манией человек не может отличить добро от зла, ему нравится лишь то, что делает он, и превыше всего он ставит самого себя.

Представьте, и против пьянства он выступил с двумя

проповедями. В первой рассказывается, как вполне добропорядочного человека пригласили в семью, где его весьма щедро и обильно угощают и едой, и вином, да так, что не в меру пьяный гость может даже осквернить стол хозяина. Шатаясь он выходит во двор, и ему кажется, что все вокруг кружится вместе с ним.

Во второй проповеди акцент делается на медицинском аспекте. Подробно перечисляются вредные для человека последствия увлечения спиртным. «Печень воспаляется, разум слабеет, здоровье исчезает, и тело наполняется болезнями, усиливается головная боль, глаза краснеют, зрение ухудшается, слух становится хуже, сердце слабеет, мозг размягчается, и ум и сознание расплываются, руки и голова начинают трястись».

И тут же добавляет, что об этом хорошо знают не только противники пьянства, но и сами любители выпить считают свою страсть мерзостью и позором. И задается ироническим вопросом: если это зло, почему тянетесь к нему, если же это добро, почему поносите?

Не надо думать, что Сулхан-Саба выступал против дарованного Богом вина, что он запрещал этот «лечебный, укрепляющий здоровье» напиток. Нет, его тревожило безмерное употребление вина, превращение бальзама в яд (между прочим, французский путешественник Жан Шарден, присутствовавший на пиру у царя Грузии, писал: «Выпей я столько вина, сколько выпили мои сотрапезники, я тут же испустил бы дух»).

От пронизательного взгляда проповедника не укрывается ни одна из сторон жизни и быта: «Не думайте, что я скажу вам не одевайтесь, не покрывайтесь, не наряжайтесь... Но я скажу вам одевайтесь, не совершая греха, покрывайтесь — не в долг, наряжайтесь не грабленным, украшайтесь не отнятым у вдов или сирот и не из корысти».

Не забывает он отметить ни социальное неравенство (подобно иностранным авторам), ни тяжелое положение крестьян, ни безмерное высокомерие и бездушные царей и вельмож. Сурово осуждает он зависть и распри, коварство и вероломство. Словом, «отец всея Грузии» мудро поучает своих детей, призывая их постоянно помнить о заповедях Христа, думать не только о собственном благоденствии, но считаться и с ближними, человеколюбие сделать правилом жизни и подчинять свои интересы интересам родины, не изменять душевной чистоте и правде. И как современно звучат иные его поучения, как будто он, живой, беседует с нами о наших злободневных проблемах!

До самой своей смерти Сулхан-Саба Орбелиани был верным сподвижником стоявших у руля страны, разделял с ними горе и радости.

Английский картвелолог Дэвид Ленг отмечал, что ~~нельзя~~ отрицать существование в Грузии XVII века, равно как и в тогдашней Западной Европе, насильников-феодалов и безнравственных прелатов, но отрицательные черты грузинской жизни не должны заслонять нам лучшие ее стороны. Представители Мухранской ветви Багратиони на протяжении нескольких десятков лет сделали все, чтобы страна смогла залечить раны и восстановить и утвердить свою национальную сущность. По словам того же Д. Ленга, вышеупомянутый период пробуждения Грузии по своим достижениям безусловно не может сравниться с «золотым веком» Давида Строителя и царицы Тамар, но это были истинный ренессанс, «серебряный век» грузинской цивилизации.

Большого сделать не удалось. Вновь вовлеченная в конфликт больших империй Грузия была принесена в жертву Провидением и своей единой союзницей. Вахтанг VI был вынужден переселиться в Россию, и Сулхан-Саба, немощный старец преклонных годов, последовал за ним. Его брэнное тело нашло свой последний приют в московской земле.

...Константиэ Гамсахурдиа принадлежат следующие слова, сказанные им об этом мудреце великой души, навсегда оставшемся в памяти народной: «Забота о распространении и усилении родного языка такое же великое и почетное дело, как защита родной страны с мечом в руках, поэтому пока существует грузинский народ и грузинский язык, Саба Орбелиани будет считаться отцом нашей родины, положившим много сил и труда для ее процветания».

Заметьте, сперва французский миссионер, а два века спустя Мастер грузинской прозы фактически дали одну и ту же оценку Сулхану-Саба Орбелиани, вечному труженику, самоотверженному деятелю, который действительно был отцом потерянных детей страны-великомученицы, наставлявшим их на тяжкий путь нравственного возвышения.

НЕУГАСИМАЯ СВЕЧА

Пятнадцать веков отделяют нас от истории Шушаник. Сколько воды утекло с тех пор, сколько трагедий разыгралось на нашей земле за прошедшее время. Завоеватель сменял завоевателя, кровопролитным войнам не было конца,

горе отдельных людей меркло на фоне неслыханных бедствий, которые терпела вся страна. Гибли герои и простые смертные, физический и духовный потенциал народа временами иссякал, пришельцы со своими нравами и обычаями и чуждой верой делали все для подавления грузинского духа и порой добивались успеха. Словом, столько несчастий выпало на долю Грузии, что драма жившей пятнадцать веков назад женщины, которая и не принадлежала к нашему роду-племени, может показаться весьма далекой нам, но когда мы читаем эту повесть, написанную талантливейшим грузинским писателем, дышащую слезами и кровью, мы чувствуем, как связь времен подчеркивает дальность времен, и нас охватывает восторг перед величием человеческого духа. Чтобы заслужить бессмертие, героиня этой повести не выигрывала кровопролитной войны, не распространяла новой веры, не возводила храма, не сочиняла книг, но какому из этих деяний может уступить та стойкая самоотверженность, с которой человек сопротивляется подавляющей его дух и личность силе.

Бессмертное произведение Якоба Хуцеси или Цуртавели о мученичестве Шушаник — первый дошедший до нас памятник древней грузинской литературы — красочно и убедительно повествует о героизме преданной христианской вере женщины. На страницах повести мы сталкиваемся с непокорностью, граничащей с фанатизмом, — единственным оружием слабого существа в борьбе против могущественного зла. Мы с гордостью осознаем безграничность духовной стойкости человека, способного одолеть торжествующее в этом мире зло, выдерживать любые пытки и таким образом внести свою, пусть малую лепту в дело защиты и победы правды и благородства. Для такой стойкости не страшна смерть, а личностное достоинство выше минутного наслаждения жизнью. Все вышесказанное — участь только лишь избранных.

«Одну меня постигло это горе», — говорит в начале же повести Шушаник своему духовнику и будущему биографу. Она уже поняла, что Варскен-питиахш без видимых причин и принуждения отверг «истинного Бога», по собственной воле из низменных чувств отрекся от христианской веры, принял маздеизм и получил при шахском дворе покровительство и надежду на помощь в своей борьбе против грузинского царя.

Но Варскен не удовлетворился этим. Он обещал персидскому царю, что в маздеизм перейдут и его жена с детьми. И в подтверждение своей полной покорности и преданности по-

просил у него новую жену, чем немало задобрил его. «Царь был рад этому и велел выдать за него царскую дочь».

В нашем литературоведении высказываются различные соображения по поводу осуществления вышеупомянутого «проекта». Поскольку в тексте Якоба Хуцеси дочь персидского царя больше не фигурирует и Варскен ни разу не требует от Шушаник отречься от христианской веры, делается обычно вывод, что Варскен не привозил с собой новой жены и никакого религиозного конфликта с Шушаник у него не было. Ярость Варскена будто бы вызвана только тем, что жена покинула дворец, и он, так сказать, берется за восстановление семьи.

Трудно разделить подобные соображения, основывающиеся лишь на том, что в тексте повести нет ни слова о прибытии дочери персидского царя в Квемо Картли, категорического требования Варскена о переходе Шушаник в другую веру. Но разве само собой не разумеется, что шахское повеление отдать дочь в жены Варскену-питиахшу непременно было бы исполнено?

И разве не само собой разумеется то, что Варскен прибег бы к любым средствам только бы исполнить свое обещание иранскому повелителю — обратить в маздеизм жену и детей. (Кстати, частично ему удалось выполнить его, когда он обратил в «персидскую веру» своих сыновей).

Шушаник прекрасно понимает, что не сегодня-завтра под давлением Варскена ей придется отречься от христианства, но она не дает ему возможности сделать первый ход, и сама переходит к решительным действиям. Она объявляет своему мужу-вероотступнику, если можно так выразиться, «холодную войну». Покидая дворец, она дает ему понять, насколько несбыточно его намерение обратить ее, Шушаник, в маздеизм.

Так что утверждение, будто бы Варскен требует от жены лишь возвращения во дворец и вовсе не намерен заставить ее менять веру, весьма и весьма сомнительно и не соответствует основной мысли произведения. Ультиматум был бы произнесен лишь в том случае, если бы Шушаник безропотно встретила во дворце возвратившегося из Ирана мужа. Но она опередила Варскена и как бы отодвинула религиозный спор на задний план, поставив его перед более болезненной для него проблемой.

Грузинские исследователи отмечают, что в образе Шушаник естественно сливаются общественная и личная траге-

дин, что конфликт между Варскеном и Шушаник усугублял тот факт, что Варскен по маздеистскому обычаю привез из Ирана вторую жену, а это унижало человеческое достоинство Шушаник и противоречило христианскому учению. Побег Шушаник из дворца — протест оскорбленной женщины против мужа, который к вероотступничеству и измене родине прибавил и измену законной жене, женившись на дочери персидского царя и собираясь продолжать супружеские отношения с Шушаник.

«Одну меня постигло это горе», — провидит свою мученическую участь Шушаник. Все жаждут жизни, все смиряются с удушающей атмосферой. «Прежде всего — жизнь», — вот основная мысль и забота каждого. Жаждут жизни, какой бы горькой она ни была. Только на долю Шушаник выпадает жажда смерти, причем ужасной смерти. «Твое горе — наше горе, твоя радость — наша радость», — так утешает Якоб Хуцеси царицу, готовую на «великий подвиг». Но сочувствие к Шушаник пассивно. Никто не может спасти обреченную, ибо бессильны все перед гневом Варскена. Цуртави уподоблен темнице, непокорных заковывают в кандалы и бросают в тюрьму, а у покорных закованы души, и они также фактические арестанты.

Вот в такой обстановке Варскену-питиахшу противостоит не менее сильная личность — Шушаник. Безжалостный и грозный «волк» не гнушается ничем, лишь бы только достигнуть желаемого, — бьет жену, публично унижает ее, по-женски проклинает, когда Шушаник по его воле помещают в темницу. Население парализовано страхом. Слова поддержки застревают в горле у дьякона, когда он встречается с грозным взглядом Варскена. «Стойко держись! — хотел сказать он несчастной, но успел произнести лишь «Стой...» и бросился бежать.

Впоследствии Шушаник упрекнет брата Варскена Джоджика в том, что никто не рискнул помочь ей и спасти ее от мук. Да, все как один сочувствуют Шушаник, но никто не может оказать ей реальную помощь. Подбадривают словом, льют слезы и просят благословения у царицы, при жизни сделавшейся святой.

Но и сам Варскен бессилён перед Шушаник, которая недостойной жизни предпочла достойную смерть, сама вынесла себе приговор, а Варскен только подписал его. Мученичество Шушаник в отличие от мук распятого длилось отнюдь не шесть

часов. Шесть долгих мучительных лет продолжалась ее Голгофа. Босоногую, с распущенными волосами, измученную и ослабевшую от голода Шушаник сопровождало в крепость великое множество мужчин и женщин, оглашавших воздух громкими рыданиями, и она так обратилась к бессильным своим сострадальцам: «Не плачьте, братья мои, сестры мои, дети мои! Поминайте меня в своих молитвах». Как тут не вспомнить слова Богочеловека, сказанные им на пути к Голгофе: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе, и о детях ваших». Ставшая при жизни святой, Шушаник в восхищении от собственной тяжелейшей участи. Она удивляется искренним слезам Якоба Хуцеси, увидевшего язвы на ее теле, кишачие червями, а его, в свою очередь, поражает ее радость от сознания, что она закована в кандалы и гниет заживо. В экстазе самоистязания царица наслаждается победой собственного духа. Она блестяще справляется с избранной ролью, но перед самой кончиной в ней вновь пробуждается беспомощная женщина, и мы слышим раздирающие душу рыдания по утраченному счастью.

Реалистический рассказ Якоба Хуцеси не изменяет правде жизни: вопреки узаконенной в агиографии традиции он наделяет свою героиню обыкновенными человеческими чертами. Шушаник, которая шестилетние муки предпочла измене вере и жизни с ненавистным человеком, самоистязание голодом в сырой темнице — роскоши дворца, язвы и черви на теле — ласковой руке мужа, тяжелые кандалы — объятиям любимых детей, в конце концов не выдерживает жестоких требований стоицизма и в гневе восклицает, имея в виду Варскена: «И да воздаст ему Бог за то, что так безвременно снял мои плоды, загасил мой светильник и загубил мой цветок, затемнил красоту добродетели моей и унизил мое достоинство».

На протяжении шести лет она упорно стремилась к ниму святой, но на какой-то момент обыкновенная женщина взяла в ней верх. Шушаник горько оплакивает свою угасшую жизнь и оскверненную в темнице красоту. Говоря словами Саргиса Цаишвили, «у нее нет почти ничего общего с т. н. агиографическими героями, основная черта которых — индифферентность к мукам и блаженное чувство приближения к смерти».

Благодаря благословенному и «истинно правдивому» перу Якоба Хуцеси героиня повести — бесстрашная женщина, в знак протеста против зла избравшая своеобразный способ са-

моубийства, становится нам еще более близкой, и как выясняется, мученическая смерть отнюдь не была ее мечтой, она избрала этот путь, который зовется тернистым путем смерти, как единственную возможность избежать недостойной жизни.

Читатель повести Якоба Хуцеси может остаться в недоумении — откуда столько духовной силы в физически слабом существе, нежной и красивой женщине, которую ласково называли Шушаник или Шрошан, что значит «лилия». Как удалось ей победить озверевшего Варскена, во что бы то ни стало стремящегося растоптать ее личность?

Надо думать, что в значительной степени самоотверженность Шушаник была обусловлена внушенной ей еще в детские годы набожностью, которую щедро вскармливали родовые традиции.

Грузинский исследователь Лаша Джанашиа в своем в высшей степени интересном труде «Мученичество Шушаник» приводит во множестве сведения из армянских исторических памятников V века, в которых говорится о заслугах предков Шушаник. Одну ветвь ее генеалогии красит Григор-Просветитель, обративший Армению в христианство, другую — ее отец Вардан Мамиконян, прославленный герой, возглавивший восстание против Ирана.

Представители рода Мамиконян — потомственные полководцы — всегда стояли во главе борьбы родной страны за независимость, а потомки Григора-Просветителя, потомственные первосвященники Армении, как истинные христиане, самоотверженно блюли духовную чистоту ее и честь, беспристрастно обличали грехи армянских царей, порой даже ценой собственной жизни.

Особый интерес представляет история Васака Мамиконяна, деятеля IV века, рассказы о его необычайных победах в войнах с иранцами и византийцами, приправленные фантастическими деталями (как, например, он победил четырехмиллионное войско иранцев малочисленными силами в сорок тысяч человек). Под конец Васак попал в плен, в плену проявил твердость и мужество, был казнен.

В интересах родины и христианской веры Мамиконяны жестоко расправлялись даже с самыми близкими родственниками. Так, например, старшего брата Васака, изменившего родине и переметнувшегося к иранскому шаху, убили по приказу Васака. Изменил родине и другой брат Васака — Ваган. Он отрекся от христианства, принял маздеизм, и иранский шах

отдал ему в жены свою сестру. Вернувшись на родину, Ваган стал разорять Армению; вырезал население, разрушил церкви, тщетно пытаясь обратить всю страну в «веру персов». Его безумие дошло до того, что он подверг жестоким пыткам собственную сестру за то, что она отказалась принять маздеизм, — повесил ее нагую за ноги в башне, возведенной на высокой скале. Ваган пытался обратить в «веру персов» и своих сыновей, пока один из них, Самвел, доведенный до крайности распоясавшимся отцом, не убил и его, и мать. Лаша Джанашиа отмечал, что армянские историки с восторгом повествуют о поступке Самвела Мамиконяна, считая его высочайшим проявлением патриотизма. И даже приводили слова Богочеловека: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

Преданность христианской вере требовала в те времена отречения от всего, что было связано с личностью, ее долгом перед другими. И Шушаник не подпускает к себе даже детей, которых Варскен обратил в «персидскую веру».

Лаша Джанашиа заключает: «Несомненно, на формирование личности Шушаник большое влияние оказало ее происхождение от Мамиконян и Григора Партеви, характер и значение их государственно-политической или общественной деятельности, политическая позиция в разные периоды армянской истории. Большое значение имело также то отношение к роду Мамиконян и вообще предкам Шушаник, которое преобладало в Армении».

Что и говорить, Шушаник прекрасно знала историю своих предков, а лучше всего — жизнь отца, прославленного Вардана Мамиконяна, погибшего в битве при Аварайре (26 мая 451 года). Его смерть, по сведениям армянских историков, стала предвестником поражения восстания.

Великие деяния предков, естественно, служили для Шушаник образцом для подражания, и в душе зрело стремление быть достойной наследницей их славных имен. Мерцающей свече Шушаник прокладывает путь факел, который ее предки не выпускали из рук. Он постоянно призывал эту женщину, родившуюся героиней, нести свою свечу так же гордо, как ее предки — факел, и служить утешением забитым, пораженным духовным параличем людям. И хотя свеча ее жизни была безжалостно погашена Варскеном, свече ее души не суждено по-

гаснуть. Пятнадцать веков светит она, напоминая о подвиге армянской женщины, почитаемой грузинской церковью святой.

...Через некоторое время после смерти Шушаник провидение, а точнее прославленный грузинский царь Вахтанг Горгасал лишил жизни Варскена за измену родине и муки Шушаник. Но месть самой Шушаник оказалась куда более жестокой. Рассказ, поведавший Якобом Хуцеси, обрек Варскена на позорное бессмертие.

ШИДА КАРТЛИ

(КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ)

Речь пойдет об исторической провинции Грузии, занимающей центральное положение на ее территории. Это обстоятельство, наряду с физико-географическими, а также экономическими условиями данного региона определили его особую роль в истории страны, ибо именно тут зародилось древнейшее государство Восточной Грузии; как раз вокруг Шида Картли в средние века и протекал процесс формирования его единой феодальной монархии.

Исходя из физико-географических условий, главным образом из особенностей бассейна реки Куры, территория исторической Картли делилась на Зэмо (Верхнюю), Шида (Внутреннюю или Среднюю) и Квемо (Нижнюю) Картли.

Согласно нарративным источникам, восточной границей Зэна Сопели (Верхней страны) или Шида Картли является Арагви — Армази, северной — Кавкасион, западной — Сурамский хребет, южной — Параванское озеро. Из тех же сведений явствует, что иногда Шида Картли, то есть «расположенная к северу от Куры вся Картли», сопоставляется с «Картли, расположенной южнее Куры». Поскольку в границы Шида Картли непременно входили земли севернее Куры, Гагмамхари, или территория южнее Куры в ряде случаев считалась находящейся за ее пределами.

Название страны — Картли (и производное от нее Сакартвело) происходит от наименования горы, где по данным грузинского историка средневековья Леонти Мровели обосновался легендарный патриарх, родоначальник грузин Картлос. Из попыток этимологизации «Картли» самой достоверной представляется та, которая увязывает ее со словом «Карта», что означает «огороженное место».

Большие разногласия вызывает этимология второго этнотермина — Иберия-Иверия. Несмотря на множество точек зрения, этот вопрос до сих пор не решен однозначно.

Через территорию Шида Картли с древнейших времен пролегали пути сообщения, значение которых часто выходило за пределы Кавказа.

В процессе исследования мной были установлены трассы Дарьяли-Арагвской (позже — Военно-Грузинской) дороги в различные исторические эпохи, в связи с чем возник вопрос о локализации Цобени. На основании источников и существующих топонимов можно сделать вывод, что под названием Цобени («Цобенор» в армянской географии VII века) подразумевается и община, и отдельный пункт (окрестности г. Жинвали). Предпочтение отдано последнему как месту миссионерской деятельности св. Нино.

На территории Шида Картли с древнейших времен пересекались дороги, связывавшие не только отдельные части Грузии, но и всю ее в целом с внешним миром. Если пункты и территории с высоким уровнем экономического развития обусловили направление дорог, то и они, в свою очередь, оказывали большое влияние на развитие «земель». Поэтому вполне естественно, что Шида Картли в качестве узлового пункта пересечения путей сообщения во многом способствовала объединению Грузии как в античную эпоху, так и в феодальную.

Надо полагать, что уже к раннеантичному периоду в Восточной Грузии возникло несколько государственных образований. Одно из них сложилось в Эна Сопели (Шида Картли), центр которой, должно быть, находился в окрестностях Уплисцихе. Создание этого высеченного в скалах грандиозного города-крепости относится к античным временам. В древнегрузинской хронике наряду с Уплисцихе, который упоминается как крепость города Каспи, значительными центрами той же эпохи названы Саркинэ с крепостью «Цихе-диди», Урбниси и Одзрхе.

На рубеже IV—III веков до н. э. возникает единое царство Иберии (Картли) с центром в Мцхета во главе с племянником мцхетского мамасахлиси Парнавазом. Превращение Мцхета в столицу в некоторой степени определялось ее географическим положением. Город находился на пересечении магистральных путей и имел выгодную стратегическую позицию для создания целой системы связанных между собой крепостей. В выдвижении Мцхета, должно быть, большую роль сыграло экономическое освоение Мухранского хозяйственного района, который в ранний период ограничивался рекой Нареквави. Впоследствии Мцхетский экономический район простирается до Ксанского ущелья, начавшееся полное освоение Мухранской доли-

ны повлекло за собой строительство больших ирригационных сооружений на Ксани (Большой канал, каналы Настагиси и Саглахао).

После того, как царь Парнаваз распространил свою власть на всю Картли, и присоединил Колхети, территория древней Грузии была поделена на эриставства. Шида Картли вошла в одну административную единицу, во главе которой стоял спаспет — военачальник.

В армянской анонимной географии VII века, преимущественно отражающей события IV—V веков, Картли представлена разделенной на хеви; в Шида Картли (Зэна Сопели) перечислены следующие хеви: Тунисхеви (Танисхеви), Двани, Ачабетисхеви, Гвердисdziри, Сацхумети, Кснисхеви, Базалети. Некоторые из перечисленных здесь единиц объединяли по несколько хеви. Это в особенности касается Танисхеви, которая вместе с Гвердисdziри охватывала почти всю Гагмамхари.

Позже, на рубеже V века в результате деятельности Вахтанга Горгасала происходит объединение Восточной и Западной Грузии в единое царство с подчинением большей части Кавкасионии. И снова страна была разделена на административные единицы — эриставства. Вся Шида Картли стала одной административной единицей — спаспетством во главе с спаспетом Джуаншером. Вахтанг провел и церковную реформу. Во главе церкви вместо архиепископа он поставил католикоса, создал также новые епископства. В годы его царствования в Шида Картли действовали следующие епископства: Самтаврское, Цилканское, Самтависское, Урбнисское, Руисское, Никозское. Примечательно, что все эти епископские кафедралы располагались севернее Куры. Что же касается сел Гагмамхари Шида Картли, то большинство из них входило в сеньорию Мцхетской епархии.

В середине VII века социально-политическое и культурно-экономическое развитие Грузии было приостановлено арабскими нашествиями. В 736—738 годах полководец халифата Мурван-кру (Мурван-глухой) с беспощадной жестокостью разорил Мцхета, Мта-Картли, Каспи, Урбниси и множество других населенных пунктов Шида Картли. Арабы прочно осели в Картли, поставив во главе страны эмира, а вскоре упразднили и власть эрисмтавара.

Вся тяжесть арабского господства ложилась на внутренние районы Картли. В окраинных районах Грузии народ жил относительно спокойно, достигая определенных успехов в экономическом и культурном развитии. В этих условиях на грани VIII—

IX веков сложились такие новые крупные феодальные единицы, как княжества Кахети и Эрети, Эгриси — Абхазское царство, Тао-Кларджетское княжество (куропалатство ^{16.11.53.00} грузин, впоследствии — царство).

Между ними разгорелась междоусобица за первенство и расширение владений, вылившаяся одновременно в ожесточенную схватку за объединение грузинских земель под знаменем борьбы за Картли.

И здесь несомненных успехов достигло Кахетинское княжество. В IX—X веках Кахети присоединила большую часть Шида Картли. Необходимым условием владения Картли было строительство фортификационных сооружений. Именно с этой целью кахетинским хорепископом (викарием) Фадлоном II в начале X века и была возведена Лоцобанская крепость. Ареной борьбы за Картли помимо Лоцобани стали и другие крепости, в частности, Цирколи и Гру, которыми до середины XI века владели кахетинцы. Таким образом, владения Кахетинского княжества (впоследствии царства) до XII века простирались до Ксани.

В VIII—X столетиях на Северном Кавказе под влиянием грузинской культуры построены храмы Ткоба-Ерды, Таргим, Алби-Ерды. Единственную политическую силу, способную принести в северо-восточную часть Кавказа христианство и связанную с ним грузинскую культуру, представляло Кахетинское княжество.

С целью предотвращения набегов алан и хазар арабы в VII—X веках укрепляли Дарьяльское ущелье, подчас преодолевая сопротивление грузинских горцев — цанар («санары» греческих и арабских писателей). Согласно армянской географии VII века, во владения цанар входили Дарьяльские и Цилканские ворота. Впоследствии цанары занимают господствующее положение в Кахети (возможно, и в Шида Картли), ведут успешную борьбу с арабами. Фортификационные сооружения в ущельях Арагви, Ксани, Лехуры, Меджуды, в верховьях Лиахви и Терека представляли единую оборонительную систему, созданную в раннефеодальный период. Обязательным элементом этих сооружений являются «зургиани кошки» («башня с круглой спиной»), или грузинские башни. Эта оборонительная система успешно применялась против арабов и северных племен.

После того, как Картли освободилась от непосредственного господства арабов во второй половине IX века, картлийские дворяне стали своевольно распоряжаться страной. Несмотря на это, среди грузинских дворян в X веке выдвинулись пред-

ставители фамилии Тбели, глава которой считался «владыкой Картли», впоследствии — эриставом.

В 904 году абхазский царь Константин (сын абхазского царя Георгия) в борьбе за объединение Грузии овладел Уплисцихе и «всей Картли» и стал именоваться «владельцем Картли». Его резиденция расположилась в Уплисцихе, являвшимся в X—XI веках политическим центром Шида Картли.

Наиболее возвысившиеся дворяне Картли, очевидно, владели несколькими «хеви» и значительными крепостями. Такими во второй половине X века были владелец Дзамской крепости Адарнасе, князь Дзамский и клдэкарский эристав Рати, владевший Атэнской крепостью, землями южнее Куры — Триалети, Манглисисхеви и Сквирети. Среди феодалов-дворян Шида Картли того периода были Сазуэрели, Мгдэури, Канчаэли, Коринтэли, Схвилосели, Пхвенэли, резиденции которых установлены мной.

В северо-западной части Шида Картли — в позднесредневековой «Верхней Картли», в ущелье реки Пронэ еще с ранних времен формируется отдельная «земля», центром которой в I веке, по-видимому, был «Дэдоплис миндори», а в V—VII веках — Двани. В последующие века центр перемещается в северную часть ущелья Дванисцкали. На исходе раннефеодального периода в бассейне Пронэ возникает малое эриставство Сакартли, входившее в Картлийское эриставство. Его центр — Сакартлийская крепость; усыпальницей же эриставов, по-видимому, был Сакартлийский монастырь, известный в литературе под названием Цорбисского. Образование Сакартлийского эриставства, по всей вероятности, связано с экспансией в Шида Картли западногрузинского государства — Абхазского царства. Термины «Сакартлийское эриставство» и «Сакартлийская крепость», пожалуй, западногрузинского происхождения. Сакартлийское эриставство, по-видимому, играло роль буфера между Аргвети («чихский эристав») и Уплисцихе.

Освобождение страны от иностранных захватчиков и объединение Грузии в единую монархию завершены при Давиде Строителе. В 1122 году он освободил Тбилиси, который стал столицей объединенного грузинского царства. С именем Давида Строителя связывают и превращение Гори в город.

В царствование наследников Давида Строителя (Деметре I, Георгий III, Тамар) Грузия становится одним из могущественных государств Передней Азии. В экономической и культурной жизни страны тон по-прежнему задавала Шида Картли. Значительная часть ее была превращена в царский домен.

Резиденция картлийских эриставов в XII—XIII веках находилась в Сурами. Если в античные времена резиденция картлийского эристава или спаспета располагалась вблизи Мцхета, то в VI веке она уже в Цихедиди — Настагиси, в X-ом — в Уплисцихе, а уже в XII—XIII столетиях — в Сурами. Ее перемещение происходило с крайней восточной части региона к самой границе западной. Возможно, это связано с тенденцией объединения Грузии, со слиянием Шида Картли с Лихтимерети. Итак, расширение территории Картлийского эриставства происходило в западном направлении.

С середины XIII века политическая мощь Грузии пошла на убыль, страна подверглась нашествиям хорезмшаха Джелал-эд-дина, а затем монгольских орд, утвердившихся в ней надолго. Окончательно разорил ее на рубеже XIV—XV столетий своим восьмью походами Тамерлан (груз. Тэмурленг). К исходу XV в. единая феодальная Грузия распалась на отдельные царства и княжества, где, в свою очередь, возникли малые политико-административные единицы — сатавадо (сеньории), владевшие землями, замками, церквями, монастырями, располагавшие собственным войском.

Вследствие распада Шида Картли образовались следующие сатавадо: Ксанское (XIII в.) и Арагвское (XIV в.), Сацициано (конец XIV в.), Саамилахвро, Самачабло, Саамирэджибо, Саджавахо (XV в.), Самухранбатано (XVI в.). Наряду с перечисленными в XVII веке здесь существовал еще целый ряд мелких политико-административных единиц.

С XVI века Картлийское царство разделилось на четыре военно-административные единицы — садрошо (воеводства). На территории Шида Картли их было три. Во второе входили земли западнее Ксани до Хепинисхеви, в третье — Самухранбатано, Арагви и Ксани, в четвертое — Гагмамхари.

Ксанское эриставство сложилось в результате слияния Кснисхеви и Цхрадзмисхеви раннефеодальной поры. Фактически его история — это процесс взаимосвязей и единоборства двух этих единиц — горной и равнинной.

Позднее, присоединив Гвердисдзири, Сацхумети и Магран-Двалети, предводители Ксани создали сильную политико-административную единицу. Ксанские эриставы очень часто находились в оппозиции к царской власти. Во второй половине XVIII века в связи с объединением царств Картли и Кахети центральная власть заметно усилилась. В 1777 году после упразднения Ираклием II Ксанского эриставства большая часть вотчин перешла в руки царевичей. Знаменателен и закономерен тот факт,

что периоды возвышения Ксанского эриставства (хеви), а точнее усиление самих эриставов (их владетелей), совпало с полосой ослабления центральной власти и наоборот.

Ядром Арагвского эриставства в раннефеодальную эпоху являлось Базалети-Арагвиспири, что обуславливалось, во-первых, высоким уровнем экономического развития этого края (в основном полеводства и виноградарства) и, во-вторых, выгодным географическим и стратегическим положением Базалетского плато. Наиболее возвышенная часть его создавала благоприятные условия для организации оборонительной системы. Позднее арагвские эриставы присоединили еще Чартали, Цхавати, Хада, Хеви. В течение непродолжительного времени они распространяли свое влияние также на Эрцо-Тианэти и Пшав-Хевсурети. В 1743 году восставшие крепостные убили арагвского эристава Бежана. Воспользовавшись этим, царь Теймураз II упразднил Арагвское эриставство и передал край в управление своему внуку — царевичу Вахтангу.

Поздняя Саамилахвро в ранние века являлась землей Уплисцихе. В нее входили Каспская земля античного периода и Гвердисdziри раннефеодальной поры. На той же территории в IX веке располагалось эриставство, во главе которого стояли Канчаэли. Возможно, они были картлийскими эриставами. На такое предположение наталкивает тот факт, что в списке Вахушти села от Ксани до Меджуды даны под общим названием «Картлиса» (то есть «принадлежащие Картли»).

Эта же территория, представлявшая ее центр, управлялась картлийским спаспетом. Зевдгенидзе получили должность амилахори при картлийском дворе в первой половине XV века. А должность амирспасалара последний раз упоминается в XIV. В дальнейшем ее значение падает, больше прав появляется у амилахори, сменившего амирспасалара. Территория вотчин амилахоров была значительно меньше сасардло. Но значение амилахоров усиливало то обстоятельство, что с начала XV века они занимали должность горийского моурава. В определенном смысле позднесредневековая Саамилахвро как феодальное образование становится политическим наследником Каспского спасаларства как античной поры, так и раннефеодальной. Наибольшей силы Саамилахвро достигло во второй половине XVII и первой половине XVIII веков. Должность амилахори и воеводы правого садрошо были неразделимы. После присоединения Грузии к России в 1801 году и упразднения Грузинского царства, должность амилахори теряет свое значение и Саами-

лахвро как политико-административная единица прекращает свое существование.

В античную эпоху и в раннее средневековье сельскохозяйственный район Мцхета-Мухрани — это царский домен, входивший в пределы Картли. Во II—IV веках центр Мухрани — город Дзалиси. В VIII—IX-ом, когда в Картли была упразднена царская власть, он перешел во владения Кахетинского княжества.

Отторжением в 1123 году ст Дзагани и превращением в государственный монастырь Давид Строитель вновь вернул Шио-Мгвиме, а следовательно и Мухрани, в статус царского домена. В XIV столетии он становится собственностью Зевдгенидзе. В пору ослабления царской власти и натиска ксанского и арагвского эриставов возникает опасность потери всего Мухрани. В том же веке в соответствии с новыми социально-экономическими условиями старейший домен Мухрани трансформировался в сеньорию Самухранбатано, перешедшую во владение одной из ветвей царской династии. Этот неизбежный акт, порожденный условиями того времени, был направлен на сохранение любым способом царского домена, хотя бы в форме сеньории, посредством усиления местной власти с использованием крепостей. Самухранбатано, как административная единица, прекратил свое существование в 40-х годах XIX века.

В начале XV в. в верхней части Лиахвского ущелья на территории административной единицы Ачабетисхеви раннефеодального периода начала формироваться отдельная сеньория — Самачабло. Не разделяя мнения относительно происхождения Мачабели от Анчабадзе (Вахушти, С. Джанашиа), более правомерной считаю точку зрения, согласно которой Мачабели восходит к Тавхелидзе. Формирование Самачабло и расширение его территории связано с преодолением сопротивления царской власти. Согласно поздним источникам, земли Мачабели представляли собой довольно большую территорию, в которую входили: ущелье Лиахви от Цхинвали — Дгврисского ущелья до Роки, в Двалети — Зрогское ущелье, истоки рек Квирилы и Дванисцкали. Самачабло, как сеньория, была упразднена в 1850 году, когда ввиду обострившейся классовой борьбы между Мачабели и крепостными, согласно постановлению Сената, 2000 дымов крепостных было передано Казенному ведомству.

Во второй половине XIV века переселившиеся из Панаскертти в Картли Панаскерттели-Цицишвили на базе раннефеодальной территориально-административной единицы Гвердис-

дзири и отчасти Атенского ущелья основали в Гагмамхари сеньорию — Сацциано, вобравшую почти всю территорию Гагмамхари. И в позднее средневековье, ввиду необходимости тесных экономических взаимоотношений, налицо тенденция сближения (или единения) Гагмамхари с Триалети. Цицишвили, владевшие почти всей Гагмамхари, претендовали на Триалети, где владели Рехой. Таким образом, то, что земля Сацциано простиралась на обширной территории, имело свои экономические, и следовательно, необходимые историко-географические предпосылки. Сацциано было политическим наследником княжества Рати Багваши (X в.) и, как административная единица, прекратило существование в 40-х годах XIX века.

В бассейне Пронэ, где в раннефеодальную пору располагалась административная единица Дванисхеви, а в конце эпохи Сакартлийское эриставство, в позднее средневековье сформировалось несколько сеньорий. Саамирэджибо (XV в.), Сапалавандишвило, Садавиташвило и Саабашно (XVII в.). Особенность Саабашно и Саамирэджибо в том, что они включали в свои владения территории по обе стороны Лихского хребта. Последний ввиду своей относительно небольшой высоты и множества перевалов был легко преодолим и не только не создавал препятствий для взаимосвязи земель, расположенных на востоке и западе от него, но даже объединял близлежащие провинции. Эта тенденция прослеживается еще с эпохи ранней бронзы. Лихский хребет способствовал созданию единой земли и в античную эпоху (на западе крепость Модинахе, на востоке — Мцхетисджвари, она же крепость Али). В раннефеодальную эпоху положение неясно. Во время развитого феодализма Лихская земля находилась в центре объединенной Грузии.

Все позднесредневековые политико-административные единицы Шида Картли образовались на базе античных и раннефеодальных, выступая в качестве их политических преемников.

XI—XII века это — период расцвета городской жизни, на фоне общего политико-экономического подъема всей Грузии. Не говоря уже о возвышении Тбилиси, в ту пору возникли такие города, как Атени, Гори, Сурами, Али, Зоврети.

С 80-90-х годов XIV столетия внешне-политическое положение Грузии осложнилось. В начале XVI века в Иране воцарилась династия Сефевидов, коварные замыслы которой дорого обошлись Грузии. Беду предвещало и появление во второй половине XV века Османской империи. Великие географические открытия и последовавший за ними упадок прохо-

дивших через Закавказье и Малую Азию торговых путей из Европы в Индию, открытие новых северных путей от Белого моря в Иран через Архангельск, Москву, Астрахань постепенно ослабили политические и экономические интересы европейских стран к Ближнему Востоку.

В XV веке экономические, социальные и политические изменения в Грузии обусловили спад городской жизни. Некоторые из городов вовсе прекратили свое существование.

В XV—XVI веках намного уменьшилось население Тбилиси. После XV века уже не упоминается в качестве города Жинвали. В XVII—XVIII столетиях наряду с Тбилиси значительным городом Картли был Гори, а также малые города — Сурами, Цхинвали, Али, Ахалдаба. Во второй половине XVII века на реке Тедзами царь Ростом основал Ахалкалаки. Вахушти Багратиони в своем «Описании» к большим городам причисляет Тбилиси и Гори, а малыми считает Тамарашени, Цхинвали, Сурами, Али, Ахалкалаки, Мдзоврети, Атени, Ахалгори.

По сведению армянского историка XII века Матеоса Урхаеци, Гори был основан Давидом Строителем. Вахушти Багратиони, исходя из неверной интерпретации сведений историка Джуаншера, старым названием Гори считает Тонтио. В действительности же, Тонтио могла быть деревней в Джавахети, а старым названием Гори, вероятно, считалось Рехи (Реха).

Для позднесредневековых городов Шида Картли характерен общий экономический спад. В последний период эпохи имел место относительный расцвет главных городов Шида Картли — Тбилиси и Гори. Хотя следует иметь в виду и трагедию 1795 года, причинившую невозместимый ущерб столице Грузии. Установление на юге господства Турции и потеря южных земель сказались на городах Шида Картли. Ориентированные на юг Атени, Ахалкалаки, Мдзоврети и Сурами пришли в упадок. Та же тенденция имела место и в ориентированном на Западную Грузию городе Али.

Наряду с этим, в связи с активизацией Северной или Арагви-Дарьяльской торговой дороги выдвинулись на передний план и превращались в города Ананури и Душети. Утратил свое значение оставшийся в стороне от магистрали город Ахалгори. Оживился Цхинвали, как связующее звено между верхним бассейном Лиахви и равнинной полосой Шида Картли.

Для ее обширной территории в течение длительного исторического периода были характерны основные общие черты

социально-экономического развития, хотя отдельные регионы здесь в этом отношении имели свою специфику. При изучении ущелий Шида Картли привлекла внимание особенность социально-экономического развития Ксанского ущелья в Картли античной и феодальной эпох. Это — богато представленные памятники материальной культуры, факт создания уникальной летописи эриставов — «Дзегли эриставта» («Памятник эриставов»), большой удельный вес ксанских вельмож в истории Картлийского царства.

В ходе сопоставления Ксанского ущелья с Арагвским становится очевидным, что, несмотря на их расположение на одной географической широте, Ксани стоял на более высокой ступени социально-экономического развития. Так называемый «ксанский феномен» можно объяснить природными условиями Ксанского ущелья. На территории Ксани находятся горы и равнины, экономически развитые обширные предгорья, способствовавшие беспрепятственным взаимосвязям между горным и равнинным регионами. Ввиду существования обширного предгорья в Ксанские горы легко проникали экономические, культурные и социальные импульсы равнины.

Подобного предгорья не было ни на Арагви, ни на Лиахви. На соответствующих широтах располагались теснины Чартальского (на Арагви) и Джавского (на Лиахви) ущелий, не способствовавшие взаимосвязям горных и равнинных регионов, что отразилось на их социальном развитии.

Из обширного материала, которым можно располагать, коснусь лишь социального института «сакдрисшвилни» (буквально — «дети церкви»). Неслучайно он получил развитие именно на Ксани (ларгвисское «сакдрисшвилни») и оказался чуждым населению Арагвского и Лиахвского ущелий. В то же время с ним знакомо Хеви (гергетские «сакдрисшвилни»). Если ларгвисские «сакдрисшвилни» в социальном отношении были сродни классическим «сакдрисшвилни» — «мцхетисшвилни», то гергетские «сакдрисшвилни» наделены функцией социальных взаимоотношений, характерных для переходного периода от раннеклассового общества к феодализму, и занимали промежуточное положение, с одной стороны, между «сакдрисшвилни» равнины («мцхетисшвилни») и ларгвисскими «сакдрисшвилни» и, с другой, между «джварискмоба» и «хатисшвилоба» в Хевсурети.

Сравнивая социальную терминологию двух исторических источников одной эпохи — «Дзеглис дадэба» и «Дзегли эриставта», из которых один отражает особенности общества Мти-

улетит (Арагвское ущелье), а другой — общества Цхрадзма (Ксанское ущелье), убеждаешься в том, что с точки зрения социального развития последнее стояло значительно выше первого.

Тщательное знакомство с локальными особенностями ущелий Картли показало особое значение физико-географических условий или географической среды для социально-экономического развития общества в период докапиталистических формаций, в частности, в эпоху феодализма.

Изучение этнической географии Шида Картли потребовало исследования вопроса, касающегося этнической принадлежности бунтурок и цанар. Учитывая данные источников и специальной литературы, можно сделать вывод, что бунтурки — название нереального племени, сведения о котором в Картли не могли появиться ранее VI века нашей эры. Касаясь проблемы цанар, я постарался аргументировать соображение, высказанное Н. Марром и С. Какабадзе относительно того, что они генетически являлись племенем сванского происхождения. В средние века цанары испытали на себе сильное культурное и языковое влияние восточно-грузинских племен.

Население Шида Картли с древнейших времен было грузинским, но на протяжении веков процесс этнического перемещения с гор на равнину оставил определенный след на этническом составе населения.

Среди топонимов Шида Картли встречаются «занизмы» и «сванизмы» и грузино-зано-сванские параллельные формы. Начиная с эпохи бронзы археологические культуры Западной и Восточной Грузии находятся в тесной связи. Вместе с тем, особенности, замеченные в топонимии Шида Картли, подкрепляют вывод, полученный на основании словособразования (Г. Климов), относительно древнейшей локализации грузинских племен в регионе Кавкасион (Главный Кавказский хребет). Они же, видимо, проживали на Малом Кавказе.

Наряду с вышеотмеченными грузинскими и другими картвельскими топонимами в Шида Картли встречаются топонимы, являющиеся продуктом других языков. Это в особенности касается топонимов нахского происхождения. Сведения Леонти Мровели о заселении во II веке до нашей эры царем Саурмагом «рода кавкасианов» — потомков Кавкасоса (дурдзуков) — в горы Грузии указывают на хронологическую грань для датировки расселения в Картли нахских племен. Инфильтрация их имела место на территории, населенной картвельскими племенами.

В средневековой Шида Картли, в основном в городах, наряду с грузинами проживали евреи и армяне, на что указывают эпиграфические памятники, исторические документы и сведения Вахушти Багратиони. В средние века, по-видимому, имели место разновременные миграционные волны в Картли евреев и армян.

Появление в Шида Картли некоторых топонимов осетинского происхождения, в основном хозяйственного значения, относится к позднему времени, когда осетины начали селиться в этих местах.

Алан-осетины, проживавших на равнинах и в горах Северного Кавказа, с давних пор связывали с Грузией военно-политические и экономические отношения. В военных целях Грузия часто использовала наемные осетинские отряды.

В конце XIII века военные отряды осетинских феодалов, инспирированные монголами, воспользовавшись отсутствием царской власти в Картли, проникли туда Дербентским путем и захватили город Гори, а также другие крепости. 30 лет спустя царь Георгий V Блистательный, по словам летописца XIV века, их «истребляет и выпроваживает» из Грузии.

Ослабление царства Картли, уменьшение грузинского населения создали соответствующие условия для инфильтрации осетин с Северного Кавказа в Шида Картли.

Образование осетинских поселений в Картли относится к позднему средневековью. Еще в XIII—XIV веках монголами были разорены осетины, проживавшие на равнинах Северного Кавказа. Уцелевшая часть их укрылась в высокогорных районах Центрального Кавказа. В поисках средств к существованию они пробирались к селам грузинских горцев и часто поселялись на землях местных феодалов. Бесспорное сведение о наличии в горах Шида Картли, а точнее в верховьях р. Лиахви, осетинского населения относится к XVII веку и принадлежит русскому послу в Грузии М. И. Татищеву.

По данным Вахушти Багратиони, в 30-х годах XVIII столетия осетины проживали в верхней части бассейна реки Лиахви, в верховьях рек Меджуды, Лехуры, Ксани и Терека.

В 1842 году в границах Грузии (в составе Тифлисской губернии) было образовано несколько территориально-административных единиц, в том числе Осетинский округ, в 1843 году разделенный на три участка (Джавский, Малолиахвский, Нарский). В 1858 году Нарский участок (историческая Двалети) был отделен от Тифлисской губернии и передан Терской обла-

сти, а Джавский и Малолиахвский полицейские участки были включены в состав Горийского уезда.

26 мая 1918 года образовалась Демократическая республика Грузия и тем самым была восстановлена грузинская государственность, утраченная вследствие акта аннексии в 1801 году со стороны Российской империи. Во главе Демократической Грузии стояли социал-демократы меньшевистского толка. В 1918—1920 годах осетинские экстремисты, населявшие нагорную часть Шида Картли, так называемую Южную Осетию, прикрываясь знаменем большевизма, устраивали вооруженные выступления против меньшевистской — свободной Грузии — и боролись за установление Советской власти, за отторжение «Южной Осетии» от Грузии и присоединение ее к РСФСР. Увы, история повторяется.

Самым крупным из этих выступлений было начатое по указанию Кавказского бюро ЦК РКП(б) вооруженное восстание в «Южной Осетии» в мае—июне 1920 года, установившее Советскую власть и объявившее ее «неотъемлемой частью РСФСР», что явилось попранием национально-территориальных прав грузинского народа, явным посягательством на территориальную целостность республики, попыткой отторгнуть исконные грузинские земли. Требования восставших шли вразрез и с договором, заключенным 7 мая 1920 года между Советской Россией и Демократической республикой Грузия, по которому «Южная Осетия» признавалась неотъемлемой частью Грузии.

25 февраля 1921 года Демократическая Грузия была оккупирована Красной Армией.

Вскоре 20 апреля 1922 года не без участия Сталина и Орджоникидзе, без всякого на то юридического и исторического основания, была создана Юго-Осетинская автономная область с включением в нее грузинских селений.

Итак, на всем протяжении двадцатипятивековой истории грузинского государства на его территории никогда не существовало и не может существовать осетинского государственного образования.

О ЕДИНОЙ С ВЕЛЬМОЖАМИ ВОЛЕ

Историко-юридическая литература пополнилась новым серьезным изданием¹. Вышел в свет новый русский перевод «Распорядка царского двора», исключительного по своему значению памятника, скорее всего, начала или середины XIV века, донесшего до нас сведения о государстве и праве средневековой Грузии. В аннотации указывается, что русский перевод его, выполненный В. Дондуа, историком широкого кругозора и глубоким знатоком отечественной историографии и источниковедения, будет интересен как для историков и специалистов по сравнительно-историческому правоведению, так и для широкого круга читателей.

Грузинский оригинал «Распорядка» был обнаружен в 1908 году выдающимся историком и источниковедом Э. Такаишвили, впоследствии опубликовавшим его текст с исследованием.

Рукопись «Распорядка» дошла до нас в неполном виде — сохранилось 60 страниц, утрачено 84.

«Распорядок» составлен в Кутаиси или Гелати и, по мнению акад. Э. Такаишвили, должен являться копией книги регламента, туманное и краткое сообщение о которой встречается у царевича Вахушти в его «Истории»: наряду с источниками, которыми он располагал, названа Имеретинская книга старого регламента; в другом месте более определенно — Книга старого регламента и законов в Имерети гелатская...

«Распорядок» был составлен по заданию царя, и составитель был скорее всего царедворец, но, как справедливо указывал Э. Такаишвили, не визирь, однако должность его была не ниже мцигнобара опочивальни (писца, дьяка опочивальни) и амирэджиба (личность адъютанта царя).

¹ Распорядок царского двора. Перевод В. Д. Дондуа. Редактирование текста, введение, примечания, краткий комментарий и указатели Д. Л. Пурцеладзе. Изд. Мецниереба. Тбилиси, 1991 г.

Как явствует из «Распорядка царского двора», его составитель вне всякого сомнения имел на руках прежний «Распорядок», и не один, а несколько, причем разных авторов. Он упоминает их, когда выражает несогласие с ними — опровергает, спорит, полемизирует. Э. Такаишвили и другие ученые справедливо обратили внимание на то обстоятельство, что автор «Распорядка» пользуется не только прежними книгами распорядка, но и другими документальными и нарративными источниками.

Автор «Распорядка» полемизирует, в частности, с Сопромисдзе по поводу того, являются ли основными, постоянными членами царского совета четыре высших духовных лица и тройка первейших визирей, а если нет, то каков порядок их приглашения в царский совет.

«Распорядок» является весьма ценным источником по грузинскому государственному праву. По мнению И. Джавахишвили, содержание этого памятника столь многообразно, что он имеет чрезвычайное значение для изучения как государственного строя, так и культурной и экономической истории Грузии.

И. Джавахишвили высказывал надежду, что в конце концов будет обнаружен либо полный текст «Распорядка царского двора», либо другой памятник того же характера, и тогда все досадные пробелы будут восполнены. «До того же путем критического изучения сохранившегося текста следует стремиться по крайней мере к его сильному восстановлению в первоначальном виде».

Однако, к великому сожалению, И. Джавахишвили не успел завершить свой опыт реставрации текста «Распорядка».

Во введении к рецензируемой книге Д. Пурцеладзе рассматривает работы тех ученых, которые пошли по пути Джавахишвили и продвинулись дальше его начинаний в деле реконструкции текста «Распорядка» (И. С. Долидзе. И. Ю. Сургуладзе и др.) Не обходит он вниманием и оригинальную работу И. П. Антелава «Центральное и местное управление Грузии в XI—XIII вв.», опубликованную в 1983 г. Отдавая должное книге И. Антелава, Д. Пурцеладзе отмечает: «Оценивая выводы И. П. Антелава, думается, следует иметь в виду, что вопрос о времени составления и вопрос о том, какой эпохи картину воспроизводит исторический памятник, все же не один и тот же вопрос, на этот раз во всяком случае». По мнению Д. Пурцеладзе, то обстоятельство, что в «Распорядке»

дается картина, отражающая действительность всей Грузии, вовсе не исключает описания этой картины лет на сорок позднее.

Д. Пурцеладзе не согласен с предположением И. Антелива, что автором «Распорядка царского двора» должен был быть один из эджибов, так как эджиба никак не причислишь к столь высоким придворным чинам или царедворцам, в присутствии и по свидетельствам которых формировались правила придворного регламента.

В архиве покойного профессора В. Дондуа сохранился лишь черновой перевод «Распорядка царского двора», и редактор текста «Распорядка» Д. Пурцеладзе располагал только этим вариантом, что, однако, не исключает признания за работой немалых достоинств. Думается, та оценка перевода В. Дондуа, которая дается Д. Пурцеладзе, обоснована и вполне научна. Прежде всего, отмечает он, в своем переводе В. Д. Дондуа весьма близко следует оригиналу, возможно, в стремлении предельно приблизиться к адекватному его отображению. Об этом свидетельствует и некоторая шероховатость стиля, и терминологические поиски и колебания.

В целом Д. Пурцеладзе высоко оценивает перевод В. Дондуа, считая, что прочным фундаментом переводу служит общен историко-филологическая и источниковедческая эрудиция переводчика.

Особо следует сказать о той, на редкость трудоемкой работе, которую проделал Давид Леванович Пурцеладзе, известный ученый, переводчик грузинских юридических памятников, таких как «Судебник царя Вахтанга VI», «Судебник Георгия Блистательного», «Законы Баграта Куропалата», «Законы Католикосовы» и многих других. Ему принадлежат редактура «Распорядка», введение, примечания и комментарии. В результате мы получили академическое русское издание «Распорядка царского двора», где скрупулезно прокомментированы и исследованы все правовые устойчивые выражения и клаузулы.

На одно обстоятельство, по нашему мнению, следовало бы обратить внимание редактору и автору введения «Распорядка».

В «Распорядке царского двора» встречается формула о «единой с вельможами... воле» — принцип монаршего единоволия со знатью.

Не исключено, что в феодальной Грузии господствовала политическая теория, более или менее аналогичная византийской — «таксис», своеобразный грузинский вариант средне-

вековой теории о государстве, которой чужда идея единоличной всеобъемлющей власти. В «Распорядке царского двора» прослеживается идея о неприятности деспотии, ибо для деспотии характерна милость, основанная на доброй воле или капризе деспота и отсутствие каких-либо обязанностей по отношению к подданным, в том числе и знати. При деспотии нет места правовой формуле — «Определила Она (царица) по единой с вельможами и всех семи царств Грузии воле».

Наше замечание носит частный и, возможно, спорный характер.

В целом же рецензируемая книга заслуживает положительной оценки. Ознакомление с ней принесет пользу научным и практическим работникам, широкой читательской аудитории.

Георгий НАДАРЕИШВИЛИ

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камлла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор К. Котомина

Корректор Е. Сопромадзе

Сдано в набор 11.09.91 г. Подписано к печати 22.01.92 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1, Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 3 500. Заказ 1719. Цена 1 р. 30 к.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться типографию Издательства «Самшобло» по вопросам подписки доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава.

Б 13/77

1 руб. 30 к.

ИНДЕКС 76113
საქართველოს
საბჭოთავო
წიგნობის
სამსახური

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურსადა კრუსია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

«Литературная Грузия» 1991, № 9-10, 1-1997